

КОНТР@БАНДА

Ежемесячный журнал о современной русской литературе

Журнал «Контрабанда» основан в ноябре 2007 году на Седьмом форуме молодых писателей в Липках участниками литературного Интернет-журнала «Точка Зрения» (<http://lito.ru>) Алексеем Караковским, Анастасией Яковлевой-Помогаевой и Андреем Белозёровым. Генеральные партнёры журнала — издательство «Современная литература в Интернете» (<http://litseries.ru>) и веб-студия «Web-техника» (<http://webtechnics.ru>).

Журнал приглашает к сотрудничеству литературных критиков и публицистов. Приветствуются юмор, дерзость, интеллект. Не приветствуется академичность, официальность. Публикация литературных произведений осуществляется на коммерческой основе (1 страница — 500 рублей). Заявки на публикацию принимаются по адресу karakovski@gmail.com. Редакция оставляет за собой права отказа в публикации любых текстов.

Журнал распространяется в Москве, Петербурге, Калининграде, Казани, Нижнем Новгороде и Перми, а также через Передвижную книжную лавку писателей Живого журнала (подробнее — см. на официальном сайте). Журнал «Контрабанда» является участником журнальных Интернет-порталов «Читальный зал» и «Мегалит».

Официальный сайт журнала: <http://zhurnal.lito.ru>
E-мэйл: karakovski@gmail.com

Главный редактор — Алексей Караковский.
Литературный редактор — Сергей Алхутов.
Выпускающий редактор — Анна Герасимова.
Вёрстка — Алексей Караковский.
Фото — Наталья Караковская.

Редакционный совет:

Сергей Алхутов (Москва) — прозаик, редактор Интернет-журнала «Точка Зрения», член Союза писателей Москвы.

Лиене Ацтиня (Саулкрасты, Латвия) — поэтесса, главный редактор Интернет-журнала «Точка Зрения».

Алексей Караковский (Москва) — прозаик, музыкант, издатель, член Союза писателей Москвы.

Елена Бондаренко (Блонди) (Железнодорожный) — прозаик, главный редактор Интернет-проекта «Книгозавр».

Андрей Моисеев (Москва) — критик, эссеист.

Анна Никольская-Эксели (Барнаул) — детский писатель, Посол Мира «Конвента Народной Дипломатии» в России.

Ольга Таир (Новозыбков) — прозаик, критик, эссеист. Модератор сообщества «Мир книг» books.world.

Дэн Шорин (Тула) — писатель-фантаст, редактор Интернет-журнала «Точка Зрения».

Общественный совет:

Кирилл Ковальджи (Москва) — поэт, прозаик, переводчик, секретарь Союза Писателей Москвы.

Ирина Медведева (Москва) — руководитель литературного конкурса «Илья-премия».

Елена Рышкова (Франкфурт) — руководитель конкурса «Согласование времён» и литературного агентства «Русский автобан».

Евгений Степанов (Москва) — кандидат филологических наук, главный редактор журналов «Дети Ра» и «Фурурум-Арт».

Перепечатка материалов разрешается только с письменного разрешения редакции.

Номер подписан в печать 11.04.10 в 18:40. Заказ № 4

Отпечатано в ООО «ИПЦ «МАСКА». Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9. тел.: (495) 510 32 98. www.maska.su, info@maska.su

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Роскомнадзором, ПИ №ФС77-38426 от 15 декабря 2009 года.

ВНОМЕРЕ:

... Дело поэта, который в форме слова перемещает похищенное из немоты, из хаоса, из небытия, — несомненная КОНТРАБАНДА.

Георгий Ефремов, «Любой пустяк в порядке», «Дружба Народов» 2000, №8.

Доктрина	2
Алексей Караковский. Космополис Петербург	
Телега	2
Умная Маша	
Рецепты чтения	7
Елена Бондаренко (Блонди). Итак, Решетория...	
Перечитываем классику	20
Виктор Кузнецов. Нина и Александр. Александр Немировский. Зоценко, Ницше и великие силы.	
Сценография	9
Наталья Радько. Мария Миронова и мужчины её судьбы.	
Исторический слой	15
Татьяна Зимбули. Повседневная архитектура. Кирилл Ковальджи. Литературные истории.	
История песен	15
Алексей Караковский. «Следуй за Полярной звездой!...».	
Консонанс	15
Дмитрий Бебенин. Robby Valentine — музыка для стойких оптимистов	
Библиотека поэтического рока	15
Алексей Караковский. Последняя банька Александра Башлачёва.	
Сетевые раскопки	31
Андрей Гришин. Как писать в соавторстве. Анна Новомлинская. Каким должен быть идеальный сетевой дневник.	
Портрет писателя в интерьере	30
Олег Смагин. Евгений Орлов: «И больно знать, и сладко петь...».	
Точные координаты	38
Эдуард Абрамов. «Точка Зрения» наводит мосты Анна Мар. ЛИТО.ПЕТЕРБУРГ: перспективы развития Стихи петербургских поэтов	
Кунсткамера	32
Лиене Ацтиня. Семейство Человеков Пишущих	
Дикий гон	32
Игорь Поночевный. Ленин	
Безумный словарь	34
Альтернативный энциклопедический словарь. Нравы разных народов	
Контрабандное чтение	42
Г.Баранов. История N Альфина Голубева. Токийское метро Николай Заусаев. Концерт для фортепиано без оркестра Андрей Мышкин. Разноцветные сказки	
Литературный кроссворд	64

КОСМОПОЛИС ПЕТЕРБУРГ

Считается, что москвичи не любят питерцев — и наоборот.

Признаться, этот тезис меня всегда несколько огорчал — не только из-за свойственного моей персоне пацифизма, но и явного искажения истины. Поляки и французы Москву брали. Немцы — осаждали Питер в Великую Отечественную войну. Но друг с другом два крупнейших в России города никаких непристойностей, подобных этим, не совершали.

Некоторые говорят, что правящая элита в нашей стране — питерская, и за это её просто обязаны недолюбливать москвичи. Но если смотреть на результаты выборов, как-то не видно результатов этого нерасположения. И не только у москвичей (проголосовало же за «Единую Россию» 99% избирателей Чечни). Так что к правящей элите отношение в России вполне традиционное: любят и ненавидят её одинаково по всей территории страны (хоть и вряд ли на избирательных участках).

Но самая главная уязвимость этой теории заключается в том, чтобы выявить противников. За последнее столетие понятие «коренной питерец» и «коренной москвич» расплылись настолько, что едва ли есть предмет для разговора. В неполные тридцать лет своей жизни я встретил не более десяти человек, которые могли бы назвать себя москвичами хотя бы в третьем поколении.

Патриотом которого города считать себя человеку, чья мать переехала из Челябинска в Москву с целью получения в свидетельстве о рождении сына соответствующей надписи? Лично я считаю, что у этого человека (меня, то есть) малых Родин — целый список. И ни одной сто-процентной. Москвичам и питерцам — не понять.

А ведь нас, безродных космополитов — большинство. Биография наших семей — это живая история страны со всеми её войнами, репрессиями и комсомольскими стройками. Наше богатое прошлое лишило нас права на принадлежность к любой из российских столиц.

Но если это ради целей мира между двумя столицами — пусть будет так. И представляя выпуск «Контрабанды», посвящённый Питеру, я отчётливо осознаю отсутствие в нём традиционных штампов — Дворцовой площади, Невы, Пушкина. Пусть будет как есть, пёстро и космополитично — иными словами, общечеловечно.

Ведь так честнее.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

УМНАЯ МАША

Играли мазурку. Кавалергард Сеницын, пребывая в разворошённых поздней любовью чувствах, пристально следил глазами за своей любезной — княжной Марией Петровной Реомюр-Цельзийской.

— Согласно, биомеханической философии Декарта свет — это волна, а волна — это движение. Вы чувствуете, Люсьен, как чудесен этот мир? Ах, как я влюблена в Картезия! — мило щебетала четырнадцатилетняя Мэри.

— Это прекрасно, прекрасно! — отвечала её лучшая подруга Люсьен Шуплакова, парфетка Смольного института.

В начале первого ночи в саду прогремел выстрел. Тело кавалергарда перенесли в гостиную, но было уж поздно: сердце его не выдержало страсти и любви. А на следующий день началась Февральская революция.

— Дутые пуговицы на полицейских мундирах через столетие будут использоваться только для анализа состава воздуха! Долой царистский режим насилия и пассионарного фатализма! — кричала Маруся, размахивая красной косынкой на углу Лиговского и Невского.

Революционные матросы недоумённо посматривали на девушку, и лишь мичман Кукушкин отчаянно свистел и подмигивал.

— Ура! — кричала верная подруга Люська. Кукушкин пустился плясать впрыскаду, вызывая насмешки друзей.

В тот же вечер семейство княжны в сопровождении Людочки Шуплаковой эмигрировало во Францию на пароходе «Адмирал Макаров».

— Посмотрите, как выделяются пресные волны Невы в водном пространстве Финского залива. Как inferнальны этнологические парадигмы земли Русской! Ах, любовь — это чушь, выдумка схоластов и неокантианцев! — сокрушалась Маша, махая платочком в направлении острова Котлин.

— Это ужасно! — отвечала Люся, с интересом рассматривавшая молодого юнкера Тюленева, по дороге влюбившегося, разумеется, в княжну и бросившегося в море неподалёку от Борнхольма.

В Париже Мария Петровна и Людмила Ивановна основали производство по пошиву колготок, а старый князь освоил вождение такси.

— Радикальные умы Советской России насаждают противные моему духу прозелитарные формы земельной кооперации! Ах, насколько милы старые добрые фаланстеры Фурье, — вздыхала Мария Петровна.

— Ваша правда! — соглашалась Людмила Ивановна, стараясь перекриковать вопли, полные муки и страданий: за стеной умирал смертельно влюблённый в Марию Петровну сербский генерал Драган Жутич.

В великую депрессию Мари нарисовала двести этюдов падающего со стола апельсина.

В годы оккупации выпустила скандальную книгу «Политический эмпирио-кретинизм».

В пятидесятые защитила диссертацию по сравнительной социологии.

В шестидесятые слушала джаз и организовала коммуны буддистов-пятидесятников.

За несколько дней до смерти она стёрла все данные с винчестера и закрыла «живой журнал». Последняя запись в нём гласила: «Господа, и всё-таки я хочу знать приблизительную этимологию понятий «штырить» и «креведко»!».

Гроб сопровождал один человек — верная подруга Люся.

ИТАК, РЕШЕТОРИЯ...

Как одной из первых ласточек нового книгоиздания, сборнику повезло и не повезло одновременно. Что мы имеем? Книгу, выпущенную самостоятельно по материалам литературного портала. Там, где все давно знают друг друга и относятся друг к другу, скажем так — по-своему, по-соседски. Не обязательно при этом учитывая силу литературного дарования. Иногда человеческое ставится во главу угла. Это я идеалистически, ну да пусть, остальные причины и взаимоотношения додумайте сами, не маленькие.

И это нормально, потому что в гробы нас еще не уложили и взаимодействуем мы именно, как живые люди.

Живость эта для обычного классического читателя пока что непривычна. Как отнестись к тому, что авторы сборника имеют по несколько псевдонимов? Что они посвящают стихи друг другу, и в посвящениях этих иногда проскальзывают намеки на околотитурные отношения — споры в комментариях и протча. То, о чем читатель со стороны плохо осведомлен.

Читатель книги он ведь что, он книгу взял и с ней — или сел на диван, или отправился в поездку. Книга должна быть для него самодостаточна. Поэтому несколько сбивают, допустим, аннотации к авторским страничкам в сборнике. Если о ком-то — много и подробно, то о другом авторе — лишь псевдоним латиницей, да, в лучшем случае пара слов весьма неформальным языком.

Хорошо ли это? Время покажет. Я — за любой язык и за любую неформальность. Но считаю, что составители сборника должны думать о самодостаточности книги и о том, что сборник изданный всегда отличается от страниц на мониторе. На бумажной страничке не ткнешь курсором, чтоб попутно полюбопытствовать, кому именно написано стихотворение? Какой такой Отвёртке? (хорошо, он есть среди авторов сборника) И вот этот неподписанный комментарий под другим текстом, он чей? Ведь не сам же автор написал о себе этот небольшой панегирик...

Сборник Решетория характерен для подобных изданий несколькими грустными деталями. О них надо думать обязательно, если сообщество ставит целью сделать именно книгу — для всех. А не памятный альманах для своих и друзей с родственниками.

Обложка и неважная полиграфия кричит «денег было немного!». Количество авторов (есть странички, где портрет, несколько слов об авторе и... одно короткое стихотворение) вторит: «народу много, никого не хотелось обидеть!». И не слишком читаемый мелкий шрифт.

Получается, что, заигравшись сетью, мы забываем, делая книгу, о материальности ее. О том, что нам — читателям, брать ее в руки, раскрывать и перелистывать. Материальности книг никто не отметил и потому стремимся, уже будучи матерыми сетевиками, — на бумагу. А не только лишь из ностальгии по недавним временам и ценностям.

Ведь если сломался компьютер или отключили электричество, или еще что пострашнее, — где тогда наши нетленки? А рукописи не горят.

В перечисленном выше — как бы «незевание» Решетории. Сборник послужил опытным материалом, показав возможные ошибки. Но зато, как все первые ласточки, такие книги привлекают внимание.

Из-за большого количества авторов я не буду подробно останавливаться на отдельных поэтах и писателях. Скажу об общем впечатлении.

Большую и длинную статью, объясняющую, достойны ли сетевики бумаги — почти пропустила. Слишком очевидные моменты рассматриваются. Тот, кому книга попала в руки, должен сам составить мнение, опираясь на содержимое (контент, по сетевому). Намного лучше было бы представить сам портал, коротко и емко — кто публикуется, принципы деятельности его, география, история, какие есть разделы и есть ли люди, которым надо сказать спасибо за то, что портал существует и процветает.

В виде предисловия как раз. А не последним абзацем текста Валерия Волкова и Сергея Жемчугова — опять же о правомочности сетевых авторов считать себя писателями.

Поэзия. Да, есть хорошие стихи. Хорошие в той степени, чтоб человек, любящий почитать стихи, открыл книгу и — читал, медленно, рассматривая портрет автора, выбирая по вкусу. Ведь авторов много, уверяю, найдете по себе. Несмотря на то, что обязательный набор из пыланья, горенья, стремленья и паденья, а так же алмазных искр и радостных рассветов — присутствует. Но ведь есть любители и такого, если есть поэты, такое пишущие.

После того, как сборник я прочитала и закрыла, самое сильное впечатление от прочитанных стихов — Илья Тюрин. Какось, до этого я о нем мало что знала и стихов его не читала. Спасибо Решетории.

И еще... Строчка «Пишу письмо скучающему Марко...» из стихотворения незапомнившегося поначалу автора впечаталась в голову. Видимо, надолго. Так хороша, что я снова листала книгу. Патрисия Томпсон из Тулы. Хороший поэт и прекрасное стихотворение.

Попутно с удовольствием перечитала еще стихи, но, когда книгу закрыла, увы, в памяти они не остались. Но ведь перечитала — с удовольствием! Выводы делайте сами.

Проза. С прозой в сети хуже. Прозаики — большие труженики. Там, где поэт, раскланиваясь, срывает аплодисменты пяти-восьми строчкам, бедному прозаику надо написать в сто раз больше, да со смыслом, да с идеей замечательной.

Потому, из всего сборника запомнилась мне сказка «Стена» Александра Кожейкина. Хорошая, лукавая и добрая. И достаточно оригинальная. Все прочее — на уровне читки в метро. Можно почитать. А можно и нет. Это уж, кто какие цели для себя ставит.

Кстати, параллельно я читала вполне себе солидную книжку издательства Азбука «Клуб привидений» — сборник готических рассказов XIX — начала XX века. И могу честно сказать, несмотря на то, что есть там рассказы Диккенса и прочих маститых писателей, ни один рассказ меня не впечатлил.

Далеко не в каждой книге, что издается сейчас, есть тексты, которым суждено состояться для читателя. Потому свои довольно скудные похвалы сборнику сетевого литературного портала Решетория посчитаю настоящим комплиментом.

И еще раз попрошу прощения у авторов текстов, что так мало упомянула фамилий. Выбирать из сорока двух авторов, уже вошедших в сборник избранного — надо ли?

Удачи и творческих успехов!

Елена БЛОНДИ

НИНА И АЛЕКСАНДР

«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?» Эти пронзительные слова на памятнике трагически погибшему мужу начертала скорбная вдова, которой не исполнилось и семнадцати лет...

Нина Александровна Грибоедова, урожденная княжна Чавчавадзе, одиноко умерла потом в сорок пять, отвергнув за 28 лет вдовства немало заманчивых предложений о повторном замужестве — ее руки добивались и губернатор Тифлиса Петр Завелейский, и другие не менее завидные холостяки... Но она до конца дней своих носила траур и осталась верна тому, которого при жизни самоотверженно любила и с кем совсем недолгое время была беспредельно счастлива.

«Счастливые часов не наблюдают»

«...После тревожного дня, вечером уединяюсь в свой гарем; там у меня и сестра, и жена, и дочь — все в одном милом личике... Полюбите мою Ниночку! — обращался осенью 1828 года счастливый новобрачный к писательнице Варваре Миклашевич, жене своего близкого друга драматурга Андрея Жандра. — Хотите ее знать? В *Malmaison*, в Эрмитаже, тотчас при входе, направо, есть богородица в виде пастишки Murillo. Это она».

С семьей князя Александра Чавчавадзе Грибоедов познакомился б лет назад, вернувшись на Кавказ из первой своей поездки в Персию. Нина выросла на его глазах. Он нередко беседовал с княжной, занимался музыкой, и в его душе зарождалось глубокое чувство; смущала лишь большая разница в возрасте. И вдруг во время обеда в доме генерал-майора артиллерии Федора Ахвердова Грибоедов со словами «Пойдемте, мне нужно вам что-то сказать» увлек девушку в комнату, где стояло фортепиано. И там, по собственному признанию, «...повис у нее на губах». А потом повел суженую к ее матери и бабушке просить благословения.

Нина открылась, что давно питала душевную склонность к Грибоедову. Потому-то несколько месяцев назад отказала сватавшемуся к ней атаману Донских казачьих полков генерал-лейтенанту Василию Иловайскому. И не подала никаких надежд полковнику Муравьеву-Карскому, будущему наместнику на Кавказе...

Во время венчания в Сионском соборе Тифлиса Грибоедов, едва оправившийся от жестокой лихорадки, потерял обручальное кольцо. Несмотря на плохую примету, уже через две недели он с женой и ее матерью выехал к месту своей службы в Персию.

«Жена Грибоедова, — вспоминал те дни Карл Аделунг, секретарь российской миссии, погибший в Тегеране вместе с «вазир-мухтаром» (так персы называли русского посланника при дворе шаха), — была необычайно хороша. Красота ее грузинская, но одета она по-европейски, очень хорошо воспитана, чисто говорит по-русски и по-французски, занимается музыкой...»

По пути в Персию миссия посетила Армению, где наместником был грузинский поэт и российский генерал-майор Александр Чавчавадзе, не сумевший прибыть в Тифлис на свадьбу дочери. Рядом с ней и новоиспеченным зятем, давним своим товарищем и почти ровесником, князь постоял под сводами древней обители в Святом Эчмиадзине.

Словно предчувствуя трагическую кончину, Грибоедов оставил жену в Тавризе и в Тегеран выехал один... Из Казбина, что в четырех днях конной езды до персидской столицы, он отправил Нине оставшееся последним письмом: «Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, и крепко был привязан, но день, два, неделя — и тоска исчезала, теперь чем дальше от тебя, тем хуже. Потерпим еще несколько, ангел мой, и будем молиться Богу, чтобы нам после того никогда больше не разлучаться». 15 января 1829 года из Тегерана он послал жене, с нетерпением ожидавшей в Тавризе завершения дипломатической миссии мужа, свой последний подарок — чернильницу с гравировкой на французском языке: «Пиши мне чаще, мой ангел Нина. Весь твой А. Г.», которая хранится в Литературном музее Грузии.

Весть о разгроме российской миссии в Тегеране 30 января быстро пришла в Тавриз. Тамошний правитель Наиб-султан, наследник шахского трона, поручил француженке де ла Мариньер, жившей при его дворе, препроводить юную вдову, бывшую на последнем месяце беременности, в Тифлис. Подчеркнутое внимание окружающих казалось Нине странным и таинственным. Смутные догадки терзали ее, и она со слезами на глазах умоляла сказать ей правду — как бы та ни была ужасна. Но о тегеранской трагедии несчастная узнала только дома, когда проговорилась жена кавказского наместника Елизавета Паскевич — двоюродная сестра Грибоедова. Нина рухнула в обморок, билась в истерике, и у нее на другой день родился недоношенный мальчик, который прожил всего час... Ребенка все-таки успели окрестить, и новорожденный Александр Грибоедов в раю соединился с отцом.

...Как раз в те дни на пути в Тифлис у низвергающегося со скал водопада Пушкин встретил запряженную волами арбу. «Откуда вы? — спросил поэт сопровождающих повозку казаков. «Из Тегерана». «Что везете?» «Грибоеда», — ответили ему.

Останки, прибывшие в Тифлис, были преданы земле у монастыря Святого Давида на горе Мтацминда 18 июля 1829 года. Редкую неделю не поднималась потом статская советница Грибоедова по крутой дороге к собственной эмблеме — памятнику, изображающему плачущую перед распятием женщину...

Она до конца дней приязненно относилась к друзьям покойного мужа. И взяла на воспитание осиротевшую дочь издателя газеты «Тифлисские ведомости» Павла Санковского.

За год до своей кончины Нина Александровна побывала в Москве и смотрела в Малом театре спектакль «Горе от ума».

Страсти и обстоятельства

О своем друге и полном тезке Пушкин оставил в дневнике такую запись: «Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств... Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна. Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»

Мы ленивы настолько, что до сих пор не знаем точной даты рождения национального гения. Многие из биографов утверждают, что автор «Горе от ума» родился в 1795 году. Но в паспорте, выданном Грибоедову при оставлении военной службы, годом рождения назван 1794 год, а в послужных списках (подобии теперешней трудовой книжки) — даже 1790-й.

Есть нелогичности и в записях о его учебе в университете. В одной говорится о выдаче Грибоедову диплома кандидата словесности, в другой — что он занимался на этико-политическом отделении как «сторонний посетитель» и экзамена на кандидатское звание не сдавал...

Главное же противоречие заключено в оценке причин тегеранской трагедии. Советские историки видели их исключительно в интригах англичан, советовавших шахиншаху Фетх-Али ликвидировать Туркманчайский договор между Персией и Россией. А официальной точкой зрения царского правительства была «...уверенность, что и шахиншах, и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу, и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской...»

Конечно, та и другая точки зрения крайне политизированы и не отражают всех реалий. И было бы несправедливым не отметить антироссийскую позицию Персии, которая, например, оказывала покровительством беглым ханам Дагестана и Закавказья. Но все-таки вторая точка зрения ближе к истине, чем первая.

Упомянутый выше полковник Николай Муравьев-Карский, службист и педант, уверяя, «... что Грибоедов в Персии был совершенно на своем месте и заменял там единым своим лицом двадцатитысячную армию», не может скрыть и неприятных обстоятельств. Низшее звено российского посольства по пути в Тегеран словно бы специально навлекало на себя недовольство подданных шаха. Слуга Грибоедова Александр Грибов (барин звал его «однофамильцем») пристал к армянкам, которых русская миссия против воли первого министра Персии Аллаяр-хана (и, возможно даже — их собственной!) извлекла из гарема этой важной особы. Женщины выскочили на улицу, стали кричать и звать на помощь... Начальник охраны посольства Рустам, человек великанского роста, расхаживая по базарам, грубо расталкивал толпившихся там... Есть сообщения и о вымогательстве российских чиновников, о рассыпаемых ими угрозах, об оскорблениях религиозных чувств мусульман... История русской миссии в Тегеран в 1829 году, возможно, еще один пример того, как доброе дело, начатое сверху, вдрызг погублено исполнителями низшего звена. Их вина в случившейся трагедии несомненна.

...Истерзанное тело российского посланника три дня подвергалось надругательствам бушевавшей тегеранской черни. Оно было опознано по скрюченному мизинцу левой руки, за 11 лет до этого простреленной на дуэли пулей из пистолета.

Говоря об облаках, затемнявших жизнь Грибоедова, Пушкин как раз и имел в виду историю этой дуэли. Которая связана с именем балерины Авдотьи Истоминой — той самой, чьи «блистательность, полувоздушность и послушность волшебному смычку» воспеты им в «Евгении Онегине».

По свидетельству современников, ведущая танцовщица петербургской балетной труппы была грациозной брюнеткой с огненными черными глазами под невероятно длинными ресницами. Естествен-

но, что обожателями или просто поклонниками 19-летней красавицы были все светские львы Санкт-Петербурга.

А она, как казалось многим — в том числе и самому счастливцу — была склонна ответить взаимностью только блестящему кавалергарду Василию Шереметеву... Так, возможно, и сложилось бы, не будь молодой князь бесконечно ревнив и подозрителен... Трагическую роль в его судьбе — вероятнее всего, неожиданно для самого себя — сыграл Грибоедов.

Поэт и дипломат снимал квартиру вместе со своим приятелем графом Александром Завадовским, тоже оказывавшим всяческие знаки внимания красавице-балерине. В один из осенних вечеров 1817 года Грибоедов после спектакля пригласил Авдотью Истомина к себе попить чайку. Опасаясь возбудить подозрение в ревнивном Шереметеве, балерина предложила Грибоедову подождать ее возле Гостиного двора, пообещав подъехать туда в казенной театральной карете. В условленном месте она пересела в сани Грибоедова и поехала к нему.

Ревнивец, однако, пристально следил за ней и решил, что Грибоедов увез балерину на квартиру Завадовского... Кавалергард в сопровождении своего приятеля уланского штаб-ротмистра Александра Якубовича, записного театрала и повесы, немедленно примчался туда. Истомина вся в слезах тут же уехала домой, Шереметев вызвал на дуэль Грибоедова, а Якубович пожелал стреляться с Завадовским. Грибоедов в ответ на вызов расхохотался: «Нет, братец, я с тобой стреляться не буду — не за что. А вот если угодно драться со мной стреляться Якубовичу, то я к его услугам». Тогда Шереметев вызвал Завадовского, и обе дуэли должны были состояться одна за другой.

Первыми по жребию стрелялись Шереметев и Завадовский — на самых жестких условиях: с шести шагов. И Шереметев, не дав противнику дойти до барьера, выстрелил первым. Пуля оторвала край воротника на сюртуке графа. Тот был взбешен, но секунданты, стремясь избежать кровавой развязки, стали уговаривать Завадовского пощадить жизнь князя. Шереметев воспринял это как оскорбление и стал кричать Завадовскому, чтобы тот целился вернее. Граф выстрелил, и Шереметев рухнул, обливаясь кровью...

Дуэль между Грибоедовым и Якубовичем была отложена, так как им пришлось отвезти раненого домой. После трехдневных страданий молодой князь скончался.

Авдотья Истомина тяжело переживала нелепую смерть поклонника. Его отец просил императора Александра I простить участников дуэли. Завадовский был выслан за границу, Якубович — на Кавказ. Грибоедов отделался легче всех, но его мучили угрызения совести (непрестанно виделся умирающий Шереметев). А дуэль с Якубовичем все-таки состоялась — в октябре следующего 1818 года в Тифлисе. Грибоедов, стрелявший первым, промахнулся, а Якубович прострелил ему ладонь левой руки. В итоге у Грибоедова свело мизинец, и это через 11 лет помогло распознать его труп в груди изрубленных тегеранской чернью тел.

Окажись иначе, в окрестностях Тбилиси знаменитой могилы с щемящей сердце надписью на памятнике могло бы и не существовать...

Виктор КУЗНЕЦОВ

ЗОЩЕНКО, НИЦШЕ И ВЕЛИКИЕ СИЛЫ

Зощенко не может не вызывать страстного любопытства, поскольку уж очень страшным явлением он был. Не страшным человеком, а именно страшным явлением.

По воспоминаниям он был человеком, ведущим себя как существо необычайно доброе и жалостливое — с теми, кто был у него непосредственно на виду (исключая жену, которую не щадил ан принцип). Вместе с тем едва ли во всем СССР нашелся бы человек более нравственно, умственно и эмоционально глухой к страданиям и надругательствам, причинявшимся людям большевистским режимом. Многим другим, вплоть до Сталина или Ежова, все-таки приходилось в этом вопросе нечто преодолевать и компенсировать — истерикой и остервенелостью, как Ежову, злобно-ожесточенной иронией, как Сталину; Зощенко вообще не видел в упор, что тут можно и нужно было бы компенсировать. Это был один из самых советских среди всех советских писателей — настолько гиперсоветский, что даже сама Советская власть этого не поняла.

Ни разу, никогда, ни в чем удары, которые обрушивала Советская власть на какие-то слои населения, не вызывали у него ни малейшего отторжения. Он мог посочувствовать кому-то, попавшему под большевистское колесо по ошибке, но если у большевиков действительно были мотивы в рамках их идеологии и практики кого-то угробить, в глазах Зощенко это было до такой степени комильфо, что и думать не о чем было.

В 1917-1918 он с ходу принял большевиков по мотивам сугубо ницшеанским (тогда он ницшеанцем и был), в точности потому что большевики — дерзающие насильники, не останавливающиеся ни перед чем, а не твари дрожащие, — а между тем стране, как женщине, «нужен хлыст». В статье «Чудесная дерзость» Зощенко сравнил Россию с женщиной, оспариваемой друг у друга двумя кандидатами в ее властелины — Керенским и большевиками. Именно последние достойны победы, поскольку без колебаний приводят ее к покорности «хлыстом»: «Было бессилие и все кричали: «Сильней». И вот исполнилось желание... Целуйте же хлыст, занесенный над вами... Вы говорите, что жестоко? Да, но зато властно...». Это «да, но зато властно» как мотив к одобрению и восхищению, как конечное оправдание — сугубо авторское. В текстах Зощенко этого времени вообще стандартным местом является то, что женщина есть законная добыча смелого насильника, и так оно и надо, просто в данном случае этот топос экстраполирован на отношения страны и правителя (вполне в духе фаши и наци).

До 1918 года в картине мира Зощенко присутствует три варианта: а) нудная жизнь обычных людей, сопряженная с непрерывным трусливым и бескрылым мелким насилием из страха, корысти и для отведения души — такое насилие Зощенко претит; б) ницшеанский имморальный герой, самореализующийся в экспансии и насилии сообразно истинным законам жизни ради свободного самовыражения и явления смелости; он действительно «живет»; его насилия для Зощенко — та самая чудесная дерзость; в) попытка эскапистского ухода в грезы о прекрасной гармонии, избежав разом вариантов (а) и (б); Зощенко ее считает проявлением трусости перед жизнью и людей соответствующих клеймит как «неживых». В то же время у Зощенко периодически возникала, видимо, та идея, что ницшеанство — это тоже форма эскапизма и страха перед жизнью. Тогда достойных альтернатив не оставалось во все.

К 1919 происходит какое-то странное преобразование. Зощенко вырабатывает новый позитивный идеал: теперь это гармония и лад, но гармония и лад новых — физически и духовно здоровых, нервно неуязвимых, не знающих страдания — а потому не знающих и унижения, и садизма людей. Они не ведают корысти и зависти, им нет нужды в самоутверждении, они не знают страха — им остается только самореализовываться. Легко заметить, что это все те же ницшеанские герои, только более не насилующие никого — потому что ВСЕ стали такими героями, а они братья друг другу в духе и творческом самовыражении, и еще по одной важной причине: дело в том, что причинение боли или унижения по индивидуалистическим соображениям (ради самовыражения) отныне у Зощенко рассматривается как великая скверна и проявление той самой «нежизни», трусости и слабости, которые были ему ненавистны изначально. Соответственно, он их отрицает. Но, внимание! Он отрицает их не потому, что проникся сочувствием к жертвам насилия, — а только потому, что само такое насилие считает скверным по мотивам. По мотивам, а не по результатам для жертв.

В большевиках Зощенко опознал строителей этой новой гармонии (и немедленно пошел воевать за них добровольцем в Красную Армию, а когда по болезни не смог этого делать — перешел на силовую службу той же власти в милицию). Обычная человеческая жизнь осталась для него так же убога и презренна, как и ранее, и именно потому он не в состоянии изображать ее никаким иным образом, нежели тот, что известен нам по «Уважаемым гражданам» и пр. Таких людей, каких изображает Зощенко, в мире и вправду сколько угодно, но дело в том, что именно они и их способ жить были в глазах Зощенко лицом и сутью обычной (а не вздернутой и принципиально перестроенной) человеческой жизни. Критики, благожелательные к нему, утверждали, что он бичует некое «мещанство», людей, продолжающих жить ценностями «старого мира» и не пошедших в коммунистическую переплавку в Нового Человека — и так оно и было: Зощенко бичевал именно их. Вся небольшевизированная и не перекованная большевиками жизнь представлялась ему тем существованием взаимопоедающих, обезумевших от страха и крысятничества полулюдей, которое он с маниакальным упорством выводит в своих рассказах.

Как мы помним, насилие по личным мотивам для Зощенко теперь было проявлением этой самой стихии страха и крысятничества — и тем самым отрицалось. Но насилие по мотивам общественным, насилие для-ради замены мира обычной жизни миром гармонизированных ницшеанских сверхгероев, то есть большевистское насилие (а Зощенко понимал его именно так) — оно-то не было проявлением негативных для Зощенко начал — трусости, страха перед жизнью, его-то Зощенко считал, наоборот, проявлением творчески преобразующей мир чудесной дерзости! Кроме того, было самоочевидно, что без чудовищного насилия обычный мир людей не переделаешь в корень, а сам этот обычный мир людей как раньше не имел в глазах Зощенко никакой самостоятельной ценности, так и теперь не имел. Во всяком случае, все страхи и надежды, горести и радости этого мира ничего не стоили по сравнению с задачами перековки его в мир новый.

Поэтому Зощенко крайне болезненно реагирует в 20-е — 30-е, например, на частное высокомерие, частное унижение и подавление одним человеком другого по личным мотивам (в том числе — и особенно — на унижение и подавление мужчиной женщины; куда девались его теории 10-х годов! Жаль только, что на его жене эта перемена не отразилась) и вступает за жертв такого подавления, множеству

● РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОТ ОЛЬГИ ТАИР

людей помогает (что опять же и в голову не приходило ему в 10-х). Теперь в таком поведении он видит признак Живой Силы, а не трусливого эскапизма — и в то же время великолепно равнодушен ко всем насилиям и страданиям, которые большевики чинят людям по мотивам общественно-политическим, для-ради раеостроительства. Все это просто ни в малейшей степени не омрачает его сознания.

Именно это отношение к делу предопределило крах Зощенко в 46 году и далее. Читая воспоминания о его реакция на заушательства 46-го и 54-го года, поражаешься в первую очередь одному: с каким пылом Зощенко пытается опротестовать разносы в свой адрес перед самими разносящими, доказать им, что они ошибаются, что он свой в доску, советский, до какой степени он оскорблен их приговором! Вот это самое непостижимое. Каким же слепцом — и наглухо ущербным слепцом — надо было быть, чтобы после всего, чему на глазах Зощенко подвергались волей той же власти и трудами тех же людей и инстанций — ничуть не за более тяжкие прегрешения — сотни людей, — чтобы после этого быть до такой степени изумленным и оскорбленным, когда той же участи подвергли его самого! Дело происходило в точности по анекдоту: «Слышь Павло, а вот кабы ты москаля споймав, шо б ты зробиш?» «Вбив бы гада!» «А вот кабы москаль тебя споймав и убивать стане?» «А меня-то за шо?!» Ведь потрясением для Зощенко стали не личные последствия, не личный житейский ущерб для него — это все он как раз переносил стоически, он перед настоящей опасностью был твердохрабрым человеком, — рвало его на куски именно чувство изумления и оскорбления: «да как это возможно, что они — меня — так?!»

Это значит, что он попросту не заметил, что имеет дело с низкой бандой разбойников, или, если угодно, с высоким орденом храмоостроителей, который именно так стандартно с людьми и обращается. Хорошо это или плохо, но это у данной банды — или данного ордена — стандартный прием, применявшийся уже тысячи раз на глазах у Зощенко по отношению к другим.

Но чтобы этого не заметить, надо было полностью, тотально в упор не видеть — точнее, видеть и не воспринимать — как на подобный манер терзали остальных.

Цыган, которого в 1942 выволокли-таки зондеры на казнь, вполне естественно может быть этим потрясен больше, чем когда те же зондеры месяц назад перебили соседей его соседей. Но вот что о нем сказать, если он, наблюдая решение германцами цыганского вопроса несколько лет кряду, оскорбляется и изумляется, когда зондеры добрались и до него, и начинает им доказывать, что его они зря, и смертельно обижаться на них за то, что они этим доказательствам не внимают? На них можно было обидеться и вознегодовать с самого начала, но что сказать об обсуждаемом цыгане, если он начал обижаться и негодовать только сейчас, если он пытается еще что-то зондерам доказать; то есть если он вообще до сих пор не понимал — и сейчас не вполне понимает! — с кем имеет дело?

Так, как реагировал Зощенко на 1946 и 1954, может реагировать только честный, порядочный и принципиальный подросток, на которого мама, — до сих пор с его точки зрения сугубо добрая и тоже порядочная, лучшая надежда и опора, — внезапно обрушилась с чудовищными вздорными обвинениями и руганью. Но если выясняется, что эта мама — Салтычиха, творившая все, что она творила, на глазах этого подростка, то что сказать о нем самом?

Есть потрясающий разговор Зощенко и Хикмета (восхищавшегося им) в ноябре 1954 года. Цитирую по воспоминаниям жены Хикмета:

« — Брат Зощенко [говорит Хикмет], вы для меня один из самых любимых писателей, то есть самый большой гуманист, как Гоголь, например, или Достоевский. Зачем вы участвовали в этой страшной книге? У нее даже корки напоминают мне сталь от наручников. Я говорю о книге «Канал имени Сталина».

— Как? — сильно удивился он. — Меня о сотрудничестве попросил сам Алексей Максимович! А Горькому я добром обязан. И писал я рассказ искренно, честно. А вы полагаете, что «История одной перековки» не вышла?

Назым считал, что рассказ, опубликованный в позорной лживой книге, и не мог выйти. Зощенко не согласился. Назым удивился, что он до сих пор всю эту эпопею с Беломорканалом не проклял. А Михаил Михайлович ему пытался объяснить, какое доверие было ко всякой энергичной идее сверху, ко всякому стремлению перековать старую жизнь, какой сладкой была та вера».

Иными словами, он и к 1954 не понял.

Еще интереснее, что ни один из воспоминателей не отметил ни малейшей реакции или интереса Зощенко по отношению к XX съезду и соответствующей общей проблематике. Все, что в этот период Зощенко волновало — это то, почему с других сняли различные обвинения, а с него так и не сняли ни обвинения 1946, ни обвинения 1954.

Общеизвестно, что Зощенко никогда не кривил душой в литературе. Он мог НЕ написать о том, о чем хотел и так, как хотел. Он мог НЕ высказать то, что считал правдой. Но он никогда в жизни не написал — ни ради чего, ни ради какого прощения — ни единого слова, которое считал бы полуправдой или ложью.

А теперь, имея это железобетонное обстоятельство в виду — перечитайте рассказы Зощенко о Ленине. Для детей.

«... У Ленина было много врагов.

У него было много врагов потому, что он хотел заново переделать всю жизнь. Он хотел, чтобы все люди, которые работают, жили бы очень хорошо. И он не любил тех, кто не работает. Он про них сказал: пусть они вообще ничего не кушают, если не хотят работать. Это многим не понравилось. И враги Ленина непременно хотели его убить».

Это не пародия и не юродство. Он действительно так думал. На Первой Мировой, куда он пошел по ницшеанским соображениям, как сверхчеловек-в-становлении, творчески живущий в губительных вихрях разрушения, поборающий и несущий смерть в схватках с врагами (неважно, из-за чего вышла вражда: он не за государство и не за страну шел воевать, а двинулся творить себе достойную жизнь Воина-по-Ницше; вот в 19-м он уходил воевать в РККА уже не за это) — он получил пять наград за храбрость.

Интересно, что были две великие силы, до которых истинная направленность зощенковского творчества абсолютно не дошла; при этом смысл его творчества до первой из этих сил все-таки дошел и вызвал у нее озверение. Это Советская власть и интеллигентный читатель.

Советская власть в действительности гораздо меньше презирала и ненавидела обычную человеческую жизнь и ее ценности, чем Зощенко — она-то изначально была чужда ницшеанству. Коллективистский социализм вырос из стремления санкционировать и удовлетворить большинство человеческих желаний и потребностей «для себя». Пафос со-

● РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОТ ОЛЬГИ ТАИР

циализма в том, что все накормлены, одеты, обуты, их обучают и лечат — это пафос потребительский, пафос сочувствия маленькому человеку с его желаниями и страхами — желаниями одеться, наесться, выспаться, страхом перед голодом, потрясениями и болезнями. Жертвенная героиня присутствует в той части социалистической идеологии, которая касается пути к этому светлomu счастью, цены, которой оно выкупается — но само счастье оказывается на деле совершенно буржуазным.

Характерно, что когда сов. писатели пытались нарисовать этот грядущий рай, то либо получалось именно это насквозь буржуазное довольство («Блаженство» Булгакова), только иногда очень скучное и душевно оскопленное (у Маяковского), либо в центр повествования приходилось ставить фанатиков творческого умственного труда, которым одинаково интересно жить что при коммунизме, что при рабовладении (Мир Полу-дня Стругацких — стоит себе представить, как в этом мире жили обычные работники, и опять получится триумф сугубо буржуазного уюта).

Можно сказать, что идеалом социализма является удовлетворение одних фундаментальных потребностей «обывателей» за счет полного подавления других их фундаментальных потребностей (в свободе совести и действий, в прайваси, в неких общественно-правовых гарантиях справедливости, в частном накоплении и частных сделках) — а так вообще-то пафос социализма держится на сочувствии ряду неагрессивных обычно-человеческих — «обывательских» — потребностей. Этим он действительно отличается от нацизма, который лозунги выдвигает самые разные (в том числе тоже такие, чтоб люди были сыты-одеты-обуты-уверены в завтрашнем дне), но которому неотъемлемо присуща в качестве сердечника ориентация на агрессивные фундаментальные потребности, получающие в рамках нацизма самоценность (в реальности эти потребности — в борьбе, в силовой экспансии, в подавлении врага и конкурента, — нужны людям только как средство обеспечения реализации потребностей неагрессивных — все тех же потребностей в сытости и безопасности).

Поэтому людям, сформированным на нищенстве, социализм по своим целям и пафосу был объективно враждебен. Привлекать их могло только присвоение большевиками права на безоглядное зверское насилие в переходный период в сочетании с жертвенным пафосом того же периода — это было «по-нищенски», это было «чудесной дерзостью». Характерно, что в «Двенадцати» Блок, выводя Христа в качестве главы своих разбойников-красногвардейцев, хотел этим вообще не восславить советскую власть, а, наоборот, высказать страшное сомнение в том, что от нее будет толк (сам-то Блок был антихристианином): Христос, «ненавистный женственный призрак», был для него знаком сочувствия слабым, желания утолить сырых и убогих, — а это в рамках нищенского и блоковского видения мира никуда не годится. Вот Блок и констатирует, что закваска-то у происходящего хорошая — стихийная свободная сила, свободно, без правил, убивающая по своему произволу и того не стесняющаяся, — но только возглавляет пока эту силу невидимым образом скверный Христос со своим сочувствием убогоньким, желанием утешать страдание, а не «преодолеть» его, и запретом на насилие вместо усмотрения в нем свободного самовыражения. Здесь именно отражено противоречие между «вакхически-нищенской» составляющей большевистской практики — всех снесу, никого не пожалю, причину любые страдания другим, ни в грош не поставлю страданий ни своих, ни чужих! — и унылейшим (по нищенским меркам) пафосом большевистской конечной цели, совершенно «буржуазным» по своей сути.

Блок это противоречие заметил. Зощенко его не замечал в упор и поэтому писал «за Советскую власть» с коллективизированно-нищенских позиций, думая, что так и надо, — зато сама Советская власть заметила, что так ей совершенно не надо. Советская власть заметила, что в виде презренного низкого безысходного свинства Зощенко изображает вообще не какой-то отдельный пласт (сектор эксплуатации) жизни в старом мире, а ВСЮ жизнь в старом мире, вместе со всеми ее обычными ценностями. Но ведь свою задачу Советская власть и видела в том, чтобы постоять за часть этих ценностей, и потребности, которые она собиралась удовлетворять, были потребностями «обывательскими» (в рамках идей Зощенко — пусть сам Зощенко этого и не осознавал), и, соответственно, носители этих потребностей для Зощенко оставались презренными обывателями, а для Советской власти были (при условии лояльности) вполне себе нормальными советскими людьми.

И вот оно разразилось: Советская власть обрушилась на Зощенко за то, что он в омерзительном виде изображает советских людей, а Зощенко все доказывал, что вообще не советских, а наоборот, несоветских, не желающих стать советскими людьми наследников ценностей и потребностей старого мира. Советская власть была права, поскольку многие из тех ценностей и потребностей старого мира, которые вызывали отвращение у Зощенко, для нее как раз были вполне законными и именно их она собиралась удовлетворять (в виде конечной цели), и в этом полагала смысл своего существования — а новый человек должен был возникнуть параллельно и не в отрыве, не в преодолении этих потребностей, а, наоборот, в их полнейшем удовлетворении!

А с интеллигентным читателем вышло все наоборот. Зощенко не понял Советской власти, зато она — точнее, товарищ Сталин, с его пафосом «других людей, кроме тех, что есть, у нас для социализма нет, уж придется пережить нас черненькими» (взято прямо из усвоенной им в семинарии истины «других людей, кроме грешников, для рая нет, и нечего заноситься перед грешниками и думать, что есть какие-то низкие грешники, а вот ты сам безгрешен»), — учуяла смысл мировоззрения Зощенко правильно и дары его выбросила на землю и растоптала. А интеллигентный читатель всей этой сложной механики не понял (и не мог понять) вообще. Зощенко бичует глупость, жестокость, взаимные надругательства. Тот факт, что все это у него вызывает возмущение только тогда, когда это «неправильная», трусливо-мелкая личная жестокость, а некую «высокую» и куда более страшную по последствиям жестокость «общественную» он от этой личной отделяет и поклоняется ей, — это все до читателя дойти не могло, и Зощенко предстал перед ним просто принципиальным и проникновенным гуманистом. Такого выверта, который философия Зощенко представляла собой в действительности, нормальное сознание представить себе не могло; а ранние рукописи Зощенко, по которым мы и реконструируем этот выверт, были ей просто неизвестны.

Поэтому для читателя Зощенко был грустным гуманистом, исполненным жалости к несчастным, мучающим по своей нечеловечности себя и друг друга, а для Сталина — мерзким пасквилянтом, который исподтишка кидается комками грязи в Советскую власть и ее верных советских людей (норовя при этом делать вид, что это он, мол, так помогает Советской власти, а бичует вообще даже людей несоветских). Ошибка была в обоих случаях — но для славы и литературной (не житейской) судьбы Зощенко было большим благом, что эта двойная ошибка была совершена.

Александр НЕМИРОВСКИЙ

МАРИЯ МИРОНОВА И МУЖЧИНЫ ЕЁ СУДЬБЫ

У этой женщины не могло быть неудачного романа, несчастливой любви, обычного брака. Она не могла ошибиться в выборе профессии. И у нее непременно должен был родиться удивительный, обреченный на большую славу ребенок. Потому что она была самой обаятельной максималисткой на свете, и всегда знала, что нужно ей и ее близким. Все так и вышло. Но за это «все» пришлось заплатить по самому суровому счету.

Мария Миронова родилась 7 января 1911 года в интеллигентной московской семье. Мать — учительница, отец — служащий. Главным богатством семьи были книги. Родители разбирались в музыке, живописи, театре. Но покой им, конечно, даже не снился. Наступило время, о котором Зощенко сказал: «Ничего себе исторический отрезок нам достался».

Маленькая Маруся была необычным ребенком. Одаренным, веселым, отважным и очень самостоятельным в суждениях. В годы жесточайшей идеологии и чудовищных репрессий в ее юной головке родилась мысль, которую она озвучила уже взрослой в одном интервью: «Ради чего нам всем идти в последний бой, если мы все, как один, умрем?»

А она очень хотела жить, стать актрисой и счастливой женщиной. Окончила Театральный техникум имени Луначарского, работала в театрах, снималась в кино, но очень быстро поняла, что она — штучная актриса. Ей нужен свой автор, который писал бы для нее роли, и свой режиссер, который ставил бы спектакли «на нее».

Однажды Мария Миронова в одном из концертов прочитала рассказ Чехова. Это было настолько необычно, здорово, индивидуально, что она сразу определилась с выбором амплуа: сама себе автор, режиссер и исполнитель. Так появились на сцене Капа, Дуся, Клава и другие персонажи — смешные, на кого-то очень похожие и невероятно популярны. У нее был дар подмечать и в точности передавать забавные и характерные для многих черты. И добавлять к этому гениальное «чуть-чуть», что делало образ художественным, ярким и юмористическим.

В 1938 году в Москве был открыт Государственный театр эстрады и миниатюр, Мария Миронова стала в нем ведущей актрисой. В этот же театр поступил приехавший из Ленинграда Александр Менакер, исполнитель музыкальных пародий. Они сразу заинтересовали друг друга как партнеры. Отправились в первый гастрольный тур в Ростов-на-Дону. И не устояли перед сильным взаимным влечением. Она была замужем, он женат. Через несколько дней после «грехопадения» он проснулся рано утром в гостинице и увидел, что она сидит за письменным столом.

— Маша, что вы столь усердно строчите в такую рань? — шутливо спросил он.

— Я пишу своему мужу, что мы расстаемся, — серьезно ответила она. — Садитесь и пишите то же самое своей жене.

Александр Менакер, талантливый актер, тонкий и умный человек, никогда не сомневался в том, что он встретил королеву, жарптицу. Он так строил их эстрадные диалоги, чтобы именно ее индивидуальность раскрывалась наиболее полно. Эта прелестная пара с их добрым юмором, острым умом скрасила существование не одному поколению советских людей. Удивительно, что им не пришлось отвечать за клевету на чистый образ строителя коммунизма. Видимо, живое обаяние этих людей было безграничным.

Как-то супруги были в музее в Павловске. Рассматривали мебель царской спальни. И вдруг услышали: «Какие сволочи, эти буржуи. На та-

ких кроватях спали!» Мария Владимировна живо отреагировала: «Если бы цари не любили красивые вещи, нам сейчас показывали бы только шалаш Ленина в Разливе». Менакер схватил жену за руку и увел подальше.

Они создали теплый и светлый дом, где всем были рады и куда людей тянуло, как магнитом. Мария Владимировна не без основания считала это заслугой мужа. Он был настолько доброжелательным и чутким, что, например, Григорий Горин называл его папой при живом отце.

Мария Владимировна была другим человеком. Не очень доверчивая, не слишком общительная. Но рядом с мужем она всегда оттаивала, раскрывалась, их нескончаемый диалог был наполнен шутками и невероятной теплотой. Трудно себе представить более родных людей. И родился от этой большой любви, как и полагается, необыкновенный ребенок. Сын Андрей. Мария Миронова сразу решила, что он станет актером и, стало быть, счастливым человеком. Он стал именно таким. Что же касается счастья... Однажды блистательная Мария Миронова была вынуждена признаться самой себе, что ей не удалось, быть может, самое главное. Она не сумела осчастливить сына так, как осчастливила мужа. Дело в том, что для нее муж и сын не были отдельно существующими людьми. Это была она в разных лицах, ее душа, сердце, судьба. Но дети должны уходить от своих матерей для того, чтобы встретить счастье. Как это ни печально...

Мария Владимировна не могла отпустить сына, отдать его во власть другой женщины. Она их просто не видела, женщин, достойных Андрея. Конечно, ей казалось, что она просто мечтает о том, чтобы Андрей нашел свою половинку, как она нашла Александра Менакера. Однажды к ним домой пришла Наталья Фатеева с маленьким сыном. Андрей был безумно влюблен в эту актрису, мечтал о браке. Гости вошли в богато обставленную квартиру, и ребенок невинно спросил: «Мама, это все будет наше?» Вопрос с женитьбой в этот раз был закрыт.

Андрей был женат на Екатерине Градовой и Ларисе Голубкиной. Обе женщины родили девочек, назвали их Машами, скорее всего, рассчитывая таким образом приблизиться к свекрови. Но никто из вновь появившихся родственников не стал семьей для Марии Мироновой. Александр Менакер очень хорошо это понимал. Он долго и тяжело болел и все время просил Андрея, чтобы тот не оставлял мать, когда они останутся вдвоем. Для нее будет невыносимо одиночество. Андрей выполнил волю отца. Он старался быть опорой для матери, оставаться в ее глазах непобедимо великим актером, несмотря на тяжкие муки, причиняемые собственным недугом. Его жизнь оборвалась несправедливо рано. Он умер на сцене во время гастролей в Риге в августе 1987 года. Как и положено умирать великим актерам.

После его смерти Мария Владимировна неожиданно приблизила к себе лишь одного человека. Это актриса Татьяна Егорова, известная своими скандальными мемуарами о жизни с гражданским мужем Андреем Мироновым и о подробностях человеческих, несмешных отношений в театре сатиры. Татьяна Егорова была рядом с Андреем несколько лет, носила его ребенка, но не родила, подчинившись решению Марии Владимировны. Больше она никого так и не полюбила.

Мария Миронова ушла в ноябре 1997 года к мужчинам своей судьбы. Именно Татьяна Егорова ухаживала за ней, как за самым близким человеком. Наверное, так оно и было. Потому что они обе пережили свою общую любовь.

Наталья РАДЬКО

ПОВСЕДНЕВНАЯ АРХИТЕКТУРА

Историческое влечение

Подсознательно? Невольно? Интуитивно? Закономерно?

Задумалась как-то, почему офисы фирм, в которых я работала в разное время, располагались исключительно в исторических зданиях Ленинграда — Санкт-Петербурга?

Последовав совету Козьмы Пруткова «Зри в корень!», с удовольствием отметила, что корни свои пустила в знаменитом родильном доме № 6 имени профессора Владимира Фёдоровича Снегирёва, получившего образование в Московском университете, на улице имени Владимира Владимировича Маяковского (бывшая Надеждинская). Это первый родильный дом в России. Открыт был в 1771 году на пожертвования купца П.А.Демидова. (Какие имена!) Здание роддома является памятником истории не только города, но и истории российской науки в области медицины.

Здесь родился мой дедушка. Владимир Иванович. Наверное, это счастливый дом для имени Владимир! Знаковое именное место. . .

С этого дома началось моё подсознательное влечение находиться как можно ближе к истории города.

Другой дом, куда меня принесли, стоял и стоит на набережной реки Фонтанки под номером 90.

Этот дом вошел в историю как «Глебов дом», по имени своего владельца генерал-прокурора Сената Александра Ивановича Глебова. Сей корыстолюбивый господин разбогател исключительно на взятках и нечистоплотных коммерческих делах. Глебову запретили жить в обеих столицах, и он продал свой дом на Фонтанке однофамильцу, ярославскому купцу. Удаленный от всех дел, А.И.Глебов проживал либо в своем имении в Москве, на Ходынке, либо в подмосковном — Виноградово. Ярославский Глебов устроил в доме суконную фабрику. В 1803 году здание отписали в казну и передали под казармы и «Глебов дом» подвергся перестройке.

В этом доме началось восстание декабристов. С этого дома, невольного, началась моя биография. . .

Как не радоваться и не восхищаться, когда в доме № 87 на Лиговском проспекте, в здании бывшей мужской гимназии, построенном в 1901 году по проекту известного архитектора Антония Ивановича Носалевиича, была ваша первая школа; в доме № 62 на Лиговском проспекте, в особняке Ф. К. Сан-Галли (памятник истории и культуры местного значения) — вы начинали трудовую деятельность в одном из научно-производственных объединений; в здании Главного Штаба (архитектор К. И. Росси, скульпторы: С. С. Пименов, В. И. Демут-Малиновский), расположенном на Дворцовой площади, продолжали трудиться?!

Как не гордиться, когда вдруг вас направляют в командировку (для обмена опытом) в другое научно-производственное объединение, расположенное в доме 86 на набережной реки Мойки, где жил и работал гениальный архитектор Огюст Рекар де Монферран?!

А потом?! Потом вы пять раз в неделю входили в старинные парадные двери дома с огромным стеклянным куполом, который виден издали еще при подходе к Соляному переулку со стороны Фонтанки. Это — Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия, в советские времена называвшаяся Ленинградским высшим художественно-промышленным училищем им. В. И. Мухомой, а в просторечии — Муха. Здесь, в этом удивительном здании, построенном на средства выдающегося российского предпринимателя, финансиста и мецената барона Александра Штиглица специально для Центрального училища тех-

нического рисования, до 1917 года носившего его имя, ваша фирма арендовала маленькую комнатку между первым и вторым этажами.

И вам необыкновенно везло! Ведь вы не упускали возможности пройтись в обеденный перерыв по Дворцовой площади, или не спеша дойти до Юсуповского дворца, или прогуляться до Летнего Сада, выйдя из Рисовального Училища барона Штиглица, пройдя мимо Пантелеймоновской церкви. Вы, несомненно, не упускали возможности получить удовольствие от соприкосновения (в прямом смысле слова!) с великой историей, проходя по коридорам особняков и как бы невзначай дотрагиваясь до старинных деревянных перил, подоконников, дверей, и специально задерживая взгляд на великолепной отделке высоченных потолков, на изысканной росписи внутренних и фасадных стен, на сохранившихся кое-где росписи плафонов. . . И вы обязательно глубоко и тихо дышали, стараясь впитать в себя, внюхаться в ушедшие столетия, вы хотели хоть на чуть времени подняться с эпохой, когда началась жизнь у этих великих зданий.

Конечно же, вы не упускали такой возможности, потому что знали, что пребывание в исторической сказке непременно закончится словами из другой сказки «Ваше время истекло. . .».

Дворы-колодецскрёбы

В 1989 году моя семья переехала из центра города (с улицы Коломенской) на окраину (в Приморский район). На Коломенской мы жили в доме, образующем типичный питерский «двор-колодец». Это — настоящее психическое оружие, которое может занять достойное место среди других видов оружия массового уничтожения Министерства обороны. Если обратиться к описанию некоторых из них, то можно встретить такие характеристики: «. . . на время выводит из строя центральную нервную систему и мозг, вызывая труднопереносимые ощущения шума. Способно вызвать тревогу, отчаяние и даже ужас. Может спровоцировать судорожный эффект. Позволяет человеку передавать информацию и воздействовать на объекты, используя так называемую биоэнергию...».

Всё это как раз подходит к условиям, когда нормальный человек долгое время (или, к сожалению, всю жизнь) проживает в доме окнами во двор-колодец. Нас спасало только то, что мы жили в Центре. Дорога на работу, в детский сад, походы в магазины, кино, театры — всё это происходило по красивейшим улицам Северной столицы: Невский, Марата, Пушкинская, Разъезжая, Звенигородская). «Зарядившись» положительными эмоциями по пути ежедневных маршрутов, нам было уже не так грустно входить в наш двор-колодец и подниматься на второй этаж четырёхэтажного дома в большую коммунальную квартиру.

Удивительно, что, будто предчувствуя скорый переезд из «прекрасного» в «никакое», при каждой прогулке мы всматривались в дома, ста-

● СЦЕНОГРАФИЯ

раясь запомнить индивидуальность архитектурного стиля зданий. Мы находили какие-то маленькие штрихи, которые стремительно уходили «глубоко» в историю, и умилялись им, как дети.

Нам нравилось счищать снег с обуви при помощи старых железных скребков, стоящих раньше около каждой парадной (сейчас их почти нигде нет — они не нужны?!) Нравилось трогать большие — нет, огромные! — деревянные ручки на уличных дверях и радоваться за предков: как удобно было пользоваться такими ручками, и поражаться тому, как не понимают — не хочется думать, что не хотят понимать — нынешние хозяева города, что очень неудобно в зимний холод пользоваться современными маленькими металлическими ручками. Ещё приятно было видеть козырьки над подъездами. Петербург — это дожди. Выходишь из дома — раскрываешь зонтик. Где удобно это сделать? Конечно же, на улице, под козырьком, а не в подъезде.

Из всех членов семьи мне повезло больше всех, потому что моя «первая работа» находилась в доме знаменитого заводчика Франца Карловича Сан-Галли — на Лиговском проспекте, «вторая» — в доме Огюста Монферрана на набережной реки Мойки, «третья» — в Мухомовском училище (рисовальное училище барона Штиглица) в Соляном переулке, «четвёртая» — в ресторане «Метрополь» на Садовой улице.

А сейчас я работаю в офисе, расположенном в промышленной зоне, на ничем не примечательной и совсем неприглядной Благодатной улице. Я вижу, здесь на окраинах «дворы-колодцы» возрождаются, особенно в «спальных» районах. Причём новые «колодцы» изощрённее старых, так как они очень высокие. И если раньше я вдруг желала увидеть небо со своего второго этажа дома на Коломенской, я могла это сделать, высунувшись по пояс из окна и задрав голову. В современных домах, где окна выходят во двор-колодец, никогда я не увидела бы небо.

Городские чудеса

Я иду по Большому проспекту Петроградской стороны в направлении улицы Лизы Чайкиной. Несу пакет с важными документами в одну организацию. Поднимаюсь по каменной и очень крутой лестнице старого доходного дома. На площадке третьего этажа останавливаюсь перевести дух, смотрю в окно и... «Оторвать» взгляд смогла лишь через несколько минут. Чудо! Во дворе, среди старых четырёх— пятиэтажных коммунальных домов живёт (!) маленький, двухэтажный, деревянный дом.

Как же ты уцелел, малыш? Интересно, что в нём сейчас? Кто был и кто теперь его хозяин?

На обратном пути захожу во двор. Дом стоит фасадом на Большую Пушкарскую улицу, его номер 14. Стою, люблюсь. Вырвавшись из блочных обезличенных «архитектурных изысков» своего спального района в центр, я безумно радуюсь каждой такой встрече с живой архитектурой.

Вот история дома. Это особняк К. Греффа (Ю.К. Добберт). Добберт — писатель по части истории изящных искусств, родившийся в Петербурге. Дом построен во второй четверти XIX века, в 1854 году, а позднее, в 1896 году, был перестроен архитектором Августом Яковлевичем Рейнбергом. Это здание, несомненно, заслуживает внимания. Как сделать так, чтобы о таких «чудесах» знало как можно больше горожан и гостей?! На Петроградской стороне чудесным образом сохранилось ещё несколько деревянных домов конца 19 — начала 20 века.

Есть в нашем городе парадные площади и дворцы, а есть вот такие частные дома на одну семью. И те, и другие — Чудеса...

Татьяна ЗИМБУЛИ

● ПИСЬМА ИЗ НИОТКУДА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОРИИ

Афанасьев, или любовь к чистой обуви

Так случилось, что в 1971 году Дангулов сманил меня к себе — в журнал «Советская литература» (на иностранных языках) — в качестве его первого заместителя и ответственного редактора французского издания («Произведения и мнения»). По неопытности я совсем не подумал о судьбе его тогдашнего единственного заместителя Афанасьева Бориса Мануиловича. Может быть, потому, что тот оставался работать в старом здании, на ул.Добролюбова. Я же воцарился в хоромах на Шевченковской набережной и вскоре исполнял обязанности главного редактора (во время отпуска Дангулова), что и определило ревнивое ко мне отношение Афанасьева.

Он за моей спиной «информировал» коллектив, что меня не утвердили первым замом, оставив просто ответ.редактором французского издания. Впоследствии оказалось, что это правда, хотя мне никто ничего не говорил (о том, что я не был утвержден первым замом я узнал только через год во время обмена партбилетов! — такие были нравы). Зарплата осталась та же, но отношение ко мне Дангулова заметно изменилось...

Итак, удачно поинтриговав и сохранив свою позицию второго лица, Борис Мануилович подобрел ко мне. Приходил поболтать, учил готовить растворимое кофе так, чтобы оно было с «каймаком», рассказывал всякие байки.

Например, — как он выбрался из Берлина в 1941 году. Он находился там нелегально. Узнав о начале войны рано утром 22 июня, Афанасьев немедленно покинул место своего обитания, чтобы больше туда не возвращаться. Прошел мимо нашего посольства, увидел, что оно уже оцеплено, заблокировано.

Что делать? Поняв, что все равно деваться некуда, направился прямо к воротам посольства, кинул через плечо по-немецки «Надо!» и... беспрепятственно прошел. Наши встретили его восторженными объятиями, но минут через пять смекнули, что можно воспользоваться необычной ситуацией и попросили его еще раз выйти в город, уладить какое-то срочное дело и, пока не сменили караул, вернуться. Что он и проделал с тем же невозмутимым спокойствием пройдя через оцепление туда и обратно. Потом уж вместе со всем составом дипломатического корпуса через Константинополь был репатриирован...

Как-то раз, когда я завел речь о Бормане, он небрежно бросил: «Он умер в Костроме...» Подробностей из него вытянуть не удалось, но было похоже на то, что Борман попал в наши руки и из него тайно выдаивали все, что он знал (не отсюда ли фантастическая версия, что он еще при Гитлере работал на нас?)

Борис Мануилович Афанасьев был сибарит, холостяк, в редакции прохлаждался, ничего не читал, не редактировал и не был способен составить даже деловую записку — обычно кому-нибудь поручал или диктовал старой, весьма грамотной машинистке (вообще ничего не писал от руки — не любил оставлять следов).

Особой страстью его была обувь. Он частенько гонял машину по разным магазинам, придирчиво и со знанием дела выбирал туфли и опять являлся на работу в сверкающей обновке. Умер он в одиночестве. Сколько пар обуви осталось после него?..

Но, оказывается, осталось еще кое-что.

• ПИСЬМА ИЗ НИОТКУДА

Звонит мне как-то Егор Герасимов, мой сосед и друг, бывший слушавец: «Читал ли ты сегодняшнюю «Литгазету»? И зачитывает строки из статьи А. Ваксберга «Немой заговорил» («ЛГ» от 8 июня 1994):

«Судоплатов впервые называет имена непосредственных убийц знаменитого перебежчика Игнатия Рейса (Порецкого)... стрелял вовсе не несчастный С.Я.Эфрон, а офицер Лубянки, болгарин Борис Афанасьев, а также брат его жены...Афанасьева (его настоящее имя Атанасов) знали многие: еще в семидесятые годы Борис Мануилович... работал заместителем главного редактора...» и т.д.

А через несколько лет в «Российской газете» от 10 апреля 1998 года в статье Н.Пакина и В.Печерского «Шпионская война без перемирий» наткнулся на следующие строки:

«В марте 1936 года Троцкий всерьез занялась советская разведка. В троцкистский центр в Париже, который возглавлял сын Троцкого Лев Седов, был внедрен советский разведчик, болгарин по национальности, Б.М.Афанасьев. С 1936 по 1938 год он вместе со своим помощником основательно опустошил архивный фонд Троцкого...В похищенных архивах оказались списки и адреса лиц из троцкистского подполья. Лучшего подарка для Сталина было и не придумать... Вот так живешь и не знаешь, кто с тобой рядом...»

И только теперь один эпизод у меня связался с его именем. Я надумал опубликовать переводы на французский язык 11 стихотворений Пушкина, осуществленные Мариной Цветаевой. Ариадна Сергеевна согласилась — передала мне через кого-то тексты (к сожалению, я так и не увиделся с нею — лишь по телефону разговаривал). Но Дангулов вместо того, чтобы похвалить меня, набычился: «Зачем вам Цветаева? Это одиозная фигура. К тому же сейчас не рекомендуется возвращаться к репрессированным...» Я страшно удивился и сумел его разубедить («не одиозная и репрессированной не была!»), тогда он ткнул в «1937» год, упоминаемый мной во врезке: «А это зачем?» «А это столетие гибели Пушкина! Цветаева перевела к юбилею!» Дангулов нахмурился: «Так и пишите. Но год указывать необязательно.» На том и порешили. Но все-таки он сократил подборку — напечатаны были только четыре перевода.

Я долгое время думал, что анекдотический этот случай объясняется невежеством Дангулова. Теперь лишь догадался, что его против Цветаевой настраивал Афанасьев. Были у него причины не желать возвращения ее имени из небытия: он же «работал» с ее мужем Сергеем Эфроном и когда того арестовали, наверняка (по крайней мере!) свидетельствовал против него. Теперь уж не узнать...

Мария Будберг

Целые миры проплывают мимо, не задевая нас. Миры «в себе», закрытые для постороннего глаза, тем более — не ведающего... Так я в 1968 году увидел Марию Будберг (Муру) и не очень ею заинтересовался...

Отмечалось столетие со дня рождения Горького, был прием в кремлевском Дворце съездов. В верхнем зале собрался тогдашний бомонд. Все стояли, ели (а ля фуршет) затем, после речей и тостов, задвигались, общаясь. Я прежде всего протиснулся в правительственному, перпендикулярному остальным, столу, где продолжали стоять, как на выставке, Брежнев, Косыгин и другие главари. Можно было подойти достаточно близко, разглядывая их почти в упор — времена стали полиберальной. Потом, прогуливаясь среди жрущих и пьющих сановников и знаменитостей, я обратил внимание на

единственную женщину, которая позволила себе сидеть. Пожилая, грузная, в чем-то темном она тяжело опиралась на толстую палку. Я спросил у кого-то:

— Кто это?

— Баронесса Будберг. Та самая...

Я смутно вспомнил, что она имела какое-то отношение к Горькому в Италии, но тогда не соединил ее с Закревской, которой посвящен «Клим Самгин». Поглядел и пошел дальше, но не забыл...

Теперь, прочтя «Железную женщину» Берберовой (тоже железной!), я подивился, как непроницаемо соприкасаются миры и времена, в них заключенные. И еще пришла в голову кощунственная, может быть, ассоциация — случай в одесском троллейбусе.

...Народу много, душно, вдобавок какой-то инвалид нависает над сидящей здоровенной бабой и настырно, занудно всячески обзывает ее за то, что она ему, калеке, не уступает место. Наконец, кто-то не выдерживает и одергивает сквернословя:

— И што ты к ней прицепился? Она же женщина!

— Она такая же женщина, как я мужчина! — последовал немедленный ответ. Наступила разрядка. Вагон заулыбался и весело покотился дальше. Эпизод чисто одесский, бессмысленный в Москве, но не в этом дело. Легендарная Мура, вскружившая голову стольким знаменитостям, прошла перед моими глазами как существо не очень отличающееся от той тучной пассажирки в одесском троллейбусе. Женщины порой неузнаваемо преобразуются, словно бабочки — в гусениц (бабочки в баб?).

Справедливости ради отмечу, что за перпендикулярным столом выстроились напоказ Брежнев со товарищи, тоже весьма сомнительные мужчины, старцы с каменными лицами, олицетворители сверхдержавы периода упадка. Еще ассоциация. Последней съезд союза писателей, чья-то реплика:

— Смотри, в президиуме ни одной женщины. Да, пожалуй, и мужчин почти нет...

А Мура знавала настоящих мужчин.

Что она думала, свидетельница рождения этого государства? Мура, послужившая и тем, и этим, приглашенная на старости лет в Кремль как почетная гостья?

Женщина и смерть

Горький написал «Девушку и смерть». По мнению Вадима Баранова писатель принял смерть из рук женщины, которую когда-то любил...

Мария Закревская-Будберг

О роли М.Бутберг в этом страшном деле доктор филологических наук круто и увлекательно рассказал в статье «Исполнитель зловещей воли?». Очередная сенсация? Мало ли было в последнее время спекуляций на тему «убийства» Есенина и Маяковского! И даже Блока. Но в версии В.Баранова что-то есть. Не буду пересказывать статью, хочу лишь как литератор порассужать — дать, то-есть представить себе предлагаемые обстоятельства и возможное поведение участников этой «шекспировской» сцены.

Начало июня 1936 года. Горький смертельно болен, но его могучий организм в состоянии отодвинуть летальный конец на неопределенный срок. И тогда Сталин посылает Марию Игнатьевну Бутберг отравить писателя. В.Баранов пишет: «Большого ли труда стоило Сталину убедить Бутберг сделать такой шаг?»

Вот это как раз мне кажется психологически невозможным.

Сталин был опытен, коварен и чрезвычайно осторожен. Мог ли он предложить нечто подобное иностранке с двойным или тройным шпионским прошлым? Мог ли он довериться авантюристке?

И могла бы Мария Игнатьевна, будь она трижды «железной женщиной» принять такое предложение? Даже сам ее «обвинитель» В.Баранов говорит: «наверное, и у железной женщины нервы были все же не из железа, и чем-то дорог ей был этот человек...» (то-есть Горький).

Скорей всего Мария Игнатьевна была использована для определенных целей, но могла и не понимать этого. Могли ей, например, намекнуть, что врачи не так лечат Алексея Максимовича, что вокруг его одра происходит тайная борьба, что он в опасности (политическая паранойя в стране к тому времени была уже достаточно выражена) и что только очень близкий и доверенный человек может «подстраховать» больного, тем более, что он просит то-то и то-то, а ему не дают. Надо дать, но так, чтобы и медсестра (Липа Черткова) не знала...

Но оказалось «поздно». В.Баранов пишет: «Когда Черткова снова вошла в комнату, она увидела, что Мария Игнатьевна стоит у окна, упершись в стену лбом. Потом вбежала в другую комнату, бросилась в слезах на диван, говоря: «Теперь я вижу, что я его потеряла... он уже не мой».

Думаю, что Бутберг не была такой уж преданной сообщницей Сталина. К тому же нет полной уверенности в том, что она привезла из Лондона ту часть секретного горьковского архива, которую он ей оставил на хранение в 1933 году. Л.Спиридонова, например, в книге «М.Горький: диалог с историей» утверждает, что упомянутый архив так и не попал в руки Сталина.

Вполне возможно. Недаром архив продолжал интересовать нашу разведку и много лет спустя. В 1958 году Л.Никулин был командирован к Бутберг в Лондон, но вернулся ни с чем. Так до сих пор нет следов этого архива. Сама Бутберг настаивала на том, что чемодан с рукописями и письмами Горького пропал в Эстонии, где она его оставила перед войной.

Что до смерти Горького, то приходится все-таки сомневаться, что он умер «без посторонней помощи». Уж очень во-время он сошел со сцены, да и сам Сталин не зря педалировал версию об его отравлении, только по обыкновению перелагал вину на других — на тех, кому Горький как раз не мешал — на Бухарина, например...

Не может быть

В издательстве «Советский писатель» выпускался мой сборник «После полудня». Был уже готов макет, и тут, как на зло, вышло высо-

чайшее постановление печатать стихи «колбасой», в подбор — ради экономии бумаги. Редактор разводит руками: придется переделывать...

Иду к Числову, главному редактору, прошу учесть, что я сто лет не издавался, и сборник — к юбилею...

— Нет. Вот постановление «...никаких исключений!» — и дает мне почитать. Действительно, «никаких исключений», но дальше не точка, а запятая, за ней волшебное слово: «кроме...», и перечень: «...кроме лауреатов гос.премий, членов Секретариата...» и т.п. Я сражен. Для этих «кроме» я рылом не вышел.

Через несколько месяцев одновременно с моей книжкой там же выходит сборник Виктора Ш., и я с изумлением вижу, что каждое стихотворение напечатано отдельно!

Назавтра в поликлинике Литфонда сталкиваюсь с Числовым:

— Как же так, Михал Матвевич? Вы мне отказали, а Виктору Ш. разрешили, хотя он даже не член Союза писателей!

— Не может быть

— Так у меня его книжка, он мне подарил! С надписью.

— Не может быть! — раздраженно отрезал Числов и быстро удался. За ним стояла система с ее не только большими, но и маленькими тайнами.

Завязал...

В Кишиневе на заседании литобъединения при газете «Молодежь Молдавии» появился рослый парень с лошадиной физиономией. Принес стихи на двух языках — русском и молдавском (так тогда называли местный румынский кириллического начертания). Стихи были никакие и равно безграмотные. Безнадега. Я уж готов был отговаривать его от этого занятия, как он доверительно сообщил, что недавно вышел из тюрьмы с твердым решением завязать — не воровать больше. Почувствовал призвание к поэзии...

Тут уж я прикусил язык. Пусть ходит на заседания, лишь бы не вернулся к прежнему ремеслу. Сказал какие-то уклончивые слова — ложь во спасение. Но сколько это может продолжаться?

Однажды вечером он пришел ко мне домой на Скулянку и застал меня за печатанием фотографий. Он усталился в ванночки — прямо перед ним возникло девичье лицо. У него глаза на лоб полезли:

— Ну и дела! А можно мне?

Я разрешил ему помогать — он полоскал снимки в воде и перекладывал в закрепитель. Потом попросил объяснить, как обращаться с фотоаппаратом. Я охотно преподавал ему урок на своей «Смене».

Через несколько дней он сияющий появился со стареньким «Фэдом»:

— Давайте я вас сниму!

— Откуда аппарат? Из комиссии?

— Да нет. Нашел. Кто-то забыл в городской уборной.

Я почему-то заволновался и уговорил его отнести находку в милицию. А я ему дам попользоваться моей «Сменой», я как раз решил приобрести «Зенит». Пора.

«Фэда» я больше не видел. Зато со «Сменой» Биволь не расставался, стал делать вполне приличные снимки и даже зарабатывать на этом. Вскоре пожаловался, что стихи писать некогда.

Я тихо ликовал...

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

«СЛЕДУЙ ЗА ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДОЙ!..»

Песня «Следуй за Полярной звездой» имеет причудливую историю создания. Это произведение — результат тщательной работы композиторов и аранжировщиков над темой, имеющей фольклорные корни.

Композиция была опубликована в 1928 году техасским этномологом и, по совместительству, исследователем фольклора Х.Б. Парксом. Изначально песня использовалась как мнемоническое правило для нахождения правильного пути к Подземной железной дороге — легендарной подпольной организации, помогавшей организовывать побег с плантаций чернокожим рабам и направлявшей их по подпольным маршрутам в Канаду. Куплет с упоминанием деревянной ноги, по мнению Паркса, отсылает к жизни легендарного деятеля Подземной железной дороги плотника Джо Деревянной ноги, задача которого состояла в том, чтобы ходить с плантации на плантацию в поисках случайной работы, петь эту песню и, таким образом, информировать людей о путях побега. «Пьющая тыква» («drinking gourd») — это другое название созвездия Большой медведицы, по которому беглецы находили путь на Север.

В каких именно годах «Следуй за Полярной звездой» подверглась современной аранжировке, точно неизвестно, но в начале 50-х годов «The Weavers» её уже исполняли — в несколько голосов, с красивым гитарным сопровождением. Первоначальная простенькая структура песни была значительно улучшена добавлением рефрена, который написал Ли Хэйз. С того времени песня приобрела всенародную популярность и была даже включена в школьную программу — в раздел эпохи Гражданской войны в США. Считается, что с того времени композиция была исполнена различными исполнителями не менее 200 раз, но особо хочется отметить версию американской группы (или, точнее, хора) «New Christy Minstrels», привнесшей в эту песню кажущиеся очень уместными черты «госпел» — афроамериканских религиозных песнопений.

When the sun comes back and the first quail calls,
Follow the drinking gourd,
For the old man is waiting to carry you to freedom
If you follow the drinking gourd.

The riverbank makes a very good road,

The dead trees will show you the way,
Left foot, peg foot traveling on,
Following the drinking gourd.

The river ends between two hills,
Follow the drinking gourd,
The stars in the heavens gonna show you the way
Follow the drinking gourd

Наступает рассвет, перепёлка поёт —
Следуй за Полярной Звездой.
Ради старика, который
ждёт, чтоб ты принёс свободу —
Следуй за Полярной Звездой.

Берег реки — перекрёсток дорог,
Топаёй деревянной ногой,
Мёртвые деревья укажут путь,
Следуй за Полярной Звездой.

Река кончается между двух гор,
Следуй за Полярной Звездой.
Звёзды на небе укажут нам путь:
Следуй за Полярной Звездой.

ROBBY VALENTINE - МУЗЫКА ДЛЯ СТОЙКИХ ОПТИМИСТОВ

...Елки-палки, ну зачем все это? Зачем учиться петь гармонии на четыре голоса, если больше пары микрофонов клуб все равно на сцену не выставит? Зачем нужны сценические костюмы, если переодеться в них в том же клубе придется где-нибудь в туалете? Зачем вообще играть что-нибудь, кроме многочисленных и враждебных друг к другу разновидностей панка и металла, если только у этих жанров на низовом уровне имеется гарантированное комьюнити?

По счастью, из этого порочного круга все же можно вырваться. Однако и здесь больше всего везет музыкантам эконом-класса, имеющим в запасе пару-тройку «фишек» на все про все. Вроде того квартета ботаников, что исполняет одинаковые, как лапти, гаражно-роковые песенки в неизменном диско-ритме. Но и из этого правила бывают исключения — примерно одно на миллион. Разумеется, представителей данной категории не носят на руках по всему миру (ну, разве что на родине и еще в Японии) — зато свой честно заработанный кусок хлеба с маслом они имеют. А заодно и избавлены от необходимости казнить самих себя за то, что занимаются делом востребованным, но не особо любимым.

Поговорим об одном из миллиона. Знакомьтесь — Робби Валентайн (Robby Valentine), родившийся 4 декабря 1969 года в голландском городе Хильверсум. С детства любимыми игрушками этого парня были родительские фортепиано и аккордеон. Уже к шести годам, начав брать регулярные уроки игры на этих инструментах, он точно знал, чем хочет заниматься. Откровение снизошло на него с телеэкрана в конце 1975 года в образе «Bohemian Rhapsody» Queen. Что ж, у многих бывает, но лишь у отдельных маньяков проходит. Музыку Queen легко любить — куда сложнее соответствовать ей, как примеру для подражания. А еще были Beatles и Electric Light Orchestra...

В 14 лет, не доучившись в колледже и не имея никаких планов про запас, Робби Валентайн присоединился в качестве клавишника к группе T. Vistix, игравшей ска и регги. Позиции обоих упомянутых жанров в ту пору были едва ли ни сильнее, чем сейчас. Однако Робби эта команда была нужна главным образом для приобретения необходимого опыта. Попутно он для общего развития освоил еще и игру на гитаре и басу. Через год T. Vistix развалились, Валентайн пересел в состав Spoiled Brats, где оттачивал способности к сочинению песен.

Первый успех пришел к Робби в составе группы Line, однажды прославившейся на просторах старушки-Европы с хитом «Solitary Nite». Судя по дошедшим до наших дней видеозаписям, команда представляла собой сливки (во всех возможных смыслах) новой волны образца середины 80-х. В ассортименте были представлены: хлопающий рабочий барабан на первом плане, вокалист в широченном пиджаке неоновой цвета, пиротехнический басовый слэп и ультразвуковые звуки клавиш-расчески, на которых, собственно, Робби и играл, успевая по ходу дела отхватывать у фронтмена часть вокальных партий. Примерно тем же Валентайн впоследствии занимался и в собственной команде 1st Avenue. К этому моменту его уже несколько тяготила роль «идиота, прыгающего за клавишами». Отчаянно хотелось петь во весь голос самому — чему с завидной регулярностью

мешали приступы хронического бронхита «и миллиона аллергий». Однако, парень не сдавался.

Несмотря на поддержку небезызвестных братьев Болланд (Bolland), дела 1st Avenue шли не шатко, ни валко. Конец 80-х Валентайн встретил между работой на проект Zinatra и записью собственного демо. В 1990-м году — добился сольного контракта с «Polydor». Год спустя — выпустил первый сингл с песнями «Over and Over Again» и «Love Takes Me Higher». К началу 1992 года, уже почти записав дебютный альбом, сформировал группу, куда вошли Arthur Polini (бас), Rob Winter (гитара), Hans Eijkenaar (барабаны) и John Ewbank (клавишные). «В студии я делал очень много вокальных наложений, — говорит Робби, — Но в те дни использовать на концертах записанные подпевки считалось дурным тоном, а расширять состав ради вокальной группы я не хотел. Так что все музыканты группы тоже должны были петь, и не говорить, что я их эйтом требованием терроризирую...

Программа «Robby Valentine» (1992), хотя и не имела всемирного успеха, была чрезвычайно сильной. Скрестив экспрессивную хайр-металлическую подачу материала с развернутыми сонатными формами только лишь начинающего поднимать голову прог-метал, Валентайн неожиданно получил гремучую смесь. Едва оперившаяся прог-металлическая тусовка начала врубаться, что ее любимая музыка может быть не только умной, но еще и красивой. Что до хайр-метал, который в ту пору почти сгубила собственная легковесность вкупе с нашествием гранжа, это был просто глоток свежего воздуха. По сути Робби сделал для поколения 90-х то же самое, что скрестившие некогда арт-рок с глэмом Queen — для поколения 70-х.

Этот альбом и сейчас слушается на едином дыхании. Открывающий программу прог-металлический эпик «No Turning Back» с хоровыми атаками и частыми сменами ритмов, помпезная пауэр-баллада «Over And Over Again», элегантно акустический номер «Angel Of My Heart» и боевик «Love Takes Me Higher» с реактивными пробежками по басовому грифу... Эх, если бы на пути Робби к этой программе было бы меньше преград, и реализовать ее удалось бы хотя бы парой лет раньше! К сожалению, первый удар несколько запоздал, а потому прошел мимо цели. Хайр-метал впал в кому до конца века, а прог-метал стал вотчиной типов таких же угрюмых и неряшливых, как и гранжеры, только постарше. И одной группе, даже очень хорошей, едва ли удалось бы переломить ситуацию.

В 1993 году, вскоре после записи второго альбома «The Magic Infinity», группе Робби Валентайна поступило предложение открывать концерты Брайана Мэя (Brian May) на германском участке тура «Back To The Light». Спешно введя в состав нового барабанщика (им стал Juan van Emmerloot), команда ринулась в бой. Однако подобные удачи выпадали на долю музыкантов не часто, и уже в 1995 году, после записи альбома «Valentine», первый состав был распущен. В гостеприимной для подобной музыки Японии, однако, ждали новых концертов. Робби и оставшийся с тех пор его постоянным барабанщиком Джуан сколотили новый состав: Vinnie Kay (гитара), Bert Dijkema (бас), Giovanni Pileri (клавишные).

С выходом альбома «United» (1997) Валентайн сделал попытку вырваться за пределы японского рынка. Песня «I Believe In Music» попала в европейские хит-парады, и дела вроде бы пошли на лад, но тут скончался отец музыканта, и Робби оказался на некоторое время выбит из колеи. Зато в следующем году закусил удила и вернулся к работе с утроенной энергией.

• ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

В 1998 году музыкант выпустил очередной альбом «No Sugar Added». Странное название? «О да, я украл название для него с жестянки из-под ананасов». Помимо нового материала альбом содержал несколько извлеченных из архива песен. В треках «Blinded By Love» и «The Sulky Shuffle» можно вновь услышать гитару Роба Винтера, а первая версия «Love Never Dies» исполнялась еще Zinatra. В том же году Валентайн сочинил музыкальное сопровождение для выступлений голландского иллюзиониста Ханса Клока (Hans Klok), а также помог с записью клавишных своему соотечественнику Арьену Энтони Люкассену (Arjen Anthony Lucassen) на альбоме его группы Ayreon «Into The Electric Castle». Голландия — страна маленькая, и два арт-роковых фанатика просто не могли здесь не встретиться. «То, что я сыграл ему на гитаре, он превратил в настоящую симфонию!» — восторгался Арьен.

Наконец, осенью того же года Робби Валентайн объединился с таким же арт-глемовым экстравертом и мультиинструменталистом, как и он сам. Альдо Кларксон, точно также с начала 90-х направлял против течения моды собственный one-man-band Valensia. Сотрудничество «братьев по разуму» вылилось в альбом «Valensia/Valentine», полный уморительных стилизаций под песни любимых обоими с детства Beatles, Queen, Sweet и E.L.O. Касательно дальнейшего сотрудничества у друзей были обширные планы (даже контракт с «Polygram» был заключен сразу на три альбома), но тут умерла мать Кларксона, и работа снова забуксовала.

В 2000 году Валентайн вернулся к сольной деятельности. Альбом «Believing Is Seeing» содержал ломовейший номер «Fear Of Heights», звучащий подобно любовному столкновению «Kashmir» Led Zeppelin и «10538 Overture» E.L.O. Эта композиция была вдохновлена знаменитым номером Ханса Клока с исчезновением слонов. Также удалась ностальгически-мюзикхолльная миниатюра «What In The World I'm Waiting For» с явным влиянием ABBA и Sparks.

2002 год Робби вновь провел в компании старого приятеля Альдо Кларксона за записью очередного альбома проекта «Valensia/Valentine». В 2005 — вновь заглянул в студию Ayreon, записавшись на одной из песен альбома «The Final Experiment». А в 2006 году, перебравшись на более дружелюбный к музыкантам его полета лейбл «Frointers» неожиданно разродился сокрушительнейшим релизом

«The Most Beautiful Pain». С микшерской «Supernova», очередного реверанса в сторону Led Zeppelin, помог по старой памяти Арьен Люкассен. А в «Magical Memories» Валентайн шутя реконструировал водевильную сторону Queen: кажется, песня была записана во время тех же сессий, что и «Lazing On A Sunday Afternoon» или «Seaside Rendez-Vous». При этом в целом альбом тяжелый и мрачный. Однако именно с ним Валентайну наконец-то удалось впервые с 1995 года прорваться на CD-рынок за пределами родины и Японии.

Что дальше? В 2007 году Робби выпустил «Falling Down In Misanthropolis» — альбом концептуальный, жесткий и мрачный, чем-то перекликающийся по сюжету с «Brutal Planet» и «Dragontown» Alice Cooper. Первоначально программа вовсе должна была называться «Who Killed Robby Valentine?» (чем не «Alice Cooper Go To Hell?»?) Песенку «4th Rate Razorback» сам автор характеризует в стиле «Marilyn Manson встречает Beach Boys». Исполнив лично все инструменты и голоса, помимо собственных песен он включил в программу кавера на «S.O.S.» Abba и «Flick Of The Wrist» Queen. Вдогонку альбому был выпущен видеоклип на «Save Myself». И вот, что интересно: несмотря на традиционный вампирский сюжет видео, и ещё более традиционное готик-металлическое музыкальное решение, никому в этот раз и в голову не пришло обвинить музыканта во вторичности и подражательности.

Со дня на день к тому же должен появиться третий из запланированных альбомов с Альдо Кларксонем, возглавляющим сейчас группу Metal Majesty (рабочее название проекта — «Nymphopsychoschizophrenic», уфф...). Ждём-с...

На протяжении всей своей весьма запутанной карьеры Робби Валентайн не раз мог бросить свои эксперименты и заиграть что-то более востребованное, или же вовсе уйти в сессионные музыканты или продюсеры. Но предпочел остаться собой. И пускай недоумки-рецензенты из международных рок-журналов восприняли его девятый альбом, как первый. Дело сделано. Он сумел обратить на себя внимание рок-общественности — пускай на это ему потребовались полтора десятка лет.

Дмитрий БЕБЕНИН

ПОСЛЕДНЯЯ БАНЬКА АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЁВА

В пятнадцать лет я считал песни Башлачёва образцом, достойным подражания. Потом я повзрослел и стал играть совсем другую музыку, но его творчество ещё долго было для меня одним из основных поэтических ориентиров. А когда в 1998 году выступление моей группы «Происшествие» открывало программу рок-фестиваля памяти Башлачёва, я воспринял это за честь (тем более, что мы были единственной московской группой, приехавшей в Вологду).

Конечно, через восемнадцать лет уже невозможно разобраться, что в приписываемом Башлачёву правда, что ложь, и что произошло зимним утром 1988 года в Ленинграде на проспекте Кузнецова. Но чем больше я читаю эпитафий, тем больше меня начинают посещать сомнения: а был ли этот человек таким, каким его описывают?

Пусть эта статья станет, с одной стороны, попыткой разобраться в сложной и противоречивой судьбы человека, волею судеб вошедшего в историю русской культуры, а с другой — послужит предметом размышления для всех тех, кто пишет, поёт и склонен делать это осмысленно.

В своих немногочисленных интервью Башлачёв говорит практически одно и то же, одними же и теми же словами; на вопросы, не относящиеся к его любимым темам, он даёт туманные, ничего не значащие ответы. С одной стороны, ясно, что он пытается успеть донести выстраданные мысли, пока есть такая возможность; с другой — это выглядит так, словно он задаёт установку своим слушателям. Зачастую недосказанные в интервью мысли можно вычленишь только при сравнительном анализе различных текстов. «Рок — это слияние разных мифов», — говорит он в одной из бесед. Что ж, миф о Башлачёве состоялся — но какое отношение он имеет к его жизни? И, самое главное, как это соотносится с версией о самоубийстве музыканта?

Практически все говорят о Башлачёве в превосходной степени: в этом едины и Дидуrow, и Житинский, и другие, менее известные биографы. Всех превзошёл, пожалуй, Артемий Троицкий, заявивший, что Башлачёв в строке «сиди и смотри, как атомный принц кладёт свою плеть на трон» («Все от винта») предсказал аварию на Чернобыльской АЭС. Явный перебор: даже идиоту ясно, что речь идёт о холодной войне и гонке вооружений.

В современном своём описании жизнь Башлачёва напоминает псевдо-евангелие, текст которого полон нестыковок и натяжек, но, тем не менее, канонизирован — а, значит, не подвергается сомнению. Плохо скроенная пи-ар кампания словно специально создана для того, чтобы скрыть от глаз постороннего наблюдателя что-то очень важное, оставшееся в восьмидесятых годах. Но что же могло вызвать у башлачёвских евангелистов такое гипертрофированное чувство вины? Самоубийство кумира? Или Башлачёв дал им понять о чём-то важном ещё при жизни? Попробуем разобраться.

Итак, как известно, Башлачёв родился 27 мая 1960 года в Череповце. В старших классах школы впервые проявил литературные способности (если верить легенде, Башлачёв написал роман, тут же разошедшийся в школьном самиздате), после чего решил посвятить себя гуманитарной стезе и отправился поступать в Ленинград

на факультет журналистики — неудачно (причиной стало отсутствие публикаций). Отработав год художником на Череповецком металлургическом заводе, Александр поступает в Уральский Государственный Университет на тот же факультет. В 1983 году возвращается в родной город и устраивается в газету «Коммунист», где пишет о череповецкой любительской рок-сцене и сочиняет тексты песен для местной группы «Рок-сентябрь».

В мае 1984 года Башлачёв приезжает на питерский рок-фестиваль, где покупает себе гитару и, фактически, начинает свою музыкальную карьеру. В сентябре того же года песни Башлачёва слышит Артемий Троицкий и организывает ему концерты по Ленинграду и Москве. Ещё два года Башлачёв постоянно ездит по стране с концертами; путешествует по Уралу и Сибири, где знакомится с юной Янкой Дягилевой и, фактически, даёт ей путёвку в жизнь. В 1985 году в Ленинграде на студии Алексея Вишни записывается первый (и единственный прижизненный) альбом «Третья столица».

Башлачёв становится любимцем богемы, но это не приносит ему душевного покоя. У него проблемы с пропиской в Ленинграде, нет работы, нет жилья. Он хочет благоустроенности и уюта, но об этом можно только мечтать. В 1984 году он пытается работать в знаменитой кочегарке вместе с Цоем, Задерием и Фирсовым; ему не хватает физического здоровья, и он быстро бросает работу. В мае 1986 года в Москве Александр знакомится со своей будущей гражданской женой, тулячкой Настей Рахлиной.

К концу 1986 года Башлачёвым овладевают приступы депрессии и деструктивности: он стирает записанный на домашней студии Александра Липницкого альбом «Вечный пост», уничтожает один за другим тексты песен. Последнее сохранившееся произведение («Вишня») написано в мае 1986 года в Череповце. Башлачёв периодически пишет песни до августа 1987 года, но ни одна из них не сохраняется; потом бросает писать вовсе, аргументируя это тем, что «исписался» и «не хочет повторяться».

В середине 1986 года Башлачёв перебирается в Москву, к Насте Рахлиной. Старые песни Башлачёв исполняет неохотно. Он участвует в пятом фестивале Ленинградского рок-клуба (где получает приз «Надежда»), в рок-фестивале в подмосковном научном центре Черноголовка. Снимается в двух фильмах («Рок» и «Барды выходят из дворов»), но в последний момент отказывается от съёмок. По свидетельствам, пребывает в постоянной депрессии, совершает неоднократные попытки самоубийства (одну из них — накануне V фестиваля). «В последнее время Саша говорил только о смерти, а точнее, о способах самоубийства. Казалось, он выбирает, как ему эстетичнее уйти из жизни. Без крови и грязи. От таких разговоров у меня волосы вставали дыбом», — рассказывала поэтесса Ирина Ермакова.

Через несколько дней после своего последнего московского концерта 17 февраля 1988 года Александр Башлачёв найден разбившимся под окном девятого этажа ленинградской квартиры своей фиктивной жены Евгении Каменецкой. Через полгода в Череповце Настя Рахлина родит сына, Егора (ребёнок назвать в честь песни «Егоркина былина»), а ещё через 12 лет она скажет: «Сашкино решение уйти из жизни не было внезапным. Мы не встраивались в быт. У нас не получалось иметь квартиру и магазин под боком. Не получалось заработать деньги. Он больше не мог жить на улице. Это был замкнутый круг, пробить который мы не успели. Те отношения, которые были с Сашкой, остались

навсегда. Я перестала его любить как живого человека совсем недавно. И только потому, что поняла, как это невыносимо!..».

В православии считается, что самоубийство — один из наиболее тяжких грехов. «Реабилитация» Башлачёва началась практически сразу после смерти: был организован концерт памяти музыканту, на котором выступили Виктор Цой, Святослав Задерий, Юрий Шевчук, Борис Гребенщиков, Андрей Макаревич и многие другие. Смерть Башлачёва трактуется как результат личной трагедии; концерты и фестивали памяти музыканта становятся частью рок-н-рольной жизни страны.

К концу восьмидесятых Александру воздвигнут грандиозный нерукотворный памятник, зодчие которого вполне известны своими широко тиражируемыми воспоминаниями о Башлачёве и превосходными эпитетами в его адрес; впрочем, по воспоминаниям даже череповецких друзей музыканта, тенденция эта началась значительно раньше. Но вот что удивительно: в песнях Башлачёва нет ничего, что бы однозначно указывало на сверхъестественный талант их автора.

Не считая ранних песен 1983–1984 года, написанных в Череповце, и родственных по жанру бардовской песне (хотя любой бард ужаснулся бы такому сравнению), стиль Башлачёва довольно чётко зафиксирован и узнаваем. После «Третьей столицы» это почти исключительно медитативные причитания на одном аккорде или хриплые вопли без следов какой-либо модуляции. Даже такие непохожие песни, как «Мельница», которую можно истолковать как заклинание, и «Лихо», где крики Башлачёва похожи, скорее, на декларирование политических лозунгов, исполняются в одной и той же манере. И когда Башлачёву приходится перестраиваться, например, на относительно мелодичный «Посошок», голос его откровенно не слушается.

Самая мягкая характеристика башлачёвской манеры игры на гитаре — это халтура. Александр почти не попадает по струнам, создавая аккомпанементом только ритм и грохот (а уж второго у 12-струнной гитары вдоволь); с таким же успехом можно вообще ничего не зажимать, восполняя неумение эмоциональностью. Но Башлачёву этого мало: он сознательно дисгармонизирует свои песни, подолгу останавливаясь без видимой причины на одном аккорде или начиная бессмысленно повторять произвольную строку текста.

Оправдать сочетание дилетантизма с сознательной дисгармонией трудно. Даже апологеты Башлачёва признают, что его харизме не достаёт маломальской музыкальности, и я думаю, это одна была из причин, почему ему не удалось создать своей группы, хотя определённое желание со стороны окружавших Башлачёва музыкантов наличествовало. Если верить Александру Липницкому, «определённый круг ленинградцев, в частности, Сергей Курёхин, познакомившись на домашних концертах с последним циклом песен СашаБаша (условно назовём их «Вечный Пост»), были настолько поражены масштабом его личности, что строили разнообразные планы по продюсированию этого проекта с привлечением лучших музыкантов города». Но Житинский, обходя музыкальные таланты Башлачёва, говорит что «Саша считал себя поэтом», попутно принося достоинства действительно одной из величайших фигур русской словесности XX века: «Башлачёва, как и Высоцкого, вряд ли можно назвать мастером стиха».

Сравнение Башлачёва с Высоцким не случайно. В репертуаре Башлачёва — посвящение Высоцкому; Александр даёт концерт на Малой сцене театра на Таганке (пусть это и задворки, зато — почётные); харизмы бардов усиленно сравниваются, и опять-таки оттого, что в советской рок-музыке нет никого, кто приблизился бы по популярности

к Высоцкому и был бы при этом хоть чем-то на него похож. Башлачёв — бард, играет на гитаре. Мало сходства? Для заурядного рок-н-рольщика достаточно.

Этапы поэтического становления Башлачёва хорошо известны. Лучше всего, на мой взгляд, они рассмотрены в замечательной статье С. Свиридова.

Всё сделанное поэтом в 1986 г. отличает необычная для Башлачева концептуальность. В нескольких больших интервью он не скупится на теоретические высказывания. Не раз он пытается создать цельную программу — наряду с уничтоженным альбомом «Вечный пост» сюда нужно причислить новосибирскую фонограмму и запись для фильма «Барды покидают дворы». «Агеевская» и «Таганская», с которых и начинается поздний Башлачев, не столь цельны; но, вероятно, к обеим автор относился как к творческому «смотру», итогу (особенно к выступлению на Таганке) и включил в них всё, что только счёл актуальным.

В январском «смотре достижений» Башлачева виден сам акт перехода к новой манере, процесс поисков языка. Ранних песен, написанных в духе негативной поэтики, здесь нет (правда, «Репортажи», поэтически связанные с Высоцким, прозвучали на таганской сцене), опущены и многие песни зрелого периода. После «Мельницы», «Егоркиной былины» и «Ванюши» стиль 1985 года, видимо, перестал удовлетворять поэта, а нового не было. На какой-то момент Башлачев даже вернулся к элементам рационального слова, к балладному, почти повествовательному сюжету, к забытому, кажется, год назад бытописанию. Вероятно, осенью-зимой написаны «Верка, Надья, Любка», «Песенка на лесенке», «Случай в Сибири» и «Слыша Высоцкого». В каждой из этих песен есть какое-либо стиливое противоречие, дисгармония между материалом и формой, идеей и словом. Рациональный сюжет не в силах выразить мифологический и мистический смысл. Но, уходя от рационального, балладного начала, Башлачев уходил от Высоцкого, и «Складень» был жестом прощания, показавшим: можно говорить о Высоцком на своем языке, но перевести Высоцкого на язык Башлачева невозможно («Нельзя изменить место встречи»). Относительная неудача подталкивала к новому стилю. И уже весной появляются «Имя Имен», «Вечный пост», «Пляши в огне»...

... Башлачев пересматривает отношения внутри языкового знака, стремится изменить онтологический статус слова, проникнуть через толщу знака к денотату и прикинуть к самой сущности. Если в ранние годы слово у него работало как «конвенциональный» знак, в зрелые годы — в метафорической или символической функции, то теперь в поэтическом применении слова Башлачев опирается скорее на его внутреннюю форму. Например, в относительно раннем стихе «Вслед крестами машут сонные курганы» смысл образуют коннотативные значения, напоминающие, с одной стороны, о претексте, с другой — о могильной сущности кургана. Возьмем для сравнения поздний стих: «Во благо облечь в облака» — тут центр тяжести смещен на этимологические значения, смысл образуется диахроническим родством слов «облако» и «облечь». То же в стихе «Молнию замолви, благослови»: генетически «рифмуются» корни слов «молния» и «молвить», а семантически к ним добавляется «благословить» (от «благ» и «слово»). Так рождается смысл: слово обладает божественной энергичной природой и магической силой сообщать человека с небом.

Башлачев часто опирается на ложную этимологию, домысливая словам такие диахронические «связи», которые живут порой на едва заметной паронимии. Например, «Москва — Moscow — cow — корова»: цепь ассоциаций выходит даже за рамки русского языка.

... в приведенном выше примере сближение «облечь — облака» этимологически обоснованное, присоединение к ним «блага» — творческое, основанное на созвучии, но призванное убедить нас в родстве всех трех слов. Из азбуки внутренних значений слагается письмо, опирающееся скорее не на игру омонимов... а именно на внутреннюю форму в ее творческом понимании: «Как по лезвию лезем лесенкой»; «Но не слепишь крест, если клином клин. / Если мечь — как место на звон мечом»; «А Россия есть рос и ты»; «Дышу и душу не душу» — везде поэт дает нам почувствовать не просто переливы русской фонетики, но генетическое и смысловое родство слов, требует от нас эстетически «узреть» их потаенный общий «корень».

Таким образом, мы видим, что Башлачев компенсирует свою резкую музыкальную дисгармоничность поэтичностью настолько щедрой, что она зачастую кажется «трагическим каламбуром» (А. Соколянский); и этим резко выделяется на фоне литературно малообразованного русского рока. Ясно, что ни Цой со среднетехническим образованием, ни Кинчев с политическими прокламациями, ни провинциальный хиппи Шевчук, ни даже сытый романтик Макаревич ему не ровня. Столь же эрудированные и культурные люди в русском роке — только Борис Гребенщиков, кумир Башлачева и ещё, конечно, переводчик и музыкант Майк Науменко, но оба — в западном, «посевоковском» ключе. Башлачев — единственный из рок-поэтов, впитавший и продолжающий традиции советской литературы: близкие поэтике Башлачева мотивы нетрудно встретить у Вознесенского, Евтушенко, Кирсанова, а в некоторых песнях («Не позволяй душе лениться», «Как ветра осенние») Башлачев это даже выставляет на первый план. Никто из советских рокеров этой традиции просто-напросто не знает, все привыкли верить только западным культурным образцам. Незнакомый для рок-тусовки культурный слой в исполнении Башлачева — пусть и традиционный для остальной страны — встречается с восторгом.

Другой культурный слой, этнический, Башлачев также изучал весьма последовательно перед тем, как использовать в своей поэтике. Пишет Галина Пилипенко: «Ходят разговоры, что стихи и песни к Сашке прибывали свыше, то есть некто как бы вкладывал в него готовые строчки, и оставалось только записывать на бумагу. На самом деле это не так, Сашка хорошо работал — ты же не могла не заметить, как они хорошо выверены. Когда Сашка писал «Ваню», он перечитал множество частушек, у него была чудесная книга заговоров и наговоров, изданная до 17 года, с «ять» еще... У него стильные вещи не отдают стилизацией «под», потому что стиль он брал из корней, основательно изучая специальную литературу, ведь информация не берется из ниоткуда. И в большинстве своем Сашкины вещи продуманы, а не так что «взял бумагу, чернил и сочинил...». У Жени (Жени Каменецкой — А.К.) была приличная библиотека...»

Башлачев настойчиво повторяет: «Я подхожу к музыке, безусловно, с точки зрения литературной, с точки зрения идеи, цели, прежде всего. И, вероятно, я все-таки отвечаю себе на вопрос «зачем?». Это главный вопрос. А на вопрос «как?» можно отвечать без конца». Это чувствуется и по некоторым косвенным признакам: одна из лучших песен, «Петербургская свадьба», посвящена Тимуре Кибирову, в то

время развлекающемуся саркастическими гротескными поэмами, адресованными генеральному секретарю ЦК КПСС К.У. Черненко, но впоследствии ставшему одним из наиболее заметных поэтов конца XX века (да и XXI, похоже, тоже). Написанные в разные года «Зимняя сказка», «Осень», «Как ветра осенние», «Вечный Пост» и ещё добрый десяток песен — это, в первую очередь, очень сильные стихи.

Но отличного владения поэтической речью недостаточно, чтобы зацепить внимание публики. Башлачев пытается увести слушателя в медитацию, играя длинные, монотонные песни на одном аккорде («Имя Имён»). Но одно дело семиминутное шаманство так любимого Башлачевым Джима Моррисона в «The End», а другое — столь же безразмерный, но куда более монотонный «Перекур».

Недостатки исполнения компенсирует не только идеология, но и тяжёлая, исступлённая эсхатологичность, присущая многим песням Башлачева. Разбрасывая тут и там антисоветские, библейские и патристические символы, Башлачев транспонирует свою обиду на мир в зрительный зал. Строка из песни «Петербургская свадьба» «Мой друг, сними штаны и голым Летним Садам прими свою вину под розгами дождя» — далеко не самый яркий пример программирования установки на чувство вины. «Допустим, я хороший, считаю себя хорошим, добрым, честным, умным вроде Кука. Все правильно. Но кто-то ведь должен быть плохим в таком случае. Иначе как, если все будут хорошими? Это будет когда-нибудь. И это будет довольно страшно. Но будет. Мы виноваты перед ними, они виноваты перед нами. Почему понятие общей вины — конечно, только поэтому», — признаётся Башлачев.

«К опасным экспериментам в области слова прибавились спиритические опыты, угнетающие и подавляющие психику», — пишет Настя Рахлина. Башлачев испытывает душевные муки и считает, что вместе с ним должны страдать и его слушатели: «Я не верю тем людям, кто не страдал. И даже тем, кто очень страдал. Тут вопрос в том, что кровь льется либо напрасно, либо нет. И если даже собственная кровь с человека льется как с гуся беда, ты ничего не понял в жизни. Ты не извлек урока, твои страдания бессмысленны. А все через страдание — когда душа болит, значит, она работает».

Концерты в своём психологическом аспекте напоминают акт садомазохизма. Он и сам даёт об этом понять: «Мы живем на русской земле, и мы должны искать корень свой, русский. И он даст ствол, а ствол даст ветви, а к ветвям подойдет музыкант. Он ветвь срежет, из коры сделает дудочку и будет на ней играть, а саму ветвь использует в качестве розги, скажем так, вицы. И вот будет он этой вицей сечь, а люди боятся, когда их секут, им больно. Они понимают, что секут не для того, чтобы сечь, а для того, чтобы высесть. А высесть можно искру из человека, если его сечь».

Ещё интересная оговорка. «Если рок-н-ролл — мужского рода, то партнер должен быть женского. Понимаешь? Когда я выступаю, у меня есть некий оппонент — публика, кстати, именно женского рода (раз уж мы говорим на уровне лексики русского языка)».

Поэт в понимании Башлачева — и мученик, и палач. Такое понимание, основанное на библейских мотивах, надолго станет идеологической основой русского рока. Но у Башлачева это не статическое суждение, а истина, требующая подтверждения в каждой новой песне, в каждом новом камлании. Не потому ли неизбежен творческий кризис Башлачева — в тот момент, когда вдохновение подарит ему такое заклинание, которое уже невозможно превзойти? И не стало ли таким

абсолютным заклинанием для Башлачёва «Имя Имён» — Слово всех Слов?

... Что такое свет и тьма? Тут очень легко можно разобраться. Все, что впереди тебя, — это всегда свет.

Сначала ты пройдёшь половину пути через тьму. Потом ты получишь ровно столько же света. Человек не расплывается ни за что совершенно. Не бывает, чтобы человек получил что-то в дар, а потом ему приходится за это рассчитывать, отработывать. Ничего подобного. То, что человек получил, — это заработано. Тень — она всегда сзади. Если ты обернешься, сзади будет тьма, а впереди всегда будет свет. Понимаешь, о чем речь? То место, по которому ты идешь, всегда тьма. Свет всегда впереди. Граница проходит прямо по твоим ногам. Если ты шагнул, ты шагнул во тьму, но одновременно ты ее и одолел. Почему любой удар ты должен принимать как великий дар? Потому что если меня ударило, я должен знать, что это — удар судьбы. И его важно понять. Понять, для чего нужна эта жертва. Любой удар — тебе в спину, и не нужно оборачиваться, выяснять и сводить счеты, не нужно, не стоит — ты обернешься, а там тьма. И опять ты вернулся к себе, к прежнему — любой отрезок пути, каким бы светлым он тебе ни казался, автоматически превращается в темный, как только ты его прошел — ты отбрасываешь тень назад.

Это дар — любой удар. Раз тебя бьет, значит, тебе дается возможность больше пройти, дальше. А если ты не сделаешь, собьешься с курса, ты все равно вернешься по кругу на то же место. В другой ситуации, естественно, с другими, может быть, людьми... Но все равно будешь обязательно пытаться ту же задачу решить. Душа все равно ведет тебя за руку. Но ты иногда не понимаешь, куда она ведет, и немного сворачиваешь. Это ничего, можно сворачивать. Тут милосердие. Как сам себя показал, ничего кроме этого не получится, никто тебя не накажет больше. Это очень трудно — всякий раз по одному и тому же месту. Как только человек начинает чувствовать боль, он сразу начинает бояться этой боли. Это талант, талант — то в нем режется, душа в нем режется для того, чтобы прорвать себя и ощутить себя частью целого. Не то чтобы слиться, а по формуле я + все, каждый — центр, совершенно индивидуальный, совершенно неповторимый.

Имидж Башлачёва до 1986 года, вероятно, строился им сознательно. Вспоминает Анатолий Соколов: «Вокруг Сашки вообще очень много народу роилось. Никто не знает, что он приедет, а народ уже сбегается со всего города. Саня постоянно пел. Приходит — сразу берет гитару. Сейчас этой гитары уже нет — она в могиле, кочегарская гитара Башлачева. Он был человек очень веселый. Он пел куплет своей песни, потом вставлял куплет Гребенщикова, потом куплет Цоя. И он очень любил их дразнить. То есть он переделывал их песни на русский народный манер. Много было таких переделанных песен: «Бездельник» «Цоевский» совершенно на другой мотив». «... глядишь, и взойдет звездой русский рок в исполнении твоего старого собутыльника. А когда я умру, ты сможешь рассказать печатными словами всем потомкам о том, как мы ходили на день рождения, и прочие небывлицы. Я усиленно работаю над собой, чтобы доставить тебе в будущем удовольствие всласть поглумиться над моей доброй памятью в народных сердцах», — пишет Башлачёв своему другу Василию Нелюбину.

Амбиции Башлачёва достаточно ясно прослеживаются и в песнях на протяжении всей его жизни. «Я не погрешу против истины, согрешив за неё» («Пляши в огне») говорит о претензии на роль пророка. «Вы кидали медну полушку мимо нашей шапки терновой» («Некому берёзу заломати») — это уже прямая отсылка к Христу и к мученичеству (кстати, в интервью Башлачёв постоянно говорит о себе, как о неких обобщённых «нас»).

Выдвигая в качестве основного критерия «авторское естество», Башлачёв ставит себя над критикой — но, впрочем, критика (в лице загнанной в подполье андеграундной рок-журналистики) к нему более чем благосклонна. Да и Башлачёв к ней, по большому счёту, тоже относится к ней снисходительно: «... я люблю эту жизнь, эту страну. Я не мыслю себе жизни без нее и без этих людей, с которыми я... без тех тысяч людей, которых я просто вижу. Я всех люблю на самом деле, и даже тех, кого я ненавижу, все равно люблю. Просто я знаю, что они не настолько хорошие, чтобы понять это. Ну, а не настолько хорошие, потому что еще не поняли себя, свою душу».

Башлачёву нравится формализм, порядок, которого так не достаёт в его жизни. Он любит сравнение искусства с армией: «На фронтах мировой поэзии признан годным и рядовым» («В чистом поле дожди косые...»). Но разве плох тот солдат, который не хочет стать генералом, как стал им, например, подпоручик полевой артбригады Антон Деникин? «Если пользоваться сравнением с боем, то каждый находится на линии фронта, буквально, действительно на передовой. Каждый музыкант находится, так или иначе, на передовой. Но самое главное — не быть слепым и не ждать ни от кого приказов. Ты можешь сидеть в окопе, и все уйдут вперед, а ты все будешь ждать приказа. Каждый должен сам себе командовать: вперед! в атаку! А для того, чтобы атаковать, надо знать, куда бежать, нужно знать цель. Видеть реальную цель, которую ты должен поразить. Но, конечно, у всех свои функции, свои задачи — есть саперы панк-рока, есть гусары, есть пехота, есть истребители, есть бомбардировщики. И единого фронта быть не должно. И поэтому я не считаю, что все должны заниматься тем, чем я или Борис Гребенщиков. Таким образом, мы просто оголим остальные участки фронта. Но речь идет о том, чтобы все-таки держаться этой линии фронта, видеть перед собой цель и не сидеть в окопе». Как мы видим, понимание искусства у Башлачёва предполагает его исключительную роль в нём. Что толку в солдате без главнокомандующего, который никогда не позволит «оголить участок фронта»!

Но никто не торопится признать в Башлачёве ни главнокомандующего мировой поэзией, ни Христа. Максимум, кем его признают — провинциальным самородком. Башлачёв это тяжело переносит и иногда — мстит: «Когда человек начал петь, это был плач сначала... а ведь это очень близко все, очень близко, потому, что... плачут во все времена, во всех странах, и с самого раннего детства. Они (люди — А.К.) могли бы упрекнуть меня только с тем, что они сами не в состоянии спеть такую песню и поэтому не в состоянии оценить ее, полюбить. Люди злятся потому, что не могут объяснить».

Достаётся и собратьям в мире рок-музыки (в основном, надо признать, заслуженно): «Никакой рок-культуры, субкультуры просто не существует! И нельзя оправдываться... нельзя оправдать слабость текстов, слабость идеи, ее отсутствие полнейшее, нельзя оправдывать тем, что это якобы рок-поэзия, рок-творчество, рок-культура, и вы в этом ничего не понимаете. Ерунда! Если это искусство, если это искусство — в общем, тоже термин тот еще. Но если это искусство, то это

должно быть живым. Оно должно подчиняться тем же самым правилам и судиться самым строгим судом по тем законам, по которым мы судим тех же «Битлз», скажем, ту же музыку — не важно, рок, джаз, классика, — ту же живопись, ту же поэзию, литературу в целом, вообще любой честный творческий акт. И вот если подходить с этими критериями — а это, по-моему, единственно верный критерий — с точки зрения естества, авторского естества, то по этим критериям многие не выдерживают никакой критики. В Сибири я, например, встречаю безумно талантливых людей, исполнителей, гитаристов, авторов, которые не понимают сути своего таланта и пытаются его облечь в совершенно чуждые для них формы. Они не слышат своего голоса, свою душу, не знают своего пути, не видят свою звезду. Пусть она не такая яркая, потому что у нас сложная ситуация в музыке...»

«Это же очень мучительно осознать вдруг, что вроде как я гитарист, у меня ансамбль, мы там играем, у нас название есть, и нам свистят, хлопают, а потом понять, что ты дерьмо, в общем-то, ещё. В принципе, понять — это не обидно. Это ни в коем случае не обидно. Это великая честь для человека — понять, что он дерьмо».

Не найдя признания, Башлачёв ищет уединения в своём монастыре — собственной кухне. Но монастырь этот построен не на отказе от страстей земных, а на сверхценной идее: «Мне приходится много путешествовать автостопом. И в любой квартире я обнаруживаю, что человек, который так или иначе живет в Своем Доме, занимается искусством интерьера по образу и подобию... У человека может быть мания его величества, ее величества, чьего угодно... В общем, я хотел сказать, что единственное искусство (само по себе это слово я просто ненавижу) живо только на кухне».

«Пожив в Питере, он стал другим человеком. Изменился внешне. Страшные мешки под глазами, нездоровая краснота щек. В творческом плане вырисовывалась грустная картина. В Питере установилось бетонно слежавшееся рок-сообщество, которое контролировалось КГБ. Чужакам там не было места. Тогда он простился с надеждой. За последний год я не знал человека, который видел бы его трезвым», — вспоминает Алексей Дидуrow.

Башлачёв любил Набокова и, в том числе, роман «Защита Лужина». Мне думается, это не случайно — и совсем не потому, что на последних страницах главный герой кончает с собой, выбросившись из окна. Куда важнее мания, становящаяся причиной суицида — развивающаяся от патологической страсти к шахматам к неспособности жить за пределами схем и программируемых сценариев. В одном из интервью Башлачёв весьма пространно рассуждает на эту тему.

Рисунок на этой пачке сигарет для кого-то наверняка сыграет свою роль. Или песня — сидишь ты вечером и слушаешь «Битлз». И врубаешься, что песня написана именно для этого вечера, об этом вечере. Разговариваешь ты с человеком, а она совершенно точно попадает в нерв вашей беседы. Можно даже не разговаривать, а послушать, какие там будут песни дальше, и понять, чем у вас все кончится. Это просто многофункциональность. Это просто потенциал, который еще раз перевел себя в кинетику, стал реальным действием. Просто из века в век, из года и год, изо дня в день общую мировую идею мы переводим в форму за счет таланта. Талант — способ перевода. А если говорить о программе... то когда люди садятся играть в шахматы, всем ясно, что игра, так или иначе, кончится матом. Или если ты сядешь играть с Каспаровым, проиграешь в любом случае. Это, ка-

залось бы, детерминировано, да, исход, результат, да. Но остаются подробности, ты же сам решаешь, и он решает, какой пешечкой ходить. А для того чтобы перевести потенциал, есть шахматы, есть коробка, и мы должны сыграть. Перевели все это, реализовали кусок потенциала. Все. Но для того чтобы игра шла, кто-то должен играть белыми, кто-то черными, а иначе все перепутается. И поэтому мы виноваты перед тем, кто вынужден быть плохим.

Опять вина, опять чувство вины. И ожидание скорой смерти, о которой практически каждый раз его спрашивают журналисты, ориентирующиеся на апокалиптические тексты его песен. Башлачёв, против обыкновения, даёт различные ответы:

Журналист: У тебя есть чувство отпущенного времени?

Башлачёв: Отпущенного мне времени?

Журналист: И тебе, допустим.

Башлачёв: Я бы сказал так. Я бы сказал, что нужно туже вязать ту нить времени, ту, которая связывает каждого из нас со всеми и со своим временем. Если ты ее потеряешь, то все...

Журналист: Он (человек — А.К.) может уничтожить себя как предрассудок?

Башлачёв: Понимаешь, в конце жизни каждый уничтожает себя как предрассудок».

Журналист: Скажи: а ты мог бы уйти...? У тебя ведь, по сути, бродячая жизнь...

Башлачёв: А я и так, считай, у жизни в гостях. И сейчас, и завтра, и...

Но, в целом, если верить Башлачёву, он совсем не хочет умирать. «Понимаете, самое главное, когда человек скажет: «Ты спел, и мне хочется жить», — мне после этого тоже хочется жить. А вот когда человек говорит «Мне не хочется жить», — я бессилён», — говорит он. «Просто многие не видят, не понимают: волшебная палочка в руках у каждого. Только когда мы все вместе поймем, тогда она и появится. Вот так. И это очень... тут пахнет утопией, но за этим — будущее. Будущее именно таково», — сообщает он в другом интервью. «Я стараюсь не врать ни в песнях, ни в жизни, я стараюсь не предать любовь. Это самая страшная потеря — потеря любви, любви к миру, к себе, к людям, к жизни. Я это только обретаю. Я жил всю жизнь больным человеком, темным, слепым, глухим. Я очень много не понимал», — убеждает Александр.

Говорят, в жизни он был невысокого роста, застенчив и немногословен. Много пил — как все люди искусства в то непростое время; курил траву. Ни с кем не мог ужиться, «считал работу грехом» (Вячеслав Егоров). По свидетельству Александра Липницкого, «у Башлачёва всегда существовал конфликт с реальной жизнью».

«Их (богему 80-х — А.К.) можно было принять за циничных и опустившихся. И Сашу тоже; в сердцевине же он оставался нежным, легкоранимым, скромным и целомудренным», — писал земляк Башлачёва Александр Брагин, присутствовавший на съёмках фильма «Барды покидают дворы» и достоверно, как мне кажется, рассказавший о психологическом состоянии Башлачёва в его последний год жизни:

И все же, все же... На доньшке души... сохранял крепкое упование на удачу, везение, случай. И, как сам признавался, тяжело преодолел приступы уныния. В чем через несколько недель я убедился. С бесшабашностью и оптимизмом, в которых я обманулся, поведал он о неопределенности, «полетности» своего положения. И житейского, и профессионального:

— Все у меня нечаянное, временное. Да ведь как-нибудь что-нибудь и образуется!

В Киеве он пообщился, поогляделся. Но на предложение Солдатенкова определиться с днем съемки отвечал, что еще не готов к ней. Попросил две недели отсрочки. И укатил в Питер. Возвратился он подавленным, неузнаваемым. Сразу отрезал Петру, мол, никаких съемок не будет:

— Зачем вам моя рожа на экране? Я — не актер. Мое дело — песня. Песню я отдаю.

И сообщил, что решил петь «Имя Имен». Солдатенков, и так не особенно белый лицом, почернел. Растерялся. Принялся уговаривать Сашу. Дескать, и Шевчук — не актер, и Кукин, Дольский. А они — в кадре. Башлачев отрубил:

— Каждый — за себя. Они — они! Я — я!

Тогда Петр решил выждать. Может быть, несколько дней — и все само собой рассосется. Мотивы отказа неясны. В душу лезть, пожалуй, на ядовитое жало наткнешься. Резок очень. Пуцай пообмякнет. В своей практике Петр, как ни силился, не припомнил добровольных отказов от съемок. Обычно все настырно напращиваются. Ловят за рукав. Теребят телефонными звонками. А тут!.. Он успокоился на объяснении: нервы, вспышка, каприз!

Теперь Башлачев целыми днями пропадал в городе. И явно не на экскурсиях. Дворин в гостинице носа не показывал. Но мы наверняка знали, что Саша в его компании. Андрею город был известен и с лица, и с изнанки. В какие щели они забивались, их никто не пытал. Да и не признались бы. Но ввечеру по Саше определялось: забивались-таки. Одна из песен Дворина называлась «С джефа на ханку». Игла? Вряд ли. Видимо, травка. Ночные бдения не прекращались. Саша из города приходил словоохотливым. И это была пора его монологов.

Из Ленинграда Башлачев привез кассету с песнями незнакомо-го еще публике Виктора Цоя. Ежедневно слушал ее и меня призывал к тому же. Затем цокал язычком и восклицал:

— А ведь молодчина! Так и надо! А у меня мелодики кот накапал. И все вскоре сие поймут. В эту бы сторону вожжей дернуть. Не поздно ли?

Он говорил, что недоволен собственной Музой, так как стал повторяться, а подобное кружение за хвостом не к добру. Или у него застой, или он выписался. Ведь каждому положен предел: от сих до сих. Он говорил, что перестал верить в свое будущее. Будущего для него нет. И он не нуждается ни в чем утешении. Более же всего его пугали деньги. Грядущая коммерциализация песни:

— Нас, как негров, поставят на поток. И мы полюбим стричь купоны. И прислуживать у престола.

Уже проклеивались различные продюсеры, менеджеры. Он не чувствовал за собой торговой жилки и не полагался на то, что кто-то за него ухватится. Да и не считал себя пригодным: «жить в проклятом времени червонца». Он подумывал о бесполезности их предыдущей борьбы. И о собственной ничтожности. Где она, Правда? Битва проиграна.

У Солдатенкова состоялся разговор с Двориным. В детали Петр меня не посвящал, но суть заключалась в том, что пора прекращать маету дурью и Саше братья за работу. Андрей обещал со своей стороны повлиять на Башлачева. Для окончательного перелома ситуации решено было устроить вечеринку. Естественно, в номере у Солдатенкова. На нее собрались почти все члены съемочной группы. Скромным и галантным явился Дворин. Башлачев был замкнут и внешне спокоен.

Сашу развлекали на все лады. Петр шумно вещал об успехе картины. Кто-то перчил застолье анекдотами... В конце концов Саша растаяла. И согласился на съемки.

Снимать постановили завтра же. Внутри Киево-Печерской лавры, как и планировалось. Второй режиссер получила поручение заказать автобус к воротам киностудии. Дворин взялся позаботиться о массовке. Ту ночь мы с Башлачевым провели в молчании. В автобусе Саша сидел отрешенный, приобняв гитару. Зрелище воистину трогательное.

В лавре, пока расставлялась осветительная аппаратура, он, прилоняя к стене, в одиночестве настраивал инструмент. Солдатенков строго-настрого запретил подходить к нему. Кажется, он даже боялся лишней раз глянуть в сторону Башлачева. В самом людном и светлом месте Саша умел уходить в себя. Ни массовки, ни осветителей, ни Петра для него не существовало. Бог весть, существовала ли лавра?

Но вот он уложил гитару в чехол. Приблизился к Петру. Твердо и без эмоций сказал

— Извини, не могу

И виновато опустив голову, в одиночестве побрел вверх по склону. Будто бы подымаясь в небо. Его не посмели остановить.

Когда я вернулся в гостиницу, то застал его распластавшимся на койке. Но не сконфуженным, а блаженно присмирившим. Он произнес, как человек правый в своем решении:

— Зря Петр на меня поставил.

В фильме осталась только песня. На фоне разрушенного храма, дороги и поля. Картина завершается ею.

Мне кажется, в этих воспоминаниях — живой, настоящий Башлачёв. Точнее, ещё живой, потому что до смерти его осталось на тот момент уже меньше полугода.

Я верю почему-то словам Святослава Задерия о смерти Александра. С них счищена мифологическая мишура, и оттого сразу видно, насколько нелепую шутку сыграла с музыкантом жизнь, а потом — и смерть.

Я все-таки думаю, что самоубийством это не было — по крайней мере, самоубийством в классическом виде. Я склоняюсь к мысли, что тут виноваты грибы. В последние годы в питерской тусовке это увлечение было очень модным — впрочем, мне кажется, теперь оно идет на спад. Грибы — исконно русский наркотик: на Руси ведь никогда не было химических наркотиков, не было опиума, гашиша, но скотоморохи издревле «торчали» на мухоморах. Ни к чему хорошему, как правило, это и тогда не приводило. Наркотики вообще сначала дают иллюзию «расширения сознания», но это очень опасный путь, на нем многие гибнут — гибли на Западе, среди рок-музыкантов, и у нас... Я знаю, что в последнее время перед смертью Саш-Баш очень активно общался с одной девушкой, которая, так сказать, как раз поощряла распространение этого увлечения. И грибы действуют на психику очень странным, непредсказуемым образом — особенно на такую восприимчивую психику, какая и была у Саши. Могут подтолкнуть к самым невероятным действиям. Мне кажется, ему в тот момент показалось, что он сможет полетать. И он полетел.

Прятели, ночевавшие у него в квартире, рассказывали, что он начал будить их в восемь утра со словами: «Смотрите, солнышко восходит, пойдёмте-ка в баню...». Ему сказали: «Да ты с ума сошел, такая рань, какая сейчас баня?». Он будил их через какое-то время опять — снова с тем же предложением. А потом они проснулись часов в двенадцать, Женя Каменецкая подошла к окну и увидела уже только кровавое пятно внизу, на снегу. Тело уже убрала милиция. В квартиру не поднимались, потому что не смогли сразу вычислить, откуда же он упал — дом-то высотный, многоквартирный.

У меня есть старая видеокассета, где Башлачёв на кухне, грязный и пьяный, поёт свои песни для каких-то иностранцев. Качество записи, понятно, низкое. Со своим золотым зубом, хриплым голосом Башлачёв страшен и совсем не выглядит на двадцать семь лет.

Если следовать концепции французского социолога Эмиля Дюркгейма, самоубийство — это всегда крик о помощи. Так что, как знать, если бы не последняя в его жизни банька, может, и дождался бы Башлачёв конца Советской Власти, где нашлось место и ему: в христианской ли обители или в редакции журнала, но всё равно лучше, чем на Ковалёвском кладбище. А главное — не получилось бы такой подлой смерти, оставившей на белом свете ни в чём не повинную женщину с не рождённым ещё ребёнком.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

КАК ПИСАТЬ В СОАВТОРСТВЕ

Давным-давно, в незапамятные доинтернетные времена коллективное творчество писателей было занятием тяжелым и неблагодарным. Хотя бы по причине того, что людям нужно было собраться всем в одном месте в одно и то же время. Сейчас стало проще — открыл файл в редакторе, написал фрагмент, сохранился, закрыл редактор, открыл браузер, зашел в почту. . . Стоп. Позвольте, а не слишком ли много действий повторяется? Товарищи, спокойнее, на дворе XXI век, в котором подобные незначительные проблемы уже успели решить.

Сегодня в нашем обзоре мы рассмотрим лишь один сайт, но какой полезный! С его помощью несколько человек могут коллективно править текстовый документ, словно они все сидят за одним и тем же компьютером. Имя этому замечательному инструменту для соавторства — Google Docs (<http://docs.google.com>).

Для начала работы с онлайн-чудо-редактором каждому автору необходимо зарегистрироваться на почте Gmail (<http://gmail.com>). Имя почтового ящика является ключиком доступа ко всем сервисам Google, в том числе и для Google Docs.

На первом этапе самая интересная функция — это импорт документов формата .doc (Microsoft Word) и .odt (OpenOffice Writer). В этих двух текстовых редакторах готовится подавляющее большинство всех авторских текстов, вероятно, по причине наличия в них хороших средств проверки орфографии — так что проблем с переводом коллекции собственных литературных творений в онлайн возникнуть не должно.

Импортированный документ прочно оседает где-то далеко за океаном, в массивах жестких дисков серверов Google, до того момента, как пользователь сам решит его удалить. Иными словами, ограничений на время хранения и объём файлов нет. Этим стоит воспользоваться и перебросить в Google Docs все свои литературные шедевры, просто хорошие тексты, заметки, записки. Никто не сможет получить к ним доступ, пока вы не разрешите смотреть и править конкретный документ. Разрешение стоит дать для своих соавторов, которые также уже успели войти в Google Docs. Начинается самое интересное — коллективная правка текста.

Суть ее проста: один человек вводит текст, меняет шрифты, цвет текста, а другие видят эти исправления в реальном времени и могут вносить свои собственные изменения. На финальной стадии, когда редактирование завершено, нажатием пары кнопок текст легко выводится на печать, сохраняется как файл .doc или «приаттачивается» к электронному письму.

Ну как, впечатлило? Еще бы. Но не все так гладко. Основная претензия к Google Docs заключается в отсутствии вменяемой системы проверки русской орфографии, пунктуации, стилистики и прочих красно-зеленых подчеркиваний, хорошо знакомых каждому пользователю Microsoft Word. Здесь, к большому сожалению, ничего подобного нет. Но выход всегда можно найти, например, пользоваться браузером Mozilla Firefox, в котором имеется встроенная проверка любого вводимого текста. «Огненный лис», безусловно, будет идеальным спутником Google Docs еще и потому, что в других, менее популярных браузерах (прежде всего, в Opera) редактор чувствует себя крайне некомфортно, а порой просто отказывается загружаться. Разумеется, работа в Internet Explorer поддерживается полноценно.

Вряд ли в ближайшее время Google Docs станет полноценной заменой привычному «ворду», но как инструмент коллективного написания текстов он просто незаменим. Замечательный сайт! Обязательно попробуйте!

Андрей ГРИШИН

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ИДЕАЛЬНЫЙ СЕТЕВОЙ ДНЕВНИК

Секрет успешности дневника в интернете известен: надо писать два-три раза в неделю недлинный пост на актуальную тему, желательно смешной. Овладев этим искусством, можно довольно быстро достичь заоблачных высот, где обретаются так называемые тысячники — авторы, на чьи блоги подписаны 1000 и более читателей. Слово подписчики для интернета не очень подходит, но ничего лучшего пока не придумано. В Живом Журнале они именуются друзьями или френдами, хотя настоящими друзьями являются крайне редко. Рассмотрим основные параметры идеального поста.

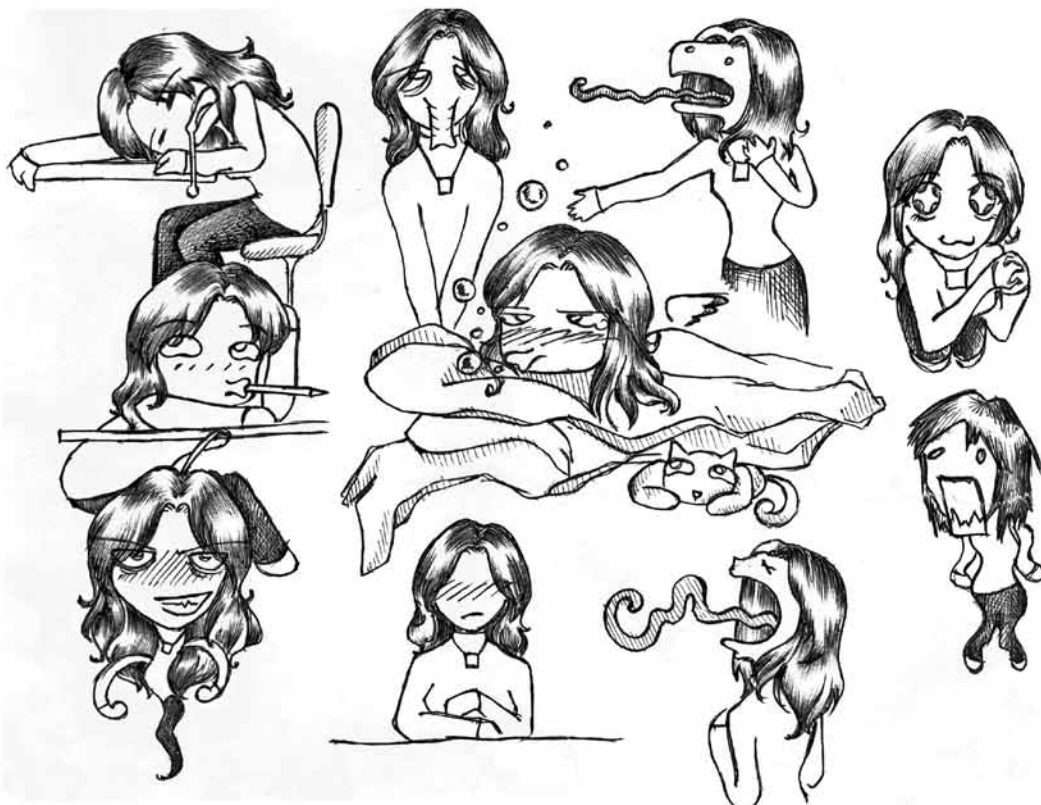
Существуют вечные больные темы, которые всегда возбуждают в читателях желание высказаться. Они с веками не меняются. Меняется только постановка проблемы. Рассматривая основные темы — возбудители споров, приведу примеры противоположных по смыслу постов на одну тему, которые встречаются на просторах сети и не оставляют равнодушными тысячи читателей. Все фамилии в постах-образцах просьба считать совпадениями.

1. Мужчина и женщина. Блогеров, как и нормальных людей, возбуждает тема секса во всех его проявлениях. Поскольку заповеди легче сто раз нарушить виртуально, чем один раз в реале, они могут тратить на обсуждение почти все свободное и рабочее время. Спорят до посинения, возможен ли вагинальный или анальный оргазм, кто, кому и почему должен/не должен предоставлять оральный секс, есть ли половая жизнь на Марсе, любовь без секса, секс без любви и пр. Как укрепить брак / увести кого-то из семьи / вести себя в постели, гостиной и на кухне / понять/простить/принять свою вторую половину. Виртуальную общественность, как и ее предков 100 и более лет назад, будоражат вопросы феминизма, роль женщины/мужчины в обществе, внешность, возраст, деление обязанностей в семье... Примеры провокационных постингов.

- Все бабы — дуры! / Мужики — козлы!
- Женщина, отказывающаяся делать минет / заниматься анальным сексом, не имеет права на жизнь! / Мужчина должен зарабатывать не меньше 5000 евро и оплачивать все женские капризы, иначе за что ему минет?!
- Жена/муж имеет право на измену! Кто не может простить измену — тиран, деспот и домостроевец! / Я никогда не прощу измену, расцарапаю лицо, вырву самое дорогое и расстанусь навсегда.
- Домохозяйка или бизнес-леди? Дома сидят только тупые пошлые бабы! Женщина, дома не сиди, на выборы в совет иди! / Место женщины в детской/на кухне/под плитинусом. Только там она может раскрыться. Хранить очаг / растить детей / чистить мужу автомат — вот ее истинное предназначение!
- Достали культ худобы и костлявые анорексички в журналах! / Быть толстым — уродство! Противно видеть девушек с голым пузом, висящим над низкими джинсами!

2. Любые сиюминутные темы, о которых пишут в новостях, обычно острополитические. Могут вызывать бешеные споры, пока не уйдут из новостных лент в небытие или до следующей реинкарнации.

- Все, кто не ходил на выборы, — амебы безвольные, они заслуживают того, что получили! / Все, кто ходил голосовать — политические проститутки, играют на руку власти!
- Мне жаль безвинно страдающего Ходорковского. Посылаю пучок проклятий тем, кто гнобит его и его бывшее окружение. / Из-за таких, как Ходор, воров-олигархов, в стране не хватает денег.
- Фильм/книга/спектакль, который все хвалят, претенциозный и скучный. / Посмотрел такой-то мейнстримовский фильм, очень понравился, те, кто его ругает — идиоты!

— Я — противник ношения оружия / курения в общественных местах! / Настоящие мужчины не выходят из дома без пушки и без сигареты в зубах. Остальные — тюфяки и маменькины сыночки.

— На сайте «Одноклассники» я встретил свою первую любовь! Приходите туда все!! / Никогда ни за что не пойду на «Одноклассники», его создало ФСБ, чтобы удобнее было за всеми следить.

3. Вечно актуальные темы, в число которых входят поиски национальной идеи, споры о религии, великодержавном шовинизме, патриотизме, ксенофобии, фашизме, оболванивании масс, значении русской интеллигенции и пр.

— Бога нет! / Бог есть, но не тот, в которого вы верите! / Бог есть, но вы в него неправильно верите! / Все представители других конфессий — нечестивцы, которых надо гнать на историческую родину/вешать/расстреливать/распинать и т.п.

Удивительно, но в XXI веке эти споры остаются горячими, аки геенна огненная.

— Романов/Путин/Медведев — спаситель России! / Государь/Президент/Хозяин тайги — губитель России!

— Такой-то — фашист! / Нет, такой-то — патриот, а фашисты — те, кто против него!

— Не понимаю, почему не любят Михалкова? Михалковы — цвет нации и гордость отечественной культуры. / Михалковы — приспособленцы и хамелеоны, позорящие русскую интеллигенцию вообще и творческих работников в частности.

— Петросян/«Аншлаг» — средоточие мирового зла, пошлости и банальности! / «Аншлаг» — моя любимая передача, все остальное — приметив и бональщина!

— Я — за святую Русь, пусть выметаются отсюда все, кто не согласен! / Учиться тебе еще и учиться у запада, Раша немытая, кабацкая!

— Лица альтернативной национальности всю Россию разворовали! Все Айзберги, Вайсберги, Айзенберги, всякие там Рабиновичи. / Эти русские такая пьянь, им лишь бы было, на кого свои проблемы свалить. Кругом одни антисемиты!

Особняком стоит проблема отношения москвичей и гостей столицы. Самый большой, как всегда, квартирный вопрос. Посты, которые не оставят равнодушным никого:

— Понаехали тут эти лимитчики, взвинтили цены на жилье, нам из-за них квартиру купить не по карману, сидели бы в своей Тмуротокани! Им лишь бы все сломать и нахапать побольше денег за наш счет, пусть убираются домой. / Я ненавижу этот город, но живу тут. Москва разорила всю страну, и больше нигде жить невозможно! Понаоставались тут эти москвичи, а нам из-за них места мало, убирались бы они отсюда куда угодно, лентяи, живущие за наш счет!

4. Социальные темы. Расслоение общества на богатых и бедных и пр. Поскольку особо бедные люди в сети целыми днями не торчат, посты могут быть такого плана.

— Купил себе новый роллс-ройс, а жене — сумку «Биркин». Хочется простоты и тепла, поедем отдыхать на Мальдивы, будем там есть простую пищу, дары моря, устриц. . . Все, кто не вывозит семью на Мальдивы каждый год — лузеры! / Неудачники — это богачи, так как у них нет внутренней культуры, духовных ценностей.

— Нищоброды должны знать свое место, им не нужно хорошее образование, пусть себе плодятся и размножаются, чтобы было больше

рабочей силы. / Ничего, скоро грянет над нуворишами гнев народный/божий! Они закончат свои дни в нищете, будут жить в коробках от тиражей журнала «Гламур» и питаться одними колбасными обрезками. Посылаю им луч диареи и прочие проклятия.

5. Рождение и воспитание детей. Рожать надо до 30 лет! / Рожать можно в любом возрасте. / Рожать или не рожать?

Процесс выращивания детей пугает многих, они называются модным словом «чайлдфри» и хотят жить в свое удовольствие без всяких детей. Однако окончательно для себя закрыть тему не могут и, как будто специально, нарываюются на ссоры. Тут тоже разыгрываются настоящие бури в песочнице. Достаточно написать «Я — чайлдфри, терпеть не могу вечно орущих, испачканных, мешающихся в ресторанах и вообще путающихся под ногами детей». Сразу появится стая чадолюбцев, которые начнут переубеждать автора, доказывая, что дети — это наше продолжение, бессмертие и шипастые розы жизни. Скандал обеспечен. Но и в стане любителей детей не все спокойно, там постоянно идут братоубийственные войны на темы: допустимо ли бить ребенка, кормить или не кормить младенца грудью, делать ли прививки и пр.

6. Преподавание в школах, высшее образование и наука. Это единственная тема, обсуждение которой не порождает огромного числа заклятых врагов. Большинство блогеров согласно, что система образования развалена, а наука угроблена. Бурные споры идут только о том, как исправить ситуацию, какая система образования лучше (любая, но не та, которая сейчас). В комментариях к постам могут здорово разжиться собиратели проклятий, их там встречается немало в адрес тех, кто возглавляет министерства и ведомства, отвечающие за систему образования и науку. Примеры провокационных постов могут быть такими:

— Я работаю в экспериментальной школе, у нас учителя — энтузиасты, дети — таланты, все зашибись, в совке такого не было. / В СССР была лучшая система образования, а в сегодняшних хороших школах всё только за деньги.

— Такой-то вуз дает плохое образование. / Нет, наш вуз дает прекрасное образование. Все дело не в вузе, а в системе, которая разрушена. . .

7. Гипотетические споры из разряда «кто кого сборет». Сюда входят, например, кровопролитные баталии, порожденные развалом СССР.

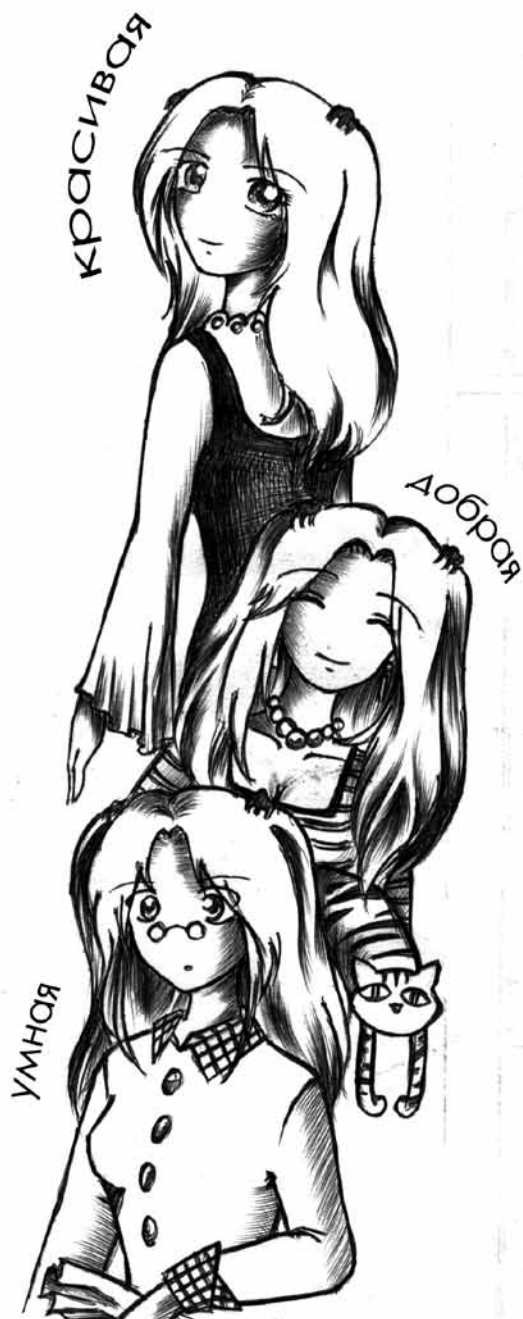
— В СССР было лучше, чем сейчас! / Сейчас мы живем лучше, счастье, что совок развалился!

— Тогда не было колбасы! / Зато была черная икра!

— Икра и колбаса были у одних и тех же. Остальные жили в нищете в очередях. / Нищих и бродяг в СССР не было. Лечили, учили и квартиры давали бесплатно.

— В России жить лучше, чем на Западе. Хорошо, что я остался. . . / В Европе/Америке жить лучше, чем в России. Счастье, что я уехал!

8. Прочие убеждения. То, без чего одни прекрасно обходятся, другие же не представляют жизни. Например, любовь к животным, вегетарианство, гомосексуализм. . . Споры окопавшихся в сети интеллигентов о литературе и искусстве тоже можно отнести к этой категории. Они бывают сиюминутными вроде бурного обсуждения какого-нибудь графоманского стишка, когда друзья автора стеной идут на стенку, подпираемую парой-тройкой литературных критиков. Битвы приверженцев старой имперской

и новой примиренческой орфографии сводятся к тому, как правильно говорить и писать по-русски: Беларусь или Белоруссия, в или на Украине, Таллинн или Таллин и пр. Остальные поднимаемые проблемы глобальнее.

— Каренина — не жертва, а стерва! Толстой вообще не умел писать. Лишь Достоевский — луч света в трущобах гнилой дореволюционной литературы. / Толстой — зеркало русской духовности. Учитель жизни для многих юношей. В отличие от мрачного Достоевского Толстой — проводник тепла, добра и света.

— Мясо едят убийцы животных! / Не есть мясо — извращение!

— Котят надо топить, а бездомных собак отстреливать. / Топить надо тех, кто топят котят, а бездомных собачек — стерилизовать!

— Чтобы не топить котят, котов надо кастрировать! / Тех, кто лишает котов мужских достоинств, надо кастрировать!

— Собак вообще нельзя держать в квартирах, если уж держите, выгуливайте в намордниках и собирайте за ними дерьмо. / Люди жестоки! Они вытеснили животных из их среды обитания, и теперь должны компенсировать им это — позволять бегать без намордников и гадить где хотят.

— Все, кто запрещает однополую любовь — гнусные неполиткорректные гады, их надо расстреливать! / Гомосексуалисты — гнусные пидоры, из-за них бабам не хватает мужиков, рождаемость падает, поубивал бы!

Любое категоричное высказывание на одну из больных тем вызывает шквал комментариев, чего обычно и добивается поднявший тему популярный блогер или начинающий сетевой провокатор, жаждущий увеличения посещаемости своего блога. Как правило, каждый выбирает себе несколько тем и возделывает свой огород. Не следует воспринимать постинги-образцы, приведенные выше, как эталоны. Это скорее ключевые идеи, которые можно развить до размеров нормального поста, исходя из собственных предпочтений, если вы желаете быстрой скандальной славы. В остальных случаях записи на названные темы должны носить более нейтральный характер.

Каков **идеальный размер произведения**, опубликованного в интернете? Несколько лет назад сетевой культуртрегер Дмитрий Кравчук написал гигантскую статью на эту тему. Рассуждения вебмастера «Стихи.Ру» сводились к тому, что автор должен щадить читателя, у которого слишком мало времени на чтение и слишком много предложений от конкурирующих авторов. Поэтому опус (речь шла о стихотворении) должен целиком уместиться на экране монитора, чтобы читателю не приходилось щелкать мышкой и передвигать текст на экране. Надо отметить, что это был благий совет, поскольку большая часть текстов, которые складываются на «Стихи.ру» — графоманские вирши, а чем они короче, тем лучше.

Заинтересовавшись проблемой, я нашла рассуждения более авторитетных источников. Дадим слово классикам.

Лев Аннинский говорил: «Рассказ о фильме должен быть таким, чтобы в газете или журнале его можно было бы накрыть ладошкой. Т.е. около 1900 знаков. Остальное — лишнее».

Юрий Олеся писал: «Современные прозаические вещи могут иметь соответствующую современной психике ценность только тогда, когда они написаны в один присест. Размышление или воспоминание в двадцать или тридцать строк — максимально в сто, скажем, строк — это и есть современный роман».

Эпопея не представляется мне не только нужной, но вообще возможной.

Большие книги читаются сейчас в перерывах — в метро, даже на эскалаторах, — для чего ж тогда книге быть большой? Я не могу себе представить долгого читателя — на весь вечер...»

Иосиф Бродский придерживался того же мнения: «В „Воине и мире“ следующего века будет не больше двухсот страниц. А то и меньше — учитывая, сколько внимания читатель сможет уделить книге при разнообразии его досугов. Она будет длиной с беккетовский „Мэлоун умирает“ или длиной в стихотворение. В сущности, я думаю, что будущее литературы принадлежит ее истокам, то есть поэзии».

Обратившись к истокам, то есть к поэзии, я решила посчитать число знаков в стихотворениях классиков. Самых успешных, а значит — потенциальных тысячников: Пушкина (наше всё) и Бродского (Нобелевский лауреат). Поскольку математик из меня никудышный, в выборку вошли только два стихотворения.

● БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА

Пушкин, «Я помню чудное мгновенье», 628 знаков. (Текст удобно закрывается ладонью.)

Бродский, «Письма римскому другу», 2726 знаков. (Длинновато. Кравчук разбил бы на 2-3 поста.)

Полученное число знаков я сложила и поделила на 2. Среднее арифметическое — 1677. Это число близко к названному Анненским 1900 знаков.

Можем сделать вывод. Идеальный текст должен занимать чуть больше половины экрана, вмещать 1600-1900 знаков и закрываться нормальной мужской ладонью.

Предположим, вам удалось написать несколько идеальных постов. Не размещайте их в своем журнале подряд один за другим, вы же не хотите надоесть читателям. Самое оптимальное — выставлять два-три поста в неделю. Большинство блогеров сидят в интернете во время рабочего дня. В пятницу все спешат побыстрее доделать работу и сбежать домой, поэтому им почти не до ЖЖ. В субботу-воскресенье в сети затишье — народ уходит в реал. В понедельник ваш пост может затеряться, так как френды пришли утром на работу и вывалили все накопившиеся за выходные мысли. Значит, лучшие дни для размещения поста — со вторника по четверг.

Оптимальное время размещения зависит от того, где живет большинство ваших френдов, откуда и в какое время они обычно ходят в сеть. Если они в одном с вами часовом поясе и ходят с работы, то лучшее время — утром, в начале рабочего дня. Как известно, люди, которым доступен бесплатный рабочий интернет, придя в контору, первым делом читают свои ЖЖ. Если ваши друзья — полуночники или живут в Америке, то лучше размещать посты дома перед ужином, а после него идти собирать урожай комментариев.

Чтобы иметь успех и прослыть интересным собеседником, выставлять идеальные посты — полдела. Надо освоить науку написания идеального комментария, он должен быть лаконичным, хвалебным и содержать обещание дать рекламу посту. Например: «Прекрасно! / Отлично! / Брависсимо! / Роскошно! / Отпад! / Круто! / Больше и добавить нечего / Просто даже и сказать больше ничего не могу. Пойду разрекламирую/отпиарю у себя в ЖЖ».

Теперь, когда вы знаете основное о правильном наполнении блога, предлагаю вам насладиться отрывком из произведения, в котором было рассказано о первых известных человечеству живых журналах. Можно смело утверждать: идея массового создания личных журналов-дневников с несложной системой френдования, которую позаимствовали создатели ЖЖ, зародилась в начале прошлого века в нашей стране, принадлежит она русским людям. Это очевидно доказывает приведенный ниже отрывок из книги Л. Пантелеева и Г. Бельих «Республика ШКИД». Входят в него и три идеальных поста из тех самых доисторических блогов, эксплуатирующих вечную проблематику. В качестве образцов представлены патриотическая байка, любовная лирика и риторический стих на актуальную общественно-политическую тему.

В Шкидской маленькой республике с населением в шестьдесят человек выходило 60 (шестьдесят) периодических изданий — всех сортов, типов и направлений. . .

Отзвонит звонок, но парты остаются по-прежнему занятыми, только крышки хлопают да изрезанные черные доски дрожат.

Ученики сидят скромно, разговаривают шепотом.

В классе тихо. Только перья поскрипывают да шелестят бумажные листки.

Десятки голов склонились над партами. Творят и печатают, рисуют и пишут.

● ТЕХНОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Это готовятся журналы.

Зараза заползла во все уголки.

Журналов стало так много, что не находится уже читателей на них. Все пишут — читать некогда. Но каждому лестно, чтобы его журнал читали. Каждый старается сделать свой журнал поярче, позаманчивее. Для этого требуется не только талант, но и время. А времени не хватает, поэтому издательская деятельность не прекращается и во время уроков. . .

Три месяца школа горела одним стремлением — выпускать, выпускать и выпускать журналы. Три месяца изо дня в день исписывались чистые листы бумаги четкими шрифтами, письменной прописью и безграмотными каракулями.

У каждого журнала свое лицо.

Один редактор помещает рассказ в таком стиле:

МЕДВЕДЬ

Была холодная ночь. Вокруг свистала вьюга. Красноармеец Иван Захаров стоял на посту. Было холодно. Вдруг перед Иваном набежал медведь — и прямо к нему. Иван хотел убежать, но он вспомнил о врагах, которые могут сжечь склады с патронами. Он остался. Медведь подбежал близко, но Иван вынул спички и стал зажигать их, а медведь испугался и стоял, боясь подойти к огню. А утром медведь убежал, а Иван спас склады.

А другой редактор и поэт пишет так:

*Я смотрю на мимозы,
Я вздыхаю душистые розы,
Взор очей мой тупеет,
Преда мной все темно,
Солнце греет,
Природу ласкает.
Как люблю я тебя
С твоим взором.*

У третьего редактора совсем другие настроения:

*Грянь, набат громозвонный,
Грянь сильней.
Слушай, люд миллионный,
Песню дней.
Крепче стой, пролетарский
Фабрик край,
Потрудись ты, бунтарский,
В Первый май.
Пусть звенит и гремит
Молот твой.
Праздник Май гимн творит
Трудовой.*

Три месяца бесновалась республика Шкид, потом горячка стала постепенно утихать: как звезды на утренней заре, гасли один за другим «Мухоморы», «Клоуны», «Факелы», «Всходы» и другие газеты и журналы. Ребята устали.

Анна НОВОМЛИНСКАЯ

ЕВГЕНИЙ ОРЛОВ: «И БОЛЬНО ЗНАТЬ, И СЛАДКО ПЕТЬ...»

Выбился из колеи, из графика, из буквы, ну и к чертям всё это! «все в мире лирика, друг мой, все в мире — лирика», не так ли? Я уже не цитирую, я уже говорю словами, которые стали моими. Есть такая магия, магия слова, когда входит в душу строчка, вырастает, пускает корни. Уже никому не отдам. Уже не понимаю, как мог думать, как мог чувствовать иначе. До дрожи, до мурашек, до транса. Что-то щемит в душе, и хочется читать, и присваивать, дальше... Я никогда не слышал голоса Евгения, но вот он — в стихах, то тихий, раздумчивый, то громкий, то, чуть хрипловатый, протяжно-грассирующий, то — звонко-удивлённый. Шарманщик, бродячий колдун, звуками своих мелодий подманивающий местную ребятню. Чуть не сказал — Крысолов, но — немного не то...

Может быть, он сам слушает эту мелодию, может, он сам околдован? Наверное... Все мы — секретари у Господа Бога, и записываем то, что он нам надиктовывает, и каждому слышится — своё... Но если слышится так мощно, громко и смело, если трогает те струны, которые опыт и (тьфу на неё!) начитанность давно одели в вату глухоты? Мастер+Нет. Мастерство — это что-то холодное, отточное, как клинок, как скальпель, и нет уже мысли, всё уже — на рефлексах. А здесь — трогательность и беззащитность, и мысль, и страх — всё бьётся в строчке, в стихотворении, в Слове...

Наверное, Бог создавал мир с таким же трепетным чувством, с такой же ранимой восторженностью к своему творению. И — яростно отстаивая право на СВОЁ видение, и СВОЁ изложение. И — какая-то беззащитность, какая бывает у влюблённого. И всё — одновременно. «кафе каштан картавый азнавур»... Я не цитирую, я уже это присвоил. До мороза между лопаток, до какого-то клокотания в горле это — моё.

ладно бессонница на получи и пропей!
я же пошел собираться туда где среди океана
ждет меня девушка племени белых ночей

крутит табак на подсушенной шкурке банана

там мое солнце еще ни фига не возшло
там еще фиников тьма а на старость покатит
грошик в кармане — да есть еще два за душой
есть еще порох

и видимо этого — хватит!

Что же это? Опять защемило. Опять колдовство. Каким-то чудным, немислимым образом я — в этом мире. И нет в нём странно-сти, так и есть, так должно быть, не может быть по-другому...

говори акварелью — мне нравятся полутона
и размытость отдельных фрагментов — когда-то любовью...
на хрусталике памяти — трещинка знаешь она
очень мило тебя искажает на фоне зимовья —
о еще бы! немного дефекта а столько тепла
излучает твой взгляд ненароком дровишки — с подтреском...

я тебя убивал в стародавних мучительных снах
я тебя забывал в каждом облаке облик жесте
я каленым железом тебя выжигал из листа
и на площади жег с колдунами и ересью вместе...
вот такой вот пейзаж... такова подоплека холста...
говори акварелью — мне нравятся губы с подтекстом!

Вырви слово, два слова из стихотворения, поверти в неловких руках — где жизнь?, что это?... А всё вместе, живое, трепетное... Настоящее... Пусть — так не бывает, так есть. Пусть — так не пишут, так живут... И эта жизнь — настоящая. И — ожидание, а что будет дальше, в этом, уже мной обжитом, мире. Чтобы слышать голос, слышать дыхание. Слышать слова.

Чтобы они — в который раз — стали МОИМИ.

начитаюсь Ремарка пойду и куплю кальвадОс
подмигну профурсетке (пусть верит что жизнь не напрасна)
и наверно — влюблюсь и конечно — немного всерьез
до немого такого смешного но все же — несчастья...

воздух дерзок и свеж да и мне-то всего сорок два
да и хвост пистолетом а значит и вечность на мушке
я еще расстреляю свой прикосновенный запас
как обычно пустив в молоко поцелуем воздушным...

я еще подберу к тебе свежую рифму, любовь!
но увы — не теперь потому что до одури падок
на чудесный напиток кальвадОс — зеленую кровь
из немного прогнивших прошедшею осенью яблОк...

Олег СМАГИН

«ТОЧКА ЗРЕНИЯ» НАВОДИТ МОСТЫ

Сейчас, накануне фестиваля «Петербургские мосты»-2008, мне бы хотелось напомнить об истории взаимодействия этого фестиваля с литературным Интернет-журналом «Точка Зрения». За эти пять лет у нас, читателей и авторов этого крупнейшего литературного сайта, неоднократно находились поводы для радости.

Напомним, ежегодный поэтический конкурс «Заблудившийся трамвай» имени Н.С.Гумилева проводит Санкт-Петербургская Ассоциация творческих объединений С-3 при поддержке ряда литературных организаций Санкт-Петербурга (в частности ЛИТО Пиитер, на сайте которого расположена страница конкурса, и литературно-общественного журнала «Новый Берег»).

Номинировать произведения на конкурс имеют право ряд литературных проектов по заранее установленной квоте. Как и в большинстве других конкурсов, после первого этапа отбора формируется «лонг-лист», после второго — «шорт-лист», потом объявляются победители. И хотя призовой фонд конкурса не очень большой, стать его победителем почетно. Может быть, из-за того, что сейчас вообще проводится мало поэтических конкурсов, сочетающих высокий художественный уровень и доступность.

Об этом же говорит положение о конкурсе: «Цель конкурса — выявление новых, талантливых современных русскоязычных поэтов до настоящего времени недостаточно известных читателям и критикам. В то же время конкурс демократичен и не ограничивает участия уже признанных авторов».

Литературный Интернет-журнал «Точка Зрения» стал номинатором конкурса «Заблудившийся трамвай» с первого же года существования этого проекта. Первоначально изданием выдвигались только пять номинантов, но в 2007 году квота была увеличена вдвое. Примерно тогда же было принято решение о том, что номинантами будут только те поэты, чьи произведения вошли в последние шорт-листы «Точки Зрения» (так называются голосования редакции по итогам сезона). Кроме того, было принято решение, что при любом раскладе сайт не номинирует одного и того же автора дважды.

За пять лет номинантами от «Точки Зрения» побывало множество достойных людей. Вспомним их имена.

2004. Александр Рытов, Александр Брятов, Евгений Никитин, Анастасия Киселева, Андрей Широглазов. Москва, Рязань, Дортмунд, Минск, Череповец. Имена в Интернете — сплошь известные (ну, может быть, кроме Саши Рытова — да и то из-за его беспредельной скромности этого человека). В лонг-лист попадает, в итоге, именно Рытов. В шорт-листе из тогдашних авторов сайта — Наиля Ямакова, которая номинирована на конкурс литобъединением Лейкина. Чуть позже из числа финалистов конкурса на «Точке Зрения» опубликовался питерский поэт Борис Панкин.

2005. Лиене Ацтия, Федор Назаров, Олеся Первушина, Вадим Кейлин, Владимир Ланцберг (да-да, тот самый бард Ланцберг!). В лонг-лист попал Фёдор Назаров — талантливый и шумный поэт, сумевший переварить в себе Бродского. В шорт-листе — Брятов, номинированный на этот раз «Журналом живых поэтов» и в том же году опубликованный на «Точке Зрения» казанский поэт Алексей Остудин.

К сожалению, участие в конкурсе оказалось последним в жизни Владимира Ланцберга, умершего 29 сентября 2005 года.

2006. Алексей Караковский, Ольга Котомкина, Ксения Крапивина, Виктор Черненко, Денис Сибельдин. Впервые номинирован руководитель сайта — Алексей Караковский (как он сам говорит, «до этого не за что было»). В лонг-лист попала милая и задумчивая курынка Ольга Котомкина, профессиональный врач, участница Форума молодых писателей в Липках. В шорт-листе из авторов «Точки Зрения» обращает на себя внимание Глеб Бардодым (номинирован ЛИТО «Рукомос»).

2007. Евгений Витковский, Татьяна Гринкевич, Рустам Карапетьян, Оксана Шибанова, Инна Кулишова, Яна-Мария Курмангалина, Джэйана, Софья Чеснокова, Александр Денисов. В списке присутствуют как люди со сложившейся репутацией (известный переводчик Витковский), так и совсем неизвестные авторы (например, журналистка «Советской Беларуси» Татьяна Гринкевич и молодая поэтесса из Новосибирска Софья Чеснокова). В шорт-лист попадает северянка Яна-Мария Курмангалина, студентка Литературного института. Победил в конкурсе постоянный автор «Точки Зрения» Рахман Кусимов. Вторично в шорт-лист попал Глеб Бардодым (по-прежнему номинированный ЛИТО «Рукомос»).

2008. Александр Немировский, Михаил Майгель, Альфина Голубева, Артём Шепель, Наталья Пейсонен, Елизавета Яровая, Татьяна Гринкевич, Марк Шкловер, Владимир Жбанков, Полина Кондаурова. Самое крупное на данный момент коллективное достижение «Точки Зрения» на конкурсе. Стихи москвички Елизаветы Яровой попали в шорт-лист конкурса. В лонг-лист удалось пробиться также жительнице Абакана Полине Кондауровой, а также москвичам Артёму Шепелю и Михаилу Майгелю. О каждом из них можно говорить долго, каждый — заметная личность. Яровая — бунтующая натура, едва сдерживающая внутри себя игру стихий. Кондаурова — флегматичный наблюдатель, смотрящий на жизнь внимательно и без иллюзий. Шепель — хиппи, автостопщик, бунтарь, творящий со словом немислимые вещи. Майгель — безукоризненно корректный и точный интеллектуал, образец аккуратности и джентльменства.

В мероприятиях фестиваля след «Точки Зрения» менее заметен из-за того, что организационный центр сайта находится в Москве (этим, кстати, определяется и некоторое тяготение проектов «Точки Зрения» к Союзу писателей Москвы). Однако, начиная с 2006 года, в рамках фестиваля регулярно проводятся мероприятия авторов сайта — например, в 2006 году москвичи осуществили довольно масштабный приезд в северную столицу, что закончилось созданием ЛИТО. ПЕТЕРБУРГ — местного отделения «точкозрян», заработавшего «на полную катушку» в последнее время.

Отдельного упоминания заслуживает довольно многолюдная встреча участников сайта 20 июня 2004 года в Летнем саду, на которой собрались не только москвичи (Алексей Караковский с женой и Александр Рытов) и питерцы (Виталий Янко, Вадим Кейлин), но и приехавший из Череповца поэт и музыкант Андрей Широглазов. «В программе: чтение стихов всеми желающими, выступление Алексея Караковского и Натальи Савич (группа «Каникулы»), всенародная радость и пиво», — сообщала афиша. И, кстати, всё получилось именно так: на концерт Пола Маккартни, проходившего в этот момент на Дворцовой площади, никто из присутствовавших даже и не собирался идти.

Посмотрим, что будет в этом, 2008 году.

Эдуард АБРАМОВ

ЛИТО.ПЕТЕРБУРГ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Думаю, ни для кого не секрет, что Санкт-Петербург один из самых перенасыщенных в культурном плане городов. У вас никогда не будет проблемы куда пойти вечером или к какому литературному (музыкальному/художественному/ и т.п.) объединению примкнуть, дабы продемонстрировать свои недюжинные способности и, бросив творить «в стол», выйти, наконец-то к любящей публике.

Но, такая ситуация, при всем ее положительном влиянии на развитие культурного облика города, несет с собой и некоторые минусы. В частности, основной проблемой была, и остается, некая разрозненность основных групп. По всему городу существуют десятки ЛИТО, Литошечек, и Литошек, где числятся сотни, тысячи поэтов, основная часть которых реально не появляется нигде, в том числе и на самих заседаниях. Более того, в Санкт-Петербурге огромное количество поэтов, которые не знают ни о каких объединениях и сидят себе спокойно по домам. Как показала практика, среди них есть действительно интересные, перспективные авторы.

Кроме того, незаслуженно забыты прозаики, их жалобы на то, что им не дают возможности показываться публике поступают регулярно.

Так и получается, что при огромном количестве центров, объединяющих творческих людей, реально, практически не существует хотя бы нескольких крупных центров, куда гарантированно мог бы прийти автор, оставший жить наедине со своим творчеством.

Когда Алексей Караковский год назад предложил мне возглавить питерское отделение «Точки.Зрения», я, честно признаюсь, плохо понимала, что же меня на самом деле ждет. По-началу, не скрою, перспектива казалась весьма радужной: с помощью Володи Захарова, при организации первых чтений ЛИТО.ПЕТЕРБУРГ, нашлось достаточное количество желающих выступить. Чтения проходили на ура. За весну 2007 года нас посещали и участники ЛИТО.МОСКВА: Сергей Алхутов, Владимир Жбанков, Алексей Корнеев, Наталья Лебедева, Максим Валюх, Артём Шепель.

Постоянной площадкой для проведения литературных мероприятий стало арт-кафе «Песня». В рамках фестиваля «Петербургские мосты 2007» там был проведен вечер «Сетература», в котором приняли участие авторы сайтов «Точка.Зрения» и «Литсовет».

Чтобы избежать заикливания только на авторах «Точки.Зрения» и расширить аудиторию — приглашались участники портала Литсовет.ру и Лито Пиитер. Появлялись новые имена. В июле 2007 приезд в Питер Софьи Чесноковой (ЛИТО.НОВОСИБИРСК) был отмечен много часовой нон-стоп феерией «Сумасшедшая среда», в которой приняли участие около 30 поэтов различных литобъединений. Несмотря на середину лета, в зале было полно народа.

Осень 2007 и зима 2008 стали периодом затишья в выступлениях. Но это не значит, что не велась постоянная работа по развитию ЛИТО.ПЕТЕРБУРГ. За это время был определен вектор движения.

В октябре 2007 руководители оффлайновых ЛИТО Точки.Зрения, встретившись на Форуме молодых писателей в Липках, обменялись опытом, идеями и заручились разносторонней помощью друг друга.

Что же теперь ждет ЛИТО.ПЕТЕРБУРГ?

Во-первых, 7 июля вечер «Сетература» снова станет одним из официальных мероприятий фестиваля «Петербургские мосты». Есть основания полагать, что в этот раз он пройдет с гораздо большим размахом, ведь недочеты, несомненно, были учтены.

Во-вторых, с нового сезона (осень 2008), на площадке арт-клуба «Песня» планируется внедрение абсолютно нового литературного проекта, который объединит в себе не только различные лито, разрозненных авторов, как именитых, так и абсолютно неизвестных публике, но и поэтов, прозаиков и драматургов. Мероприятия будут проводиться один раз в месяц (а, возможно, чаще). С помощью появившихся новых информационных средств и новых возможностей будет даваться дополнительная реклама и создаваться абсолютно новая аудитория.

В-третьих, в разработке идея культурных мероприятий в школах и ВУЗах Санкт-Петербурга. Этот проект будет реализован в конце 2008-начале 2009 г.

В-четвертых, идет непрерывный поиск молодых, талантливых, перспективных авторов, с помощью которых мы сумеем построить объединение, которое не будет заикливлено на самом себе, а даст возможность общения с другими лито, обмена опытом, развития.

В-пятых, к лету 2009, по итогам сезона, вполне вероятен выпуск издания с лучшими произведениями авторов ЛИТО.ПЕТЕРБУРГ.

Конечно, понятно, что реализация планов это тяжелый процесс, который требует участия с изрядной долей фанатизма. Скажу, что на данный момент, энтузиастов можно перечислять по пальцам. У нас есть площадка, интересные авторы, время, желание двигаться вперед, но пока (и я верю, что это «пока» ненадолго) нет команды, которая бы быстро и точно воплощала все задуманное в жизнь.

Поэтому, первоочередные задачи ЛИТО.ПЕТЕРБУРГ — это:

— прийти к осени 2007 года сплоченным составом, который начнет действовать во благо, в первую очередь авторов и слушателей,

— поиск затерянных в городе «самородков», которым Точка.Зрения может дать возможность продвижения и самореализации,

— запуск литературного проекта с конца сентября-начала октября.

Я верю, что все получится, и 2008 год станет для ЛИТО.ПЕТЕРБУРГ знаковым. Именно с него начнет не возражаться, а рождаться абсолютно новое оффлайновое литобъединение с нестандартными задачами и идеями.

Анна МАР

СТИХИ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

Владимир Захаров

В теплые края

И вот, приходит такая вся из себя и говорит:
Я прекрасней всех Беатриче, загадочней всех Маргарит,
Мне нужен коктейль из грез, салат всех благ, заветных желаний пицца,
И велит не тянуть и с заказом поторопиться,
А у тебя и так уж давно на все не хватает рук —
Где, например, дело всей твоей жизни,
любимая женщина, лучший друг?
И ты берешь ее нежно за талию, ощущая, как ее стан упруг,
Поворачиваешь вокруг — на сто восемьдесят
И говоришь: погляди, у нас тут экзистенциальная осень,
И тебе, пташка, пора улетать на юг.

те кого смогли на беду простить
не приедут к нам уже погостить
кукла мasha выросла и щенок
окошел все прошлое прощено
вкусом детства память горчит едва
старый дом распиленный на дрова
полыхает жарко в твоей печи
говори хоть что-нибудь не молчи
старика что в лодке тебя подвез
на причал скатившихся с неба звезд

Окраина

По выселкам державного предместья
крадется ночь как нерадивый тать,
не сплю в который раз, и с нею вместе
не в силах эти сутки дочитать
до корки. Преднамеренно застегнут
на пуговицы парных фонарей,
жилет проспекта сообщает окнам
оттенок запустенья. Нет, скорей
не запустенья даже, а унылый,
какой-то невостребованный вид
зеркал, в которых отраженье было,
но тот, кто в них смотрелся — он убит.

Озявшие персты многоэтажек
щекочут небо в области пупка,
все замерло в окрестности, и даже
сама окрестность, кажется, хрупка.
Деревья в облачении убогом
торчат как курьи ноги из ухи...
Зачем все это выдумано богом,
помимо наказания за грехи?

Вставляйте, граф, или Нам жмут безликие тела

— С добрым утром, сэр!
— Спасибо, тронут.
Сквозь двойной кордон оконных рам
Отчего так безутешно стонут
Рты сигнализаций по утрам?
Не за тем ли, что они как будто
Собрались оплакивать меня?
Саваном седым сползает утро
Без отца родившегося дня,
Чтобы вылить в мир сырую серость,
При которой злобы не тая
Взгляд редуплицирует как ксерокс
Блеклые картины бытия:
Вот тоски районная больница,
Мелких мыслей пшенная крупа,
Деготь дел... И я готов молиться,
Чтобы день вообще не наступал.

Ода сну

Время хлебнуло ртути, свинца, железа
И потекло не вниз, но куда-то вбок,
Мне за ним вслед поворачивать бесполезно,
Но и стоять на месте столбом слабо;

Вот и шагаю сугубо перпендикулярно
Металлургически-тяжким своим годам,
Сморщенный недоросль, полуседой школяр, но
Если идти не стану, то кто тогда?

Кто донесет до бумажной моей Голгофы
И на моих деяньях поставит крест?
Кто бы ты ни был — читающий эти строфы,
Помни, что Бог не выдаст, свинья не съест

Даже когда ветра над тобой бушуют,
Где-то есть ангел, который сидит ошую.

Вадим Кейлин. Стороны света

правая: хлопок одной ладони

глядя
на спящую кошку
ловишь себя на мысли
(за хвост?)
что хотел бы так же
свернуться в кольцо
озирая одним глазом пространство над
и никому не говоря о том
что видит другой

в окне отражается сад
плоды вчерашнего холода
горчат
дикая порода
в неволе
приживается нехотя постепенно
на стволе
зарубки-дни и на листьях под цветами глубокие тени
а звенящие ягоды-льдинки
падают и словно тонут
в голубых глинах
в отражении дома

заснеженные
стены стекла скаты крыш
зимняя поросль

словно картинка
в ярких оттенках
белых цветов

будто фотограф
спутал затворы
сняв темноту

и к старой пленке
липнут пылинки
в глянец границ

едкой капелью
бело-пастельный
вылетел птиц

искажение объектива
заставляет мир
казаться
имеющим четкий центр
и симметричный край

спящая кошка
на залатанном пледе
снаружи метель

левая: подставка другу

мне сегодня везде
чудится запах дыма

на библиотечной полке
свечка без фитиля

холодный чай и теплое вино
и привкус специй в уголке рассвета
едва замечен добрая примета
заснуть на час некрепким пьяным сном

проснуться вспомнить все места одно
уехать без обратного билета
и больше не желать остаться где-то
но не в пути бесхитростный канон

простая память сложные потери
холодное вино и теплый чай
проснуться вспомнить но уже не верить

когда тебя отечески февраль
целует в лоб как будто перед казнью
как будто говоря ступай ступай

снега и сны тугой арабской вязью
связали нас и я к тебе вернусь
за городом за пустотой и грязью

в болота льда где ты идешь ко дну
скрипят подошвы втаптывая холод
в балтийскую скупую тишину

и будто бы разбит туманный кокон
но каждую секунду где-то ночь
старушечьи берет тебя под локоть

и шепчет погляди горит окно
что как маяк приманивает скалы
и как корабль притягивает дно

а за окном февраль молчит устало
весна тебя теченьем унесет
в открытый сумрак начинать сначала

теперь я знаю земля меня не спасет
теперь я знаю

между востоком и западом
пощечина

● КУНСТКАМЕРА

Анна Мар. Ковчег. Триптих. (В.З.)

До тебя далеко

Ну, куда мне теперь?.. Слишком холодно. Пусто в ладони.
Знаешь сам, не согреться. Замена теплу — алкоголь.
Небо странное: топится, топится, только не тонет.
И его крайне жаль, как себя, как вчерашнюю боль.
Я сижу на краю. Парапета, Москвы, параноии.
Шлю кусочки себя в смс-ках по всем городам.
Сердце странное: счастливо будто, но жалобно ноет.
И не пятница вроде еще, а всего лишь среда.
До тебя далеко. Километры ничто, да вот время.
С ним не сладить никак, с этой плеткой в две сотни хвостов.
Осень странная: плачет и плачет. По всем и со всеми.
Пьет и просится к небу на дне Патриарших прудов.

давай, я подышу тебе в ладони?

опять ты мерзнешь в городском квадрате?
по скучным переулкам ноября
гуляет, ничего не говоря,
измученная осень в драном платье.
ты ей киваешь — так давно знакомы,
рассматриваешь сеточку морщин.
прикидываешь — может, в магазин?
пожалуй, нет, сегодня — сразу к дому...
здесь очень сыро, спутница-простуда
докучливая, что ни говори.
у вас там не включили фонари?
прости, мне не увидеть их отсюда.
давай, я подышу тебе в ладони?
почувяв лето у себя в руках,
ты удивишься. а потом, в стихах,
об этом хоть полслова, да обронишь.

Ковчег

В этой жалкой общаге, в потрепанной ноевой лодке,
где ютятся в убогих клетушках уставшие пары,
я одна, забесплатно, в холодном отсеке товарном,
тщусь куда-то смотаться от жизненной метеосводки:
от прогнозов, что ливень, да что там — потоп уничтожит
все мои города, всё, что строилось долгие годы.
Я животное странной, особенно редкой породы, —
кто-то в небе, как будто, второго мне выбрать не может.
Раздражают они, наверху, и все чаще не спится.
А вокруг только чей-то багаж. Деревянные стены.
У меня, господа, назревают большие проблемы —
тут, в товарном отсеке, похоже, нет шансов не спиться.

● БЕЗУМНЫЙ СЛОВАРЬ

Евгений Ортин

«Инвентаризация «Я»»

«Знание предмета» обманчиво, так же, как смех,
что беспричинно и немо в простуженном горле
колет меня, раздирает на части и кормит
свежими мыслями, новостью ставшими тем,
кто узнаёт меня, тем, для кого пустяком
выглядит сложность, кто склонен просчитывать выдох.
Я воплощение горечи, черствости, пыток
(чаще душевных), следя за своим языком,
мыслями, действием, курсами ценных бумаг,
купленных вами и тут же обруженных мною,
редко бываю действительно чем-то доволен.
Часто собою. Броженья в пытливых умах

я признаю, как ума неотъёмную часть.
Как признаю за собой и ошибки, и право
не отвечать ожиданиям свидетелей, равно,
как и своим ожиданиям не отвечать.

«Громко сказано»

Всех, кого, подпуская на пушечный выстрел,
Я любил (может, сказано громко), кого
Я под выстрел глазами подвёл, роковой
(Может, сказано громко), лукавый и быстрый,

Всех прошу извинить мой охотничий пыл
(Может, сказано громко), простите. Лукавить
Нету смысла, как пламя не тушат руками,
Так, возможно, и я недостаточно был

Прямодушен, усерден, беспомощно болен.
Я прощенья прошу, никогда не просил —
Мне не горько, достаточно молод, красив
(может, сказано громко), пусть милый, не боле,

Не об этом сейчас, уж простите меня,
Вы во мне не ошиблись, пусть груб и рассеян.

Всё смешалось во мне: и пустыня, и север,
и прохлада садов, и базарных менял

Обиталище — всё, и дитя, и старик.
Может, сказано громко, однако замечу:
Не корите меня, дурака, бессердечен
Я давно, своё сердце одной подарив.

● БЕЗУМНЫЙ СЛОВАРЬ

«Ощущение языка»

Я знаю, умру, до потери сознания
влюблённый в тебя, не прощённый Казанью,
Москвой, Нижневартковском, Ригою, Прагой,
Тобою. В искусстве натасканный плакать,

но слёз не показывать, верить, не видя.
Влюблённый в колени, укрытые в ситец,
твои, западая на тонкий и острый,
опасный, как бритва, язык, точно осы,

умеющий жалить, ростком пробивая
моей головы толстостенность, такая
в нём сила и нежность, что, кажется, даже,
его ощущение более важно

его понимания. Знаю, погибну,
влюблённый в твои полуночные гимны,
колени, язык, растекаясь по венам,
пускай не прощённый, зато вдохновенный.

«бегло...»

Румянец на щеках почти болезнь,
Когда и небо бело, будто простынь,
И воздух бел от пущенных колец
И завитков, табачным дымом в проседь

Сползающих. И хочется забросить

Повыше солнце, выйти, сесть в метро
И, глаз не поднимая, долго ехать,
Прислушиваться к говору, контроль
Теряя с каждым новым взрывом смеха

Галдящих школьниц, выползти наверх...
И, непристойно долго глядя в небо,
Опять курить, закусывая хлебом,
Запасливо оставленным для тех

Случайных птиц, как школьницы весной,
Ликующих, пьянеющих свободой.
Как холоден теперь канал Обводный.
Как я к нему невысказанно жесток.

● ФАНТОМ

Олеся Первушина

Литературное кафе

... Аплодисменты аншлагом
льют, как из шланга
такие, брат, выдались вечера
публика валит, как из ведра
дым коромыслом, вино рекой
лиц не видать, хоть подать рукой
мягкость обложек и кость купюр –
пой петухом, потешая кур!

а за соседним столиком дама в шляпке
длинные очереди глазами
мужья приплясывают на задних лапках
жены визжат сорванными тормозами

а напротив дребезжит о стаканчик ложечкой
что-то розовое, над губой пушок
и твой спутник
уже не может с тобой такой
и расставляет сеть, разворачивает мешок

это — бывший попутчик
который решил свернуть
на скаку ослабив твою подпругу
и опять одной тебе продолжать свой путь
пони, бегающего по кругу

да, вы правы, это — арена цирка
вон акробат — под куполом колокол
он сорвался, смотрите на кровь, смотрите!
и уже тащит за волосы волоком
принцессу туда, где уборка/готовка/стирка
доисторический укротитель

а ты думала, сказка — лебеди и крапива
отмолчишься в тени
отыграешься завтра утром?
вот он, твой жребий — билет счастливый
зажмуривайся и тяни
свой номер из Кама-сутры

но это все сплетни, конечно, бредни
из-за спины
и слева
и справа
подсчеты не очень точны
но обычно, в среднем
хватает одной королевы
на эту ораву

знаешь, милочка
когда ты читаешь вслух

старики начинают кряхтеть-потеть
а их перезрелых подруг морщинит
как зимние яблоки из подвала —
ты либо читай, как по спинам плеть
чтобы каждый юнец
себя возомнил мужчиной
либо одно из двух
которого все равно будет мало
чтоб обеспечить эффектный конец

но после всей этой литературы
девочка, так хочется настоящего:
жизни, любви, врагов и, конечно, денег
а у тебя все в рифму
и такие розовые колени
ты не отказывай заводящему
с тобой прозаические шуры-муры

посмотри-ка в зал
с самых задворок зала
подержи-ка занавес за шнурок
я поражаюсь, не верю своим глазам —
как тебе мама не рассказала
заранее, на что похож этот наш мирок

а ты думала, богема
надушенные седины
и махорка на шелковом галстухе —
да ты по проволоке пройдишь хоть до середины
будет тебе травелог-поэма
о принцессе и пастухе

да все тут свиньи
я и среди них — поросенок с хреном
да ты не смотри так
у меня ведь тоже большое сердце
мы тут сшибаемся, аки клинья
петуха выводя на ку-ку рефреном
кто кому насолил, кто всыпал под хвост перцу

что же ты, хочешь тоже шляпку
как эта в пудре?
автографы раздавать
назначать свиданья?
(Боже, Тебе ль не знать
кому мой грех в назиданье)
я как советчик мудрый
тебе говорю: беги-ка ты без оглядки

что тебе, право, деточка
с ними такими делать
тут серенад не поют посреди бедлама —
лучше едем ко мне
ты же в звезды попасть хотела
на, позвони домой, отпросись у мамы...

Алексей Уморин

Черепеховый веер

Нам бы жениться на тех, кого мы любим.
Только на них одних, а не иначе.
Тех, кого мучим, целуем, губим
В рамках мужской, стыдно простой задачи.

Только на них и положено нам молиться.
Только они, обнимая, кивая, глядя,
— нашим носам, что последний кусочек пиццы,
что бы там ни...
Да хотя бы и знать, что бляди.

Ну и пускай себе было и было... — Плыли
лодкой в ночи, где чужих паруса — плечами...
Любишь — и прошлое, горстью пыли,
вытряхнешь из башмака, и тогда в молчаньи
тесно прижатый, прилаженный и прибитый
ей, животу её, там, где вовнутрь дверцы,
слышишь, как с темени — на орбиты
вечной морзянкой сигналит глухое сердце.
Вечно... И Бог, рассекая волны
чёрной пирогой, услышит и обернётся...
— Только с любимой когда...
Без неё ты, голый,
лишь черепеховый веер на дне колодца.

Катана

...Ржавой катаны чуть улыбается рыба.
Меч. Старый меч. С длинною рукоятью.
Молотом жёваный, пытаный огненной дыбой
белых от жара углей.. Помнящий и настоящий.

Прошлое, было и было...
— Дымом ли застились реки?
— Пасмурным небом злые дела укрылись?
...Падали, шли падали мёртвые человеки.
Века не выбрав из сети...
Только мечи, как рыбы, метались, бились.
— Жалко?
— Кого жалеть им,
пытаным, точеным, острым,
травленным чёрной краскою,
тела питаемых соком...
— Капает дождь, барабанит по листьям.
...Время обходит остов
старой катаны...
Острый.
И одинокий.

Азия

Начинается ночь
и под лампами окон, их выстрелами,
обнаружив пространство закрытым,
нечистым и огороженным
— не покажись огороженным,
потому что в отчаянии мало хорошего,
потому что у памяти, малою родиной
девять ягодок, с сахаром, чёрной смородины,
в плену банки, под крышкой стеклянной закатанные,
до оскомины милые, будто залатанные
локотки полонянки, невольницы-девочки
в тонком платье спящей к окошку налево. И
укрывающей веки ладошками грязными
на постели твоей
рядом с вечностью в Азии.
Рядом с вечностью,
после всего...
Перелистывая
постранично, с конца до начала,
насытывая
эту песенку...
— Некогда долго отпутьвал
от реки и от корня смолистого гнutoго,
на зверька — из земли выходящего на люди,
— так похожей, что вот, не хватило и наледи
в сорок лет толщиной, для забыть
и опомниться.
... Подо лбом накипающей
усталой бессонницей,
старой-старой, что старше
самого древнего
каменелого дерева тысячедревного,
каменелой от муки дороги просёлочной
по которой неровной походкой колодочника
ковылял по своим, по колодке обязательный
в прошлой вечности, но той же самой Азией.
Той же самой всегда, плоскодонной и вымышленной
грудью принятой, словно под ребра в камышинку
синий ветер полынный проделал — нанизали,
чтоб играл, словно бусы на нитке. — Пониже ли,
или выше?.. — Кто знает, где мера, одышливо
ляжет горлу петлёю витую промышленной,
подкольной змеёй?
— Дабы лиса ли, волка ли
после — снегом, под водку, санями и волоком,
— волооких зверей... Ты, теперь и обколотый,
не забудешь, как трескает лёд, и как золото
от мороза летит в ноздри нежными искрами,
чтобы делать нас белыми-белыми. Чистыми...
Потому помолчи, пусть сидит, перелистывая
низку бус твой зверёк у постели, насытывая
песню странную — слажена, раз уж обязана
полоняночке спящей, подаренной Азией.

СЕМЕЙСТВО ЧЕЛОВЕКОВ ПИШУЩИХ

Так уж получилось, что Лиене Ацтиня, заведующая отделом поэзии на «Точке Зрения», стала самым частым автором «Зловредной темы». И это не случайно. Многолетние изыскания в области изучения графомании привели к накоплению бесценного опыта, который Лиене недавно начала систематизировать и классифицировать. Эта статья, вероятно, лишь начало большого труда. А благодаря открытию на «Точке Зрения» рубрики «Первый шаг» (для произведений начинающих авторов) записки Лиене имеют все шансы перерасти в диссертацию.

Семейство Человеков Пишущих подразделяется на два вида: Автор Матёрый и Автор Молодой Талантливый.

Автора Матёрого рассматривать мы не будем. Потому что он по определению Пишет Правильно. А это, согласитесь, скучно. А вот вид Автор Молодой Талантливый... о, с ним не соскучишься!

Вид Автор Молодой Талантливый, в свою очередь, подразделяется на несколько подвидов. Об этих-то подвидах я и собираюсь вам поведать. Предупредить, то есть, и вооружить.

Сегодня я расскажу вам о двух совершенно разных подвидах Автора Молодого Талантливого. Их повадки разительно отличаются. Но потрясающее умение писать плохие стихи выдаёт в них принадлежность к одному и тому же виду.

Один из самых неприятных подвигов Автора Молодого Талантливого — это Автор Патриотствующий. Он паразитирует на любви к Родине, часто — на религии, наиболее распространённой в этой самой Родине. Скажем, если речь идёт о России, то православие от Автора Патриотствующего достанется по полной программе.

Почему я сказала «паразитирует»? Потому что вирши Автора Патриотствующего, если присмотреться, не имеют ничего общего ни с гражданской лирикой, ни с духовной лирикой. Они составлены сплошь из типовых штампов вроде «родная деревня», «поля бескрайние», «реченька звонкая», «церковь белая» и так далее. Как правило — с явным закосом под Есенина. А вот личности самого автора, его неповторимого голоса в таких стишонках нет и не предвидится. Правильно, зачем тут какой-то голос, кому тут сдались какая-то индивидуальность и эта... как её... искренность, вот? Куда как менее напряжно — взять совершенно бесплатный килограмм затёртых словечек и слепить из них чистенькое, гладенькое и... совершенно нечитательное подобие стихотворения.

Автор Патриотствующий старается. Чтобы возвышенно, в духе соцреализма, только на современный лад. Чтобы с религиозностью, потому что модный тренд же! Чтобы мотивчики народных песен угадывались, потому что поэт же должен, того, всей кровью в народе! Чтобы с дидактизмом, потому что надо, надо вдолбить народу, как правильно любить Родину!

И получается.. получается на редкость слащавая и фальшивая муть, каковую муть я вам тут сейчас спародирую:

Разлюли, моя берёза,
Той родной избы окрест,
Где в полях роняю слёзы,

По-над речкой видя крест!

Я, обычный сельский житель,
Прислонился к деревьям.
Дети, Родину любите,
Стыд иначе выйдет вам!

Автор Патриотствующий подобные вирши всерьёз пишет, представляет? Примерно такими же словесами. И думает, что это — поэзия.

Второй подвид, также широко распространённый и, пожалуй, не менее неприятный — это Автор Половой.

Подвид Автор Половой подразделяется на два типа: Автор Женский Половой и Автор Мужской Половой. Возраст Автора Полового чаще всего варьирует в пределах от 12 до 20 лет. Будучи неспособен пережить гормональные бури без эксцессов, Автор Половой начинает писать про секс, всерьёз полагая, что обогащает литературу шедеврами эротической поэзии. И, к сожалению, не только начинает, но и продолжает. Пока гормональные бури не поулягутся или, что бывает чаще, — пока не надост.

Автор Половой отличается совершенным незнанием анатомии человека и неуёмной тягой к эвфемизмам вопиющей витиеватости. Эвфемизмы Автору Половому нужны затем, что названий половых органов он стесняется до обморока. Как правило, Автор Половой пользуется расхожими штампами вроде «нефритовый стержень», «пульсация плоти», «ключ» и «замок». Но порою распалённое воображение Автора Полового рождает невообразимые, чудовищные авторские перлы.

Более всех других слов Автор Половой обожает слово «естество». Этим словом он стыдливо обозначает гениталии. Более того, он уверен, что других значений у слова «естество» просто нет.

Автор Половой старается изо всех сил. Он хочет, чтобы было красиво и эротично. Он, между прочим, уверен, что у него получается написать красиво и эротично — и что читатели, прочитав его стихи, моментально восплают жаркою страстию к первому попавшемуся предмету. Одушевлённому или не очень. Это уж кому как повезёт. Результат стараний, впрочем, способен вызвать разве что бурный хохот. Писать пародии на такие вирши трудно, потому что они, по сути, являются лучшей пародией на самих себя. Но я попробую:

Твой железный дрожащий кинжал
Мою юную нежность вспорол!
Ярко-алый поток побежал,
на подушечке розой расцвёл!

Ты лобзаешь мой томный живот,
Я почти что не чувствую страх!
И держу я твоё естество,
Словно сильную птицу, в руках!

Конечно, «эротические» тексты такого рода — это не поэзия. Ни разу не поэзия. Это — всего лишь очередной повод сказать: «Не пишите такое больше никогда! Пожалуйста!»

Лиене АЦТИНЯ

НРАВЫ РАЗНЫХ НАРОДОВ

Статьи из сообщества «Альтернативный Энциклопедический Словарь»: http://community.livejournal.com/ru_ace

БРА`ТКА — денежное либо иное материальное вспомоществование, вносимое чиновнику любого уровня любым лицом (юридическим или физическим), заинтересованным в положительном (в его пользу) решении вопроса. Б. является логическим продолжением иных ранее использовавшихся форм мзды (взятка, кормление, оброк, барщина). Разновидностями Б. являются «навар», «хабар», «бакшиш», «свой интерес» и пр. От взятки (устар.) отличается значительно более высоким размером, а также тем, что взятку предлагали (чаще всего униженно) сами просители, в то время как Б. является необходимым и неотъемлемым элементом посещения чиновника соответствующего уровня, которым она берётся (отсюда название). Отличим Б. от взятки (например, в султанской Турции) является также её необлагаемость налогами при том, что Б. — основная составляющая дохода чиновничества. Неотъемлемым элементом Б. является её размер, который в любом случае должен превышать установленный ст. 575 ГК РФ пятикратный размер МРОТ.

Обязательным элементом Б. является эзопов язык — специальный сленг, применяющийся во взаимоотношениях «проситель — чиновник» и направленный на отвод глаз Недреманного Ока (здесь: Прокуратура, УСБ). Как установлено недавними исследованиями, фраза из фильма «Чапаев» «братка помирает, ухи просит» является образцом такого языка. Здесь отнюдь не имеется в виду умирающий брат, просящий уху (устар. рыбный суп). Фраза представляет собою разговор замаскированного под «беляка» просителя, вносящего замаскированному под Чапаева чиновнику необходимое вспомоществование за выдачу лицензии на право вылова морских биоресурсов (рыба и пр. морепродукты), а также то, что лицензия необходима срочно (отсюда «помирает»).

КОТА`РСИС (греч. catharsis — очищение + искаж. англ. cat — кошка; букв. — очищение котом/кошкой) — глубокое эмоциональное потрясение от общения с котами, неизбежным результатом которого является обогащение и облагораживание внутреннего мира человека, снятие стресса и зачастую пополнение словарного запаса. Известны две разновидности К. При одной из них у человека, испытывающего К., наблюдаются все признаки удовольствия, голос делается тише, замедляется пульс, улучшается сон. При второй разновидности, встречающейся не реже предыдущей, человек громко кричит и размахивает руками (часто с зажатыми в них тапочками, газетами, вениками и прочими предметами быта) и нередко пребывает в состоянии аффекта, что представляет опасность для вводящих в состояние К. котов.

Нельзя однозначно утверждать, что К. приносит только пользу или вред. Так, в первом случае мы имеем неопровержимые доказательства зависимости от кота, способного вызывать К., сродни наркотической. При долгом отсутствии кота человек может испытывать скуку, душевный дискомфорт и даже впасть в депрессию. Во втором случае кот обижается на хозяина и способен вогнать его в непрерывный К., что для человека чревато фрустрацией различ-

ной степени интенсивности, а для кота может закончиться плачевно.

КРЕСТИ́НЫ ОРБАКА́ЙТЕ — языческий сельский народный праздник в Прибалтике.

Издревле народы, населявшие этот край, верили в то, что умилостивить местных хтонических божеств можно, принеся им жертву. Обычно самую некрасивую, сварливую и глупую девушку на селе в определенный день выгоняли на главную площадь и старались навлечь на нее гнев божества. Для того, чтобы божество откликнулось, необходимо, чтобы девушка совершила провинность. Первоначально девушку [вымарано цензурой], потом ее стали только [вымарано цензурой]. Позже обычай стал менее жестким, и от девушки требовалось только пение идиотских песен истощным голосом (слово «орбакайте» в переводе с древнего языка прибалтов означает «та, что поет дурацкие песни истощным голосом»).

С появлением христианства в Прибалтике обычай не исчез, а продолжал развиваться, маскируясь под христианские традиции. Теперь девушка не только пела, ее еще и демонстративно крестили. Неверность традиционным божествам неминуемо вызывала гнев последних, каковой и обрушивался на несчастную (обычно нос ее удлинялся). Впоследствии все село могло спать спокойно.

МОНОСТЫ́РЬ (лат. Мопо — один + рус. прост. стырить — взять без спросу, украсть; дословно «возьми что-нибудь одно») — медицинское учреждение для лечения больных kleptomанией. Не путать с манустырь (вор-карманник)! Изначально М. создавались как культово-религиозные сооружения тюремного типа для лиц, не ладивших с христианской заповедью «не укради». Для предотвращения побегов пациентов М. обносились крепостной стеной и глубоким рвом. Происхождение самого слова не вполне ясно. По наиболее распространенной версии часто использовалась лечебная процедура, состоявшая из ампутации правой руки, и название М. было издевкой — «стырь-ка одной!», по другой — существовала традиция, разрешавшая пациентам для менее болезненного протекания klepto-абстинентного синдрома украсть раз в неделю одну вещь у другого пациента.

Большую известность имеет М. на Соловках, который в 20-х годах XX в. расширил свой профиль и занимался лечением таких заболеваний, как интеллигентизм, болезнь левизны, синдром Троцкого-Зиновьева, бытовой болтулизм и др.

ФАНЭ́ТИКА — негласный свод морально-этических норм поведения спортивных фанатов, регламентирующий, прежде всего, оральную составляющую процесса боленья, т.е. выкрикивание разнообразных речёвок, песен, персональных мнений о ходе игры и т.п. Соблюдается, в основном, в умеренно интеллигентной фанатской среде.

В качестве примеров недопустимых, согласно этим нормам, фанатических явлений на трибунах можно привести: воспроизведение резких громких звуков постоянного тонического характера с помощью специальных технических приспособлений (дудки и т.п.); открытое и явное информирование окружающих о пикантных подробностях интимной жизни арбитра матча (вместо известного бранного слова фанатически приемлемым считается эвфемизм

«три-два-раз»); открытое же обвинение администрации и руководства команды-соперника в совершении экономических преступлений, направленных на неосновательное обогащение положительными спортивными результатами в обмен на денежные знаки (при остром желании высказать подобные соображения употребляется аббревиатура, полученная из начальных букв слов обвинительной фразы, например «ГВК!») и многие другие.

Кроме того, фанатическими нормами руководствуются лидеры фанатских группировок при подготовке лирико-поэтического сопровождения матча: смысловой нагрузки скандируемых речёвок, песен во славу любимого клуба (а иногда и в устрашение оппонентов), повизгиваний женской части группировки в адрес наиболее сексуально привлекательных спортсменов в трусах.

Грамотная фанатическая организация матча в значительной степени предотвращает проявления непосредственного физического насилия как на трибунах, так и за пределами стадиона. Фанатически выдержанные болельщики нередко продолжают вечер в совершенно спокойной обстановке близлежащих питейных заведений, где в отдельных случаях способны достичь консенсуса даже с болельщиками команды соперника.

Авторы статей в порядке следования: taiko2, Селезнёва Татьяна, tager, Михаил Тяй, mika_taiyo.

Составила Анна НОВОМЛИНСКАЯ

Игорь ПОНОЧЕВНЫЙ

ЛЕНИН

Этот текст был опубликован на «Точке Зрения» в 2003 году и заслуженно стал одним из наиболее любимых. Разумеется, при представлении сайта на страницах питерского выпуска «Контрабанды» мы не могли обойти стороной рассказ Игоря.

ДЕТСТВО

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) родился в 1872 году в семье Пензенского генерал-губернатора Александра Петровича Ленина. Дед Ленина, Федот Ленин, умерший в 1959 году в Чите в большой бедности, был негр. Двух месяцев отроду Володя Ульянов начал говорить, в год стал читать, в два — пять песни. В три года маленький Володя знал 14 иностранных языков.

Уже тогда вождь мирового пролетариата, В. И. Ленин проявил себя как незаурядный революционер и вдохновитель рабочих масс. Когда Владимиру Ильичу исполнилось 4 года, он научился играть на гармошке, а в пять плясал на Нижегородской ярмарке камаринского. В 6 лет В. И. Ульянов (Ленин) пережил тяжелую психопатическую травму — на его глазах ямщик зарубил топором лошадь. Володя полысел, стал картавить, заикаться, часто моргать глазами и хромать на обе ноги.

В 9 лет в Казанской Кафедральной синагоге Ленина крестили и сделали ему обрезание. До 12 лет Володя жил в городе Арзерум, где воспитывался няней Ариной Родионовной Толстой, читавшей ему сказки. Затем родители вынуждены были переехать в Мелитополь, оттуда — в Варшаву, а после — в Санкт-Петербург.

ОТРОЧЕСТВО

В 13 лет Ленин поступил в Государственный университет им. М. Горького в г. Москве. В университете маленький Володя Ульянов вступил в связь с революционерами и тяжело заболел. В 1887 году В. И. Ленин узнал, что его родной брат, четырежды судимый Федор Иванович Ленин, посажен в тюрьму за поджог Зимнего дворца. По случаю вступления на престол императора Александра IV брата амнистировали.

Отец Лениных растратил кассу взаимопомощи инвалидов Поволжья и застрелился. Мать Ленина — Мария Жюлио-Кюри открыла нейтринно и постриглась в монахини. В 1889 году брат Ленина Федор Иванович попытался на спор переплыть реку Урал при помощи одной руки и утонул. В 1890 году друг Федора Ивановича — Кибальчич изобрел космическую ракету и улетел в космос с Ю. Гагариным. Тяжело переживавший семейные драмы, Владимир Ильич запил, стал пропускать занятия и был отчислен из университета без аттестата.

ЮНОСТЬ

В 1892-1894 годах Ульянов проходит службу в Вооруженных Силах, в Таманской дивизии. В армии Владимир Ильич гневно осуждал царившие там произвол и беззаконие и призывал к введению профессионального казачьего войска Донского. В 1893 году Ленин был сослан на Кавказ, где написал повесть «Тамань». Будучи комиссован, В. И. Ульянов (Ленин) уехал в Эмс на воды, но сдал обратный билет и остался на постоянное

местожительство. Вскоре Владимир Ильич от глубокой озабоченности за судьбы мирового пролетариата стал посещать казино, где проиграл всю партийную кассу РСДРП. В Баден-Бадене Ленин написал роман «Игрок».

В 1902 году Ленин уезжает в Лондон, где знакомится с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом — родоначальниками марксистско-ленинской диалектики. В 1903 году любовный треугольник распался, и Владимир Ильич возвращается в Париж, где подрабатывает в варьете Мулен Руж. В 1904 году В. И. Ульянов заболел СПИДом, но бывший в то время во Франции проездом великий русский хирург Пирогов дал ему пилюлю, и опухоль рассосалась. В период русско-японской войны Ленин завербовался в Иностраннный легион и уехал в Харбин.

ЗРЕЛОСТЬ

В Китае Ленин познакомился с Мао Бз Цзе Дуном. Владимир и Мао виделись всего несколько раз, но сохранили крепкую мужскую дружбу на долгие-долгие годы, и даже взяли ребеночка на воспитание. В 1907 году Владимир Ильич Ленин перешел русско-китайскую границу, поселился в селе Шушенском и стал фермером. Через три года на село Шушенское упал Тунгусский метеорит. Ленина в это время в селе не было — он сидел в Шалаше. Выйдя из Шалаша, Владимир Ильич присвистнул от удивления. В 1911 году В. И. Ульянов (Ленин) заболел тифом и умер.

ЗРЕЛОСТЬ-2

Вождь мирового пролетариата был положен в стеклянный гроб и подвешен на цепях к четырем носам в старообрядческом скиту под Красноярском. Спустя 30 дней Владимир Ильич Ленин воскрес, вылез из гроба и накормил четыре тысячи страждущих двумя хлебами. Он принимает имя Григорий Распутин и ходит по России босым и в рясе, осуждая православную церковь, царские порядки и нечеловеческие условия существования рабочих и крестьян. В 1913 году Ленин уплывает в Финляндию паромом «Эстония» на рождественскую распродажу.

ЗРЕЛОСТЬ-3

12 марта 1914 года в устье Невы паром сталкивается с пароходом «Титаник» и тонет. Вплыв Ленин добирается до Копенгагена. Литерным поездом в запечатанном вагоне немецкое правительство доставляет В. И. Ленина в Англию, где в Гайдн-парке он читает перед рабочими стале-литейных заводов лекцию о Продажной девке империализма. Рабочие Англии разбивают витрины ресторана Макдональдс и сжигают чучело Дяди Эма перед Вестминстером. Английская революция заканчивается взятием Тауэра и провозглашением республики.

ЗРЕЛОСТЬ-4

С 1919 года Ленин поселяется в Разливе, где занимается медитацией и парапсихологией. Научившись летать, Владимир Ильич Ульянов в октябре 1920 года силой воли переносится по воздуху в революционный Петроград, где, не имея прописки, вынужден скрываться на конспиративной квартире. В ночь с 7 на 8 ноября 1920 года на улице Шпалерной патруль казаков спрашивает у Ленина закурить и выбивает ему все зубы. Ленин повязывает зубы ветошью и пробирается на крейсер «Аврора». На «Авроре» изнасилованные курсанты Нахимовского училища стреляют из пушки

по старослужащим на броненосце «Потемкин», но попадают в Зимний дворец. Начинается восстание декабристов на Сенатской площади. Угрожая «Авророй» Смольному, В. И. Ульянов берет власть в свои руки.

ЗРЕЛОСТЬ-5

Первым делом Ленин помазует себя на царство и оглашает три Декрета. Декрет о водке, декрет о хлебе и декрет о зрелищах. В конце 1922 года Владимир Ильич Ленин выступает в Большом театре, где читает со сцены Тезисы. В январе 1923 года Ленин переносит столицу из Москвы в Харьков. 23 февраля того же года Владимир Ильич заключает позорный мир с Японией, по которому Японии отходит Крым, а США — Аляска, Гавайи и Земля Франца-Иосифа. Начинается военная интервенция.

ЗРЕЛОСТЬ-6

В годы Гражданской войны В. И. Ульянов (Ленин) слушает в Смольном Аппassionату Бетховена. В 1927 году Ленин уезжает в Горки, откуда руководит Кронштадтским мятежом и восстанием барона Врангеля. В 1928 году Владимир Ильич провозглашает Новую экономическую политику (НЭП): «человек человеку — волк, товарищ и брат». После гражданской войны и иностранной интервенции Ленин носит бревно.

ЗРЕЛОСТЬ-7

В 1929 году Каменев и Зиновьев изобретают Лампочку Ильича, а Лев Троцкий — нейтронный сероводород. Владимир Ильич сбрасывает две атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, забирает назад Крым и отдает его батьке Махно на три дня на разграбление. Махно подделывает указ Совнаркома и вместо трех дней Крым переходит к Украине на 300 лет без права пролонгации. В 1930 году Ленин с трибуны ООН называет интеллигенцию «говном».

СТАРОСТЬ

В 1931 году на Черной речке состоялась дуэль Владимира Ленина и Иосифа Сталина, в результате которой Сталин ослеп и оглох. На следующий год Сталина отправляют в железном вагоне в Коктебель на лечение. В Коктебеле Сталин женится на Надежде Крупской — друге и соратнике. В 1933 году Ленин женится на Аллилуевой и рождает от нее трех детей — Васю, Басю и Масю. После смерти Ленина они наследуют: Вася — Сибирский улус, Бася — Голубую орду, а Мася — Розовую. В 1934 году Ленин встречается в лесу с Печником. Встреча оказывает тяжелое гнетущее впечатление на обоих.

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ

22 января 1937 года Владимир Ильич Ленин приехал на Путиловский завод братьев Люмьер (ныне особняк Ксешинской) для встречи с трудящимися. Внезапно на проходной завода образовалась давка. Вплотную к В. И. Ленину подошла молодая симпатичная брюнетка в черной юбке, черном жакете, черных чулках, черных туфлях и в черной кожаной куртке. Это была эсерка Зоя Космодемьянская. Она страшно захохотала и ударила вождя мирового пролетариата отравленным ледорубом в затылок. Ильич дико закричал и умер.

Г. БАРАНОВ

ИСТОРИЯ N

Эта удивительная история началась в тот самый момент, когда, оказавшись перед проблемой выбора, я лежал дома на диване, размышляя, что делать: зашопать сначала носки, а потом их постирать, или наоборот.

Можно подумать, я умею шопать. Можно подумать, у меня в шкафу не найдется пары свежих, еще ненадеванных.

Блин! Дело не в этом. Дело в том, что в тот день, помню, я позавтракал пивом. И теперь нелепыми мыслями о носках я пытался выгнать из головы навязчивую идею пообедать водкой. Самообман, в сущности. Иллюзия. Я знаю, к чему приводит все это. К тому, к чему это приводит всегда. Но такова человеческая сущность. Борьба единства и противоположности прямо-таки пропечатана у меня на лбу. Раньше мне часто об этом говорили. Да я и сам видел не раз. Хотя, бывает, глянешь с утра в зеркало, — а там никого. Ну да ладно. Экстрасенсорикой пусть занимаются «избранные», а я вполне обычный, и уши у меня оттопыренные.

Так вот, я уже, можно сказать, был одной ногой в магазине, когда подал голос дверной звонок. Я вздрогнул. Я никого не ждал. Я давно уже никого не жду. С друзьями я обычно общаюсь недолго и по телефону. С женщинами — как получится и по интернету. Один мой продвинутый приятель — программист по образованию и по жизни — еще пару лет назад «вскрыл» special for me один из продвинутых же порносайтов. И пока меня не взяли за задницу соответствующие органы, я беру за задницу тамошних красавиц.

Еще немного денег — и у меня будут перчатки из латекса с проводами из области третьего глаза. И тогда, вероятно, необходимость в телефоне и обременительность в общении с друзьями попросту упадет. Это называется самодостаточностью. Во как!

Дверной звонок, тем временем, снова зашелся петушиным криком. Что-то я задумался. Задумался не о том. Лучше бы в комнате прибрался хоть немного. Разбросанные по полу дискеты, сигаретные пачки, местами даже сигаретные блоки. Батарея пустых бутылок под столом. На продавленный диван даже смотреть не хочется.

Иду к двери. По дороге приглаживаю волосы. Втайне надеюсь, что кто-то ошибся адресом. Смотрю в «глазок». Есть такое оптическое воплощение технической мысли. Я не боюсь грабителей. Это пусть они боятся меня. Видимо, что-то из детской привычки подглядывать...

С той стороны — девушка. Или женщина? Кто их разберет с первого взгляда? Примерно этак, где-то, э... не знаю, как сказать... около моих лет. Я не молод. И не стар. Так, по крайней мере, мне кажется. А еще я знаю, что на моей двери какая-то скотина нацарапала гвоздем «I love animals». Поскольку конечное слово не обозначено заглавной буквой и не выделено кавычками, надпись эту можно трактовать как угодно. Я слышал, в питерском зоопарке обитает медведица по кличке «Услава». К чему это я?

Да ни к чему! Просто очень приятно, когда иногда тебя называют «животным». Не я один об этом знаю.

Интересно, прочитала ли девушка этот автограф на той стороне двери моей берлоги?

Смотрю в «глазок» другим глазом. Он видит лучше где-то на полдиоптрии. Черты ее лица кажутся мне неуловимо знакомыми. Но я никогда не встречался с ней. И даже не видел. Почему-то это я знаю точно. Эх, заглянуть бы за дверь тем самым пресловутым третьим...

• КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Это, наверное, агитатор — скоро выборы. У нас всю жизнь выборы. По крайней мере, у меня. Сегодня — так с самого утра. Пока соображаю, что к чему, рука сама по себе вращает ключ в замке. Открываю. Кроме лица на гостье длинное кожаное пальто. И никакой папки с предвыборной агитацией.

— А у вас во дворе злая собака, — говорит Она вместо «здравствуйте». — Чуть меня не съела.

— Собак нельзя бояться, — отвечаю. — Ибо они, собаки то бишь, это чувствуют.

Пытаюсь быть умным, что мне не свойственно.

— Можно войти? — спрашивает Она.

— Да, конечно. — Не понимая ничего, я отодвигаюсь.

Она входит. Снимает пальто и за неимением у меня вешалки опускает его на спинку стула.

— Прошу в гостиную. — Простираю длань в темноту коридора, туда, где расположена кухня. Теперь пытаюсь быть галантным, что не свойственно мне тем более. Уточняю: — Простите, в комнате немного неубрано. — Иду вслед за ней по стене в сторону, указанную мной же. В душе клянусь себя за то, что не сходил за водкой раньше.

Она садится за стол. Имею возможность рассмотреть ее фигуру без пальто.

А можно, я не буду ее описывать?

Грохочу чайник о плиту.

— Чаю не желаете? — ну прям как лорд Байрон или эсквайр Бонд во время five o'clock.

— Лучше кофе. К коньяку. — И достает откуда-то из-под стола бутылку «Хеннеси».

Я по-прежнему ничего не понимаю. Наверное, я сплю. Поднимаю чайник над плитой, подношу свободную ладонь к горелке. Больно!!!

Значит, не сплю. Бред!

А еще: кофе у меня нет. Кофе есть у соседей. Это коммунальная квартира. Не все об этом догадываются. В том числе и соседи. Я либо пропадаю где-то на работе, либо...

В общем, все мои соседи поголовно «совы», хотя мне лично они больше напоминают кротов. А вот я — наоборот. Не в том смысле, что я — ангел, просто я просыпаюсь рано. Поэтому я живу в квартире первые полдня, пока они спят, а потом — замираю.

Но сейчас соседи на даче. Выходные. У них дача где-то в пригороде. Они спят там прямо на грядке. А у меня в распоряжении их кофе. Не обидятся, я думаю, а если и так, то, по крайней мере, не обеднеют.

И вот кофе дымится в фарфоровых чашках (опять же, соседских), и коньяк разлит по рюмкам (рюмки — мои).

— За вас! — говорит Она, слегка улыбаясь.

— Спасибо, с удовольствием.

Мы выпили.

Я растерян. Ладонь до сих пор болит.

Мы пьем кофе. Молча.

Иногда так хорошо помолчать. Порой тишина дает больше информации, чем телевизор, радио и приятели вместе взятые.

Глядя в ее глаза, разливаю по второй.

— За вас! — Повторяюсь, но тут же проявляю находчивость, иду ва-банк. — А давайте-ка на брудершafft. Как-то нелепо «выкаты».

Находчивость и нездоровый цинизм — вот два качества, что позволяют мне выживать.

Она не против. Она не против совсем. И мы целуемся. Становится совсем легко. Или это от выпитого коньяка?

Я завариваю еще по чашке кофе.

Мы сидим. Мы пьем кофе. Кофе и сигареты. Сигареты и коньяк. Темнеет за окном, а откуда-то из духовки нашей старой коммунальной, неработающей местами плиты доносится ненавязчивый драйв «Animals».

— Кто ты? — решаюсь, наконец, спросить я.

— А зачем? — почти неслышно отвечает Она, и слегка поводит плечами, как бы давая понять, насколько глуп и риторичен этот мой вопрос.

В бутылке кончается «Хеннеси», у соседей закончился кофе. Со всем стемнело за окном. В честь этого я зажег две свечи, что нашлись под рукой, и отнес их в свою комнату, пиная по пути всякий хлам, что валялся на полу. Она последовала за мной. Я чувствовал Ее дыхание затылком.

Затем было много чего. Даже того, чего до этого не было раньше. Сила притяжения и невесомость, легкий бриз на воде и буря в пустыне. И когда, уже под утро, Она назвала меня «животным», я действительно почувствовал себя человеком.

Обещала ли Она вернуться? Я не помню. Кажется, я даже не спросил Ее об этом.

Я помню только вкус Ее тела и запах Ее духов.

Жаль ли мне, что я так и не узнал Ее имени?

А и вправду, зачем?

Альфина ГОЛУБЕВА

ТОКИЙСКОЕ МЕТРО

Хламидомонада

привет, человек. я — хламидомонада,
я обитаю в терпких морях Монако.
в ломких кромках водорослей, однако,
я никогда не бывала — и, видно, не надо.
мир мой мокрый, хмурый, серый и мелкий;
впрочем, в округе бродят крамольные слухи,
что где-то там наверху прозрачно и сухо.
мне небо сыплет на голову побелку.

мне небо белое, небо не голубое -
а, говорят, в далёких витках нирваны,
живут моря без небес под названием «ванны»,
живут моря без границ и с живым прибором...
я знаю: серый мир никому не нужен,
мой милый мир с осыпавшейся побелкой.
вчера узнала, почему мне так мелко:
оказывается, я обитаю в луже.

Расписка

да ты не расчёсывай, где болит,
это всё печально только на вид,
а внутри давно уже шелуха,
а внутри только серь да трамвайный хам
семки лускает, пялится в окна глаз
из грязного, выжженного стекла.

да кончай наяривать на больном,
это всё достало давным-давно,
зал ушёл в антракте, забыв поп-корн,
ты ему теперь не подножный корм;
а остался только трамвайный хам.

утро серым мажется по щекам,
истрёпанно-выцветшее на вид.
отстань, не трогай.
везде болит.

1 + 1 = 0

выплёскивая выплакивая
рифмованные соцветия
ромашками кашкой маками
вслепую плывём как дети мы

по рекам своей же памяти
ресницами словно вёслами
пусть пусто и больно падать нам

на колкие веси звёздные
пусть страшно и даже хочется
повыть на луну на бога там
зарыться от одиночества
в подушку упрямым хоботом

к нам грусть бредёт серой павою
на этих дальних излуцинах
где дети паводка плавают
друг с другом быть не обучены

* * *

...и вдруг понимаю, что всю жизнь
впустую ломала карандаши -
а теперь нарисовала того самого
хрустально выстеленного сусальностью,
того, за которым — границу перелететь и
побумажнить, вышвырнуть одно измерение
из своего толстого, тяжёлого тела,
и по плоскости — вскользь — парить-реять бы...

эта дрожь в пальцах, как будто рядом — любовник,
в ломком грифеле отзывается болью.

рисунок живой — я чувствую, из листа чуть слышно дрожит...
я люблю его, люблю, правда...
как мне теперь жить?.

Радиоулитка

улитки ползают по склонам Фудзиямы
и кажут миру невесёлые рога.
у них ни бога нет, ни папы нет, ни мамы,
а только сакуры солёная пурга.

улитки думают о тонкостях буддизма,
не любят суши и не слушают джей-рок;
когда однажды, изничтожив катаклизмы,
себе построим супермодный Парадиз мы —
увидим: он — улиточье нутро.

как, впрочем, и токийское метро.

Николай ЗАУСАЕВ

КОНЦЕРТ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО БЕЗ ОРКЕСТРА

Зал филармонии заполнялся несколько вальяжно. Основная публика была представлена дамами пожилого возраста в подавляющих далекое прошлое нарядах с претензией на вечерние изыски. Они долго вчитывались в билеты и неспешно рассаживались на истертые плюшевые места. Немногочисленный мужской контингент сопровождения здесь напоминал, скорее, очнувшихся от летаргического сна спустя столетие. Представители сильного пола пробирались по рядам с застывшей жалкой усмешкой, затравленно оглядываясь по сторонам. Глаза, расширенные от ужаса, будто кричали: — «Боже! Где я? Как я здесь очутился и кто эти люди вокруг? Что вообще происходит?!»

К последней категории относился и Виталик, рядовой корпоративный менеджер, именуемый официально Виталием Николаевичем, а в простонародье «белым воротничком». Он сидел в отутюженном костюме и начищенных до блеска ботинках плечом к плечу с японцем и изредка, встретившись с ним взглядом, натренированно улыбался. В остальное время Виталик нервно переводил взгляд с огромной хрустальной люстры, торчащей из позолоченного потолка, на старушек и обратно. Причем делал он это настолько быстро, что со стороны казалось, будто человек снимает таким упражнением усталость глаз. На самом же деле Виталик боялся встретиться взглядом с роялем, стоящим на сцене. Этот черный блестящий ящик наводил на него некий благовекий ужас, который обычно испытывают дикие племена при виде белых людей. Или нет. Скорее это был тот ужас, что испытал шестилетний Виталька, впервые увидев на отдыхе в деревне большой гроб, который несли на кладбище. Да, именно так. Этот рояль напоминал ему некий черный гроб из позабытых детских ужасиков. Вот сейчас он посмотрит на него, и тогда лакированная крышка отлетит в сторону, и оттуда выпрыгнет скелет пианиста и захочет.

Нельзя сказать, что Виталик плохо относился к классической музыке. Ее попросту не существовало для него, поскольку встреч с подобным прекрасным он всячески старался избегать. Любые заунывные звуки вызывали тоску, головную боль и почему-то воспоминания об умершей бабушке. При этом ему казалось, что эта музыка обволакивает какой-то неприятной, липкой паутиной, одновременно забываясь в нос смесью запахов тлена и нафталина.

— Скажите, вам нравится сегодняшняя программа? — радостно спросил у Виталика сосед.

— Очень. Я так рад, что мы пришли сюда, — выдал менеджер маску радости №5, про себя добавив: — Еще радуется, сволочь узкоглазая. Говорить научись сначала. Да мне по барабану твоя программа! Мне что сегодняшняя, что завтрашняя. Всю жизнь мечтал эту хрень слушать. Программа у него! Да знал бы ты, тупая башка, что я вообще понятия не имею о твоей программе.

Для культурного общения Виталий Николаевич обладал необходимым запасом знаний. Он знал не только Моцарта, Чайковского и Бетховена, но имел и запасное оружие в виде таинственной и несколько загадочной фамилии Шуберт. Ну а для шутового разговора у Виталика всегда был припасен анекдот про Брамса. Это когда менеджер на вопрос «Любите ли вы Брамса?» отвечает: — «А как же! Вот, к примеру, БРАМС па-па па-па па-па, БРАМС па-па па-па па-па!».

Этот старый бородатый анекдот приводил в неопишимый восторг собеседников Виталика и автоматически поднимал его в чужих глазах на недостижимую ступень культурного развития. На этом музыкальные познания рядового корпоративного менеджера заканчивались. Правда, если не считать того, что Виталий Николаевич мог даже ночью проснуться и напеть мелодию неизвестного для него композитора, на которую шеф положил свои идиотские слова и заставлял орать ее хором в начале каждого рабочего дня. Да еще Виталик выучил назубок похоронный марш, поскольку как-то поспорил в компании бутылку «Чивас Регал», доказывая, что после «Там там татам», когда в дело вступают не то дудки, не то контрабасы, идет абсолютно другая траурная мелодия. В нынешнем концерте ничего знакомого в афише он не нашел, поняв, что нет предела совершенству.

Сейчас Виталик сидел с физиономией гостя на поминках в течение первых двадцати минут. Естественно, что данный светский выход состоялся не по его доброй воле. Просто этот придурок из Японии оказался большим любителем классической музыки. Он прилетел в фирму на важные переговоры, а по дороге прослышал, что во время его пребывания здесь будет бумкать на рояле какая-то известная личность. Пришлось покупать ему билет, а Виталика назначили сопроводительным лицом. Отпираться было бесполезно и чревато. Поэтому лицо лишь вздохнуло, а вечером уже встречало дорогого гостя у входа в филармонию.

Наконец свет в зале погас и на сцену под бурные аплодисменты вышел плюгавенький мужичок во фраке. Он поклонился, резво сел за рояль и вдарил по клавишам. При первых же аккордах Виталик поморщился и заскучал. Смотреть на сцену было так же интересно, как на таблицу-сетку в телевизоре, где ничего не менялось. Хоть бы оркестр был. Там движение какое-то есть. То один сыграет, то другой, то в тарелки бахнут, чтобы не спали. А этот явно денег пожалел. Зачем еще кому-то платить, когда все себе забрать можно? Вон фрак на нем, сразу видно, каких бабок стоит.

На какое-то время Виталик задумался насчет фрака. Вот если бы купить такой же, как на пианисте, и припереться в нем на корпоративную вечеринку. Все в костюмах, и тут Виталик весь в черном. Точно рты пораскрывают. А если еще цилиндр прикупить с тростью... Нет, не пойдет. За выпендрож и нарушение правил иерархии шеф точно уволит. Как пить дать, вызовет на следующий день к себе в кабинет и с ласковой улыбкой укажет на дверь. Да и на что ему, Виталику, этот фрак сдался? В нем и ходить-то, наверное, неудобно. Стягивает все, и не вдохнуть. Удивительно, как этот «барабанщик» еще себе рукава по шву не порвал. Вон как брякает и от края до края рояля пытается дотянуться. А вот если сейчас шов треснет? Вот смеху бы было. Что бы, интересно, этот лабух делать стал? Хотя нет, этот дом престарелых такого юмора не поймет.

Виталик еще раз осмотрел зал и остановился взглядом на поблескивающей в сумраке хрустальной люстре. Интересно, а это стекляшки или настоящий хрусталь? Нет, наверное, все-таки настоящий. Раньше подделок не делали. Хотя... Сколько лет с тех пор прошло. Сто раз могли растащить, заменив стеклом. А вообще интересно, как такая дура висит? А если она возьмет сейчас да и шандарахнет. Сколько, интересно, пенсионерок накроет? Вот юмор будет. Пришли пианину послушать, а тут такое. Судьба, одним словом, не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Впрочем... А ведь и меня достать сможет. Вон сколько висюлек. Достаточно одной по балде получить. Да и вообще, она ведь тяжелая. Наверняка пол проломит и уйдет на

нижний этаж вместе с нами и пианистом этим хреновым. Нет, лучше пусть висит. Блин, как же все-таки скучно-то.

Виталик, подавив зевоту, успел ответить улыбкой на восхищенный взгляд япошки и стал разглядывать лица публики в надежде обнаружить хотя бы одно прелестное личико. Но из-за относительной темноты увидеть кого-либо на расстоянии ближайших пяти кресел оказалось невозможным. Виталик затосковал. Хоть бы бинокль был. Нет же, блин. Одним словом, филармония. Даже биноклей не дают. Конечно, на что тут смотреть-то, на этого пианиста? Ну и ладно. Все равно инфракрасный бы не дали. А от обычного в такой темноте какой толк? Хоть бы подсветку какую-нибудь лазерную включали. Виталик вздохнул и с сожалением вспомнил, как полгода назад друг Костик вытащил его за компанию в театр на «Гамлета», чтобы «баб снять». Верняк, говорил, век повышения не видать. Они, мол, только в театр и ходят, чтобы познакомиться. Девушки тогда были, но все какие-то ущербные и несвежие. В очках, нескладные, одеты, как библиотекариши из книгохранилищ. Когда «театралы» сбежали в антракте, Костик долго сокрушался, оправдываясь тем, что нужно было не на такое старье идти, а на что-нибудь современное и модное. Эх, друг Костик, где же твой «Гамлет»? Воистину, что имеем, не храним. Здесь дамы если и были библиотекарями, то еще в царской России. Если бы еще в буфете остаканиться, может, хотя бы музыка повеселее казалась. Так куда с этим «нрависа-не нрависа»? Еще подумает что-нибудь не то, сморчок узкоглазый, накапает шефу. Все, пинцет. Делать тут больше нечего.

Виталик вздрогнул от бурных аплодисментов и, поняв, что чуть не проспал овацию, захлопал в ладоши и крикнул «Браво», не забыв при этом одобрительно улыбнуться японскому гостю. Мужик за роялем нехотя кивнул головой в сторону зала, будто зрители ему мешали, затем занес руки над клавишами на несколько секунд и неожиданно быстро заперепирал пальцами по черно-белым застывшим в кости нотам. Со сцены полилась грустная мелодия, отчего Виталик окончательно впал в депрессию.

— И что это за жизнь у меня такая? — размышлял он, упершись взглядом в свои поблескивающие даже в темноте ботинки. — Нет чтобы на какую-нибудь человеческую презентацию хоть раз отправили. Кабак или клуб ночной нормальный, боулинг, там, девчонки, выпивка, танцульки и все такое. Хрена лысого! Туда начальство само прется. А меня как затычку в заднице, на всякое дерьмо посылают. То на семинар какой-то, где только со сном борешься, то на выставку, где от стойки не отойти, чтобы ничего не украли, а вместо заключительного банкета, где опять же шеф веселится, еще и упаковывать все приходится. Теперь вот концерт этот. И что же за жизнь такая скотская? Пашешь, как папа Карло. Тут подшустрил, там подлизал, здесь прогнулся до пола. И никакого просвета. Одни только неясные обещанные перспективы роста. Куда расти-то? Нас таких тянущихся к солнцу, как собак нерезаных. А начальственных кресел мало, да и расписаны все наперед. Вот и наш хмырь, если когда и сдохнет, то сынку своему все передаст. А я так и буду здравицы петь да всяких важных персон ублажать в сопровождении, пока в ящик не сыграю.

Неожиданно для себя Виталик ощутил, что музыка в зале явно соответствует его настроению. Она словно была ненавязчивым фоном и в то же время сочувствовала, подобно внимательному молчаливому собеседнику, к которому хочется высморкаться в жилетку. Виталик попытался задуматься над тем, почему игра на рояле впервые не раздражает его, и вдруг вспомнил свое детство. О том, как хотел стать мо-

ряком или известным путешественником, повидать мир. Он вспомнил о тех странах, которые представлял себе. Зеленые пальмы на берегу голубого океана, таинственные замки в дымке утреннего тумана, очаровательные мулатки в таверне для усталых путников и прожженные морской солью старые моряки обязательно с попугаем на плече, как у пиратов. Где теперь эти замки под пальмами? Они так и останутся в воображении, напоминающем медленно протирающийся от старости свитер. Таверны и берега, которые уже точно останутся белым пятном на карте жизни. Туда не ступит больше ни одна нога, поскольку это были только его образы и очертания. А ему остается лишь сидеть в строгом костюме, скалиться перед каждым клиентом отработанными для всех ситуаций улыбками и иногда вспоминать о своих детских наивных мыслях. Он вообще больше никем не станет. Ни путешественником, ни физиком, как хотел отец, ни врачом, как мечтали бабушка и мама. Никем! Потому что его поезд ушел, оставив его на станции белых воротничков, которые умеют мечтать только о перспективах роста. И самое страшное, что все составы пролетают мимо. Следующий поезд остановится здесь только через несколько лет и увезет его до остановки «Старость», куда продают билеты всему хламу в этом обществе.

Виталик не заметил, как на глазах выступили слезы. Впервые за прошедшие двадцать лет. И музыка плакала вместе с ним. Она оплакивала утраченные, рассыпающиеся только от одного прикосновения воспоминания о будущем, которое превращалось в прах навсегда исчезнувшего прошлого. Музыка словно пыталась сохранить хотя бы один замок, дряхлеющий на глазах подобно песочному, чтобы оставить хоть что-то на память этому плачущему взрослому мужику. И не могла этого сделать. И будто извиняясь за неудачу, она пыталась обнять слушателя, ласково погладить его по голове и утешить с какой-то материнской грустью. Произошел тот редкостный случай, на котором веками настаивают графоманы в своих сочинениях, о котором грезят композиторы и музыканты. Музыка очаровала человека, вошла в такт с дыханием его души, в такт с биением сердца. И человек, еще десять минут назад затыкавший в ее присутствии уши, сейчас слился с ней в гармонии.

— Господи, что это за музыка? Кто автор? — не вытирая таких странных для него слез, шепотом спросил Виталик у японца, чтобы запомнить название и, может быть, навсегда получить для себя скрытого от всех друга и лучшего собеседника.

— Да, эта музыка, — кивнул с задумчивой улыбкой тот. — Тисе, не испугайти ие.

— Да, действительно, — согласился с соседом Виталик и затаил дыхание.

Он понял, что лучше не дышать, иначе можно потоком воздуха порвать эту тончайшую материю, которой заботливо и нежно окутала его мелодия. Один неосторожный выдох может наполнить невидимые паруса и унести сотканный из нот корабль к тем исчезнувшим островам с попугаями. Унести навсегда! И Виталик не дышал, а музыка продолжала наполнять его с каждым аккордом. Он не чувствовал запаха нафталина, а вдыхал соленую влажность моря, поскольку стоял на капитанском мостике в адмиральском костюме и, ощущая от восторга сводящий конечности холодок, принимал последний парад проходящих мимо него детских мечтаний.

Неожиданно зал взорвался аплодисментами. Виталик вскочил с кресла и впервые в жизни искренне захлопал в ладоши, крича срывающимся голосом «Браво» этому человеку во фраке, подарившему ему до сей поры неизведанное чудесное ощущение. За все время сво-

Вадим ШАМШУРИН

МАЛЕЦ ПИТЕРСКИЙ. НОВАЯ ВСТРЕЧА

Сочинения Пети Пуговкина

Я не писал о Мальце несколько лет. И мне сейчас трудно. Вдруг Мальц уже не подпустит меня к себе ближе, чем на пушечный выстрел. Но надеюсь, что пушки у него от петровских времен.

ей работы корпоративный менеджер впервые посмотрел на нужного человека неотработанным взглядом и улыбнулся ему натуральной, немного застенчивой детской улыбкой. Японец понимающе кивнул головой и улыбнулся в ответ.

Пианист на сцене встал из-за инструмента, с благодарностью принял от кого-то небольшую корзинку с цветами, поклонился и вновь сел за рояль. Зал затих в ожидании. Виталик сел на место и теперь с нетерпением стал ждать новой мелодии. Он хотел этого и одновременно побаивался, что это была мимолетность, что сейчас в зал войдет совершенно другая музыка, с которой у него не будет ничего общего.

Музыкант заиграл вновь, и чудо повторилось. Новая мелодия была нежной и светлой. Она звала за собой в какие-то новые, еще неизвестные дали, давая надежду на то, что все еще в жизни изменится, все еще будет хорошо. К черту эту работу и эти дежурные улыбки, к черту шефа вместе с его перспективами, к черту душащий белый воротник и жмущие ботинки, к черту этих японцев и корейцев! Все еще впереди! Не все потеряно и есть шанс быть собой! Его просто не может не быть! Виталик, словно кобра в такт дудочке, качался на волнах завораживающего звука, чувствуя, как от сочетания волшебных звуков по всему телу пробегают ледяные мурашки. Ему было настолько хорошо, что он боялся выказать своеобразный оргазм, завопив на весь зал «Твою мать! Как же хорошо! Какое же это чудо!!!» И чтобы крик его пошел бродить отражением под потолком, сливаясь в экстазе со звучащей музыкой.

Час прошел совершенно незаметно и Виталик понял, что сегодня с ним случилось нечто, в результате чего он обрел новое ощущение, подарившее ему надежду, вдохнувшее в него что-то новое и настолько приятное, что он никогда уже не запрячет это в глубины души.

Концерт закончился, но аплодисменты не затихали. Наконец маэстро вышел из-за кулис вновь, смущенно поклонился и опять сел к роялю. Очарованный зал уже не садился, а, вытянувшись в струнку, готов был внимать любому звуку, любой ноте. Виталик даже привстал на цыпочки, будто пытался разглядеть, где же прячутся волшебные девы-мелодии в этом элегантно и очаровательном рояле. Маэстро вновь дотронулся до клавиш и...

Это была «Лунная соната», еще одна мелодия, которую знал Виталик. Она навязла у него на зубах, вгрызлась в каждую клеточку, дергая за все болезненные нервные окончания при первых звуках. Если бы Виталик владел нотной грамотой, он мог бы записать ее на память даже не по нотам, а по микронным составляющим каждой ноты. Потому что уже три года подряд каждые выходные ровно с десяти до одиннадцати утра над его головой эту мелодию пыталась сыграть соседская девочка. Ровно в десять, как будильник, не давая отсрочки нежащемуся под одеялом организму ни на один день, чтобы выспаться. Три года одно и то же бам ба-бам, бам ба-бам. И эту мелодию Виталик ненавидел так же, как и девочку, которая каждый раз запинаясь в одних и тех же местах, вызывая еле сдерживаемое желание добраться до нее, доиграть, а потом мелко расчленив эту бездарную садистку вместе с родителями, решившими обучить чадо музыке, и засунуть их останки внутрь пианино. И сыграть еще и еще раз эту гадостную музыкачку, а потом сбачать похоронный марш, весело подбрасывая струнами и молоточками кровавые ошметки.

— Привасходна, — покачиваясь в такт музыке, шепнул японец.

— Замечательно, — угрюмо буркнул Виталик и, спохватившись, применил дежурную улыбку №7, а потом быстро отвел взгляд от рояля, напомнившего ему большой черный гроб.

Если напишу так: «Петя Пуговкин оказался совершенно случайно по каким-то делам на Петроградке у Австрийской площади...» Но как-то странно, ведь Петя Пуговкин это я. А если не мудрствовать и начать повествование от первого лица? Но являюсь ли я первым лицом? В этом я что-то сомневаюсь... Ну-ка посмотрим в учебник Русского Языка. Так и есть, Я — первое лицо. Без лишней скромности тогда приступим...

Я оказался совершенно случайно... ну вы знаете... То ли у меня была с кем-то назначена встреча, то ли еще что, сейчас это уже не важно, но у меня оказалось целых полчаса свободного времени, и мне нужно было это время как-то убить. Убить время. Звучит жутко, не правда ли...

Странно, я никогда раньше не замечал на этой площади книжного магазина, хотя бывал здесь частенько, в кафе «Самсон», попивая у окна чай и листая литературный журнал «Крыши». А тут натолкнулся совершенно неожиданно, поднял вдруг взгляд, словно кто окликнул меня, увидел высокое крыльцо, там дверь, а над ней чуть выше скромная вывеска «Книги». Я пожал плечами: мало ли, в наше быстро сменяющееся одно другим время почему бы не появиться еще одному милому магазинчику, пусть ненадолго, чтобы вскоре неминуемо кануть в лету. Но переступив порог магазина, я сразу почувствовал: что-то в моих рассуждениях не стыкуется. Магазин совсем не выглядел, как недавно появившийся, он, наоборот, производил впечатление настолько древнего, что казалось, будто ты вдруг перенесся на три сотни лет назад и оказался в другой эпохе. Магазин был пуст. Я имею в виду, никого из людей я в нем не увидел. За мной закрылась дверь, повторно звякнул дверной колокольчик, но никто встречать меня не вышел. И даже не выбежал. Магазин был огромным, как футбольное поле, и это футбольное поле, насколько хватало глаз, было заставлено книжными стеллажами, на которых под толстым слоем пыли тускло сменяли друг друга корешки очень старых книг. Тусклый рассеянный свет проникал откуда-то сверху. В этот свет вплеталось раскатыстое воркованье голубей. Я задрал голову, вдалеке увидел своды потолка, расписанные старинными фресками. Я попал в очень необычное место. Давно я не был в таких. С тех самых пор...

Но что это могло значить? Ведь все-все это было неспроста. Я вскрикнул, когда понял, что что-то коснулось моей ноги, и отпрыгнул в сторону. Ужас сжал мне сердце. Но это была лишь глупая кошка. Она никак не ожидала от меня такой прыти, и поэтому сама вмиг оцетинилась и изогнула предупреждающе спину. Но быстро успокоилась, села на дощатый пол и уставилась пристально на меня своими круглыми желтыми глазами.

— Чертовщина какая-то...

Она муркнула, словно соглашаясь, и, безразлично посмотрев на меня, встала, и не спеша направилась в глубь зала, и вскоре скрылась за ближайшим книжным стеллажом. Я не нашел ничего лучшего, как последовать за ней.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Я шел за ней, а она останавливалась перед тем как повернуть за очередной стеллаж. При этом было понятно, по всему её виду, что ей наплевать, иду я за ней или нет. А останавливается она лишь затем, чтобы, к примеру, почесать за ухом, или же просто передохнуть. А я никак не мог понять, где все же я оказался. Может, в каком-нибудь тайном обществе, и меня сейчас как чужака поймают и принесут в жертву какому-нибудь богу. Быть может, лучше спрятаться или вообще убежать. При этом я прекрасно понимал, что кошкам вообще доверять не рекомендуется. Кошки ласковые, и с тобой имеют дело только тогда, когда им что-то надо — например, поесть. Неужели эта кошка хочет меня съесть?

— Какие все глупости, — сказала кошка и скрылась за очередным поворотом. Я замер. Не может такого быть. Хотя... если...

Когда я заглянул за поворот, никого там не нашел. Во всяком случае, кошку. Впрочем, совсем никого. Я смотрел на пустую стену, вплотную к которой был придвинут массивный стол, сколоченный из грубых досок. На нем в беспорядке лежали пожелтевшие от времени бумаги, валялись гусиные перья с засохшими на конце чернилами, на одном краю стоял подсвечник с толстой оплавленной свечой, а на другом краю — небольшой сундучок, крышка которого была плотно закрыта, но замок на нем не висел, а валялся рядом. Сундук был ничем не примечателен, деревянный с обитыми железом углами. В таких в давние времена, как нам нашептывали на ночь бабушки, пираты прятали свои несметные сокровища. Но для сокровищ сундук был однозначно маловат. И не сундук привлек мое первое внимание, а рукописи. Мне показался странно знакомым почерк — размашистый с множеством различных завитушек и вензельшек. Чтобы разглядеть получше, я достал из кармана спички и зажег свечу. При ее боязливом свечении я поднес один из листков ближе к глазам... И тут сундук подпрыгнул.

Бедные мои нервы!

Я обязательно бы посидел, если бы... не знаю, что если бы, но я все же не посидел.

Я протянул дрожащую руку к сундуку и тронул его. Он подпрыгнул как живой, послышались какие-то странные звуки, словно кто-то скребся и стучался изнутри.

— Кто здесь? — испуганно спросил я, думая, что там в сундуке, наверное, мыши или же одна большая крыса, и не рассчитывал, конечно же, на то, что мне кто-нибудь ответит...

Но тут послышался звук голоса, приглушенный и неразборчивый, кто-то явно матерился, на чем свет стоит, и делал это с присущей только одному человеческому существу энергией и виртуозностью.

Сердце мое готово было выпрыгнуть из груди от охватившей меня радости. Неужели!

Я ринулся открывать сундук. От натуги я кряхтел и... (здесь упустил), но крышка не поддавалась. После нескольких тщетных попыток я обессиленно уронил сундук.

— Я не могу... не могу, — лепетал я.

— Ты застезжку-то откинь, — прозвучало за спиной.

Обернулся — никого нет. Опустил глаза. Кошка.

— Ну же! — приказала она, — вот люди, ну что за бестолковый народ.

В этот момент почему-то она напомнила мне мою жену.

Я откинул стальную стяжку, которая и правда цеплялась за замочное кольцо. Крышка легко откинулась, и ругань стала отчетливой и громогласней.

В край стенки вцепились маленькие крепкие пальцы, потом показалась взлохмаченная голова, и через секунду на борт сундука забрался коренастый человек в старом, в заплатках, пальто, пыльных ботинках и длинном обмотанном вокруг шеи шарфе. О размерах этого человека говорить будет излишне.

Он с минуту смотрел на меня, насупившись. Раздвигал обиженно щеки, будто это я его закинул в сундук. Кстати...

— Малец, — я первым прервал это невыносимое молчание, — как тебя угораздило...

Но я не успел договорить.

Малец Питерский от возмущения взорвался:

— Петя! Где тебя носило все это время!!!

Ну что я мог ответить?

Спрыгнув с сундука, Малец осмотрелся, в раздражении пнул гусиное перо и только затем уперся яростным взглядом в меня:

— Только не говори, что явился ты с пустыми руками!

— Я же... — и удивился, и сразу же попытался оправдаться я.

Малец сокрушенно вздохнул:

— И тебя не смущает, что Малец Питерский уже неделю как трезвый и вообще скоро так уменьшится, что его даже нельзя будет как блоху подковать.

Я растерянно смотрел на Мальца, не в силах понять, какая тут связь. А что он был размером с бутылку, так мне всегда казалось — такого размера и должны быть домовые.

— Нет, посмотрите на него, он еще медлит! Не думал я, что исчезну с глаз долой и переселюсь в микромир и в микропитер из-за нерасторопности людской.

И правда, прямо на моих глазах он еще больше уменьшился.

Я наконец все понял и рванул к выходу. Только где он в этом царстве?

Я метался между стеллажами, и то дальше, то ближе слышалось:

— Скорее, скорее.

Но все тише и тише... Голос становился все тоньше...

Я сидел на плече у Мальца. В состоянии тихой радости и внутренне-го светлого спокойствия. В общем, пьяный. Лишь одно тревожило меня и не давало достигнуть полного алкогольного просветления...

— Малец, — пролепетал я ему в ухо.

— Что, Петя?

— А что это была за кошка?

— Кошка?

— Да, говорящая...

— Это не кошка была.

— А кто?

— Этого сегодня я тебе не скажу. Может, в следующий раз, если ты опять куда-нибудь не запропастишься.

Малец Питерский засмеялся. Все голуби испуганно сорвались в небо. Малец тем временем перешагнул через Неву и ступил на набережную адмирала Макарова. Все, что можно было выпить на Петроградке, мы уже выпили. Теперь дело стало за погребками Васильевского острова.

Я становился все меньше и меньше. Ведь все в мире относительно. Но мне было начхать. Я был на седьмом небе от счастья (это где-то семьсот метров от земли). Малец вернулся. Или, правильнее будет сказать, вернулся я.

Андрей МЫШКИН

ВАРЬКА И ДРУГИЕ

Разноцветные сказки

У меня есть друг или подруга, в общем, моя хорошая знакомая, она писательница, а ещё художник. Как-то она пригласила нас к себе на дачу.

— Приезжайте, — говорит, — у нас тут хорошо, всего в саду много, и муж у меня хороший, он хоть и не сказочник, но бородатый.

И мы стали думать. Путь не близкий, на денёк-другой не поедешь. Жена сказала, что её с работы не отпустят. Кот Корнелий не мог оставить дом без присмотра. И мы с Варькой поехали одни.

Дача была за городом, не за нашим, а за другим городом. Долго добирались, приехали наконец, уже под вечер.

Вот и калитка. Мы постучали и вошли, и увидели. . .

Варька, которая с ног валилась от усталости, застыла с широко раскрытыми глазами. Я даже испугался за неё, подумал, что она и спать теперь так же будет. Надо сказать, я поразился не меньше Варьки. Но я-то взрослый и мужчина, а потому эмоции показывать не должен, но как я их старательно ни прятал, некоторые остались снаружи в виде открытого рта.

Перед нами был сад и дом. Всё было разноцветным. Ягоды, цветы, скамейки, забор и бабочки. Ну всё! И кошка ходила пятнистая. А когда нас повели к дому по дорожке из разных камешков, мимо пропрыгали две лягушки. Одна обычная, зелёная, а вторая, как конь — в яблоках.

В доме были комнаты для гостей. Синяя, зелёная, оранжевая и ещё много разных. Но мы так устали с дороги, что легли и сразу окунулись в разноцветные сны.

А утром нас разбудил муж моей знакомой. Ну, который не сказочник, но с бородой. Кстати, борода у него тоже разноцветная. И повёл нас завтракать и показывать сад и дом. Варька, быстро что-то похватав со стола, умчалась в какие-то ягодные заросли, заметив в них ящерицу, красную и зелёную с жёлтым брюшком. А мне показали ласточкины гнёзда, большую яблоню и мастерскую, в которой можно. . . ну, там всё можно, такая она большая и светлая. Хочешь картины пиши, хочешь танцуй, и сказки можно писать. А сказки там везде. В саду, под крышей дома, в облаках, в чулане и даже в супе, которым нас кормили на обед.

И всё закрутилось как в kaleidoscope. Мы и не заметили, как целая неделя пролетела. Хорошо, что я вовремя на часы посмотрел.

И мы с Варькой с сожалением и впечатлениями стали собираться обратно.

Моя знакомая надавала нам с собой разноцветных банок с вареньем. А её муж с бородой (а может, он тоже сказочник? ну очень похож!) отвёз нас на вокзал.

И мы опять долго ехали на поезде.

А дома нас ждали мама и Корнелий, но он не показал вида, что соскучился, мужчина же, эмоции прячет. А наша мама показала — она нас обняла и поцеловала.

И мы сели пить горячий чай со всяким сказочным ягодно-плодовым вареньем из разноцветных банок.

И на душе у нас было тепло.

PS. Когда мы с женой пришли целовать на ночь спящую Варьку, из кармана её курточки вылезла та самая ящерица с жёлтым брюшком и сказала, что Варька пригласила её у нас жить.

Троль и Улитки

Иногда, вечерами, Троль выбирался вовне. Он любил эти прогулки, хотя они причиняли ему беспокойство. Во время них Тролля охватывали воспоминания о Принцессе, о бабочках, а звёзды были похожи на светлячков. Троль стоял в траве, вдыхал свежую прохладу, а на тапочки к нему заползали Улитки и смешно щекотали рожками, пытаясь поднять настроение. Когда щекотка доставала из дебрей Тролля улыбку, он наклонялся и заглядывал внутрь спирали. Там было темно и бесконечно, это напоминало ночное небо. Налюбовавшись, Троль приглашал к себе Улиток на чашечку чая и скачки. Чай заваривался из вкусных ягод и ароматной травы, к нему подавалась большая круглая сахарница с кусками сахара. Улитки сахар не ели, но это было традицией. После чая Троль высыпал сахар на стол, сажал Улиток в сахарницу и динькал ложечкой по блюдцу, возвещая начало скачек.

Сладкие Улитки ползли наперегонки по кругу и никак не могли понять, когда же будет финишная ленточка.

Сказание о Драконушке и друге его Ведуне

Давно это было, теперь уж, наверное, и не будет никогда. А повадился как-то молодой дракон к костру ночному ведуновскому. Любопытен был дракон по младости лет своих, да и душу родную (костра) почувствовал. Только ближе и ближе подлётывал, чаще и чаще в ответ огонь пускал. А Ведун преклонных лет, старь беззубая, только тварь завидит неоперившуюся, тут же учить её уму-разуму, ведать про дороги нелётные. Хоть имел он в дальних землях малых детушек, а мотался, как волк неприкаянный.

Много ли прошло, мало ли времени, только утром рано люди вставшие уличили тварь со старью в открытосердии. Спали рядышком огромна ящерица и старик бесстыжий, в обнимочку. Ну, охотнички быстренько завалили пещеру дракону и давай его вязать, к себе тащить (приспособить под нужды хозяйские), по дороге чешуйки срываючи. Ведуна, конечно, за бороду, ну и. . . Что сейчас нам вспоминать неприятное. В общем, суд да расправу устроили.

А вот выжили ящер с учителем! В старике Ведуне совесть вскинулась, говорит он Дракону побитому: «Ты лети, птица-ящер, своим путём, может, примет тебя кака стаюшка, всё ж с своими общаться понятнее». Но дракончик хоть тварь и холодная, воспылил изнутри гневом праведным: «Что же мы с тобой, малознакомые, что меня от себя отгоняешь ты? Или врал ты мне всё про разумное (доброе, вечно)?!»

Стали жить они рядышком в хижине. И плохое бывало, и хорошее. И откуда-то детки повылупились. И дракоша им стал нежным сродичем. И Ведун забросил все хитрости — не пытался дракона привязывать. А зачем ему привяз понадобится, если он так и так милый рядышком. Ну а люди вокруг успокоились, увидели, что нет необычного, да и стали общаться по-доброму. Кто-то чем помогать набивается, ну а кто получить ума-разума. И детишки с соседскими прыгают, а дракон в небеса их закатывает. Вот такая история бесхитростная.

А Ведун со своими-то прошлыми отношения начал поддерживать — всё же дети его однокровные, и зовёт их не иначе — Гешталтики. И дракоша на это посматривает свысока души своей необъятной.

Вот такое сказанье далёкое рассказала девчонка-красавица и пошла от меня, как порхала, и на солнце чешуйкой поблёскивала.

Азбука в тарелке

Мама пришла из магазина с полными сумками и с порога загадочно объявила, что сегодня мы будем за обедом изучать азбуку.

Варька заинтересованно раскрыла глаза и рот. Я азбуку и так знаю, а Корнелий сказал, что коты для чтения не предназначены.

На кухне слышался грохот посуды — видимо, мама составляла учебную программу. Наконец нас позвали. В тарелках был суп, и не простой: в нём плавали макаронные буквы.

— Кто первый съест, тот лучше всех научится читать и получит мороженое.

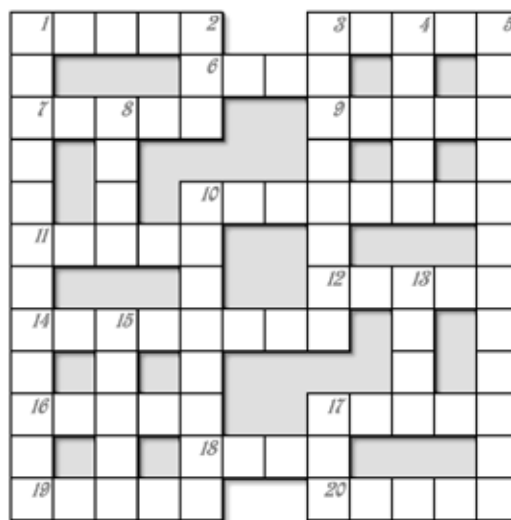
Я робко заметил, что читать уже умею, но с мамой не поспоришь. И мы стали есть.

Варька вылавливала буквы и располагала их на краю тарелки. Буквы бегали по супу, в ложку не хотели и путались. Она долго гонялась за «Р», как вдруг та стала «В». «Г» не хотела поворачивать палочку в нужную сторону, а у «Ы» палочка вообще не нашлась.

Но суп мы всё-таки съели и мороженое получили. Даже Корнелий, хотя он в обучении участия не принимал.

А потом Варька сказала, что раз все буквы не выловились и читать она ещё не научилась, то пусть я ей читаю. И мы пошли читать сказки Саши Ивойловой и рассматривать картинки.

Как всё-таки хорошо она пишет — наверное, супа много ела.

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРОССВОРДЫ
МИХАИЛА МАЙГЕЛЯ**

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1.Имя наставника «маленьких дикарей» (Э.Сетон-Томпсон). 3.Богатырь А.К.Толстого. 6.Отверстие, «где опять не спят» (Цветаева). 7.Социальный статус бывшего вешателя кошек (Достоевский). 9.»Храм поклонников ламы» (Даль). 10.Воинское звание Гашека (1915), которым каждый может потерять себе... 11.Струнный музыкальный инструмент, поющий о скором закате (Айтматов). 12.Птица у Шекли. 14.Герой повести Л.Андреева и романа М.Муркока. 16.Русский парижский автор книг о Набокове и Ахматовой; то, что герой Дж.Родари лечил кофейнику в переводе Маршак. 17.Киргизский эпос. 18.Левая у Пруткова, рачья у Эренбурга. 19.Любимый поэтами водный поток. 20.Юный герой повести Дж.Крюса.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1.Роман Дж.Фаулза. 2.Звенел в сердце Хлебникова и не умолкал в ушах Ахматовой. 3.Скрытый смысл высказывания или текста. 4.Римский император, считавший себя потомком писателя и юриста. 5.Вторая профессия уроженца г. Бобруйск Ефима Драбкина. 8.Герой повести Горького и романа Булгакова (имя). 10.Герой поэмы Пушкина, потомок Одульфа. 13.Город, где родились авторы Э.Бовари и А.Люпена. 15.Фамилия Леси Украинки и хвостатый самец тетерева. 17.Лексика, которой не боялись Пушкин и Лермонтов, зато боится современный читатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ПРЕДЫДУЩЕГО НОМЕРА. Горизонталь: 1.Лепорелло. 3.Лье. 4.Пара. 6.Люди. 8.Она. 10.Анкас. 11.Пак. 12.Али. 13.Бал. 14.Строка. 17.Горлум. 20.Агра. 21.Мерлин. Вертикаль: 1.Лексиколог. 2.Овод. 3.Лепта. 4.Пан. 5.Алек. 7.Искра. 8.Оса. 9.Апис. 13.Булка. 15.Том. 16.Конан. 18.Ода. 19.Лем.